

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№116, Декабрь 2024
(Часть 9)

Самара, 2024

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №116, Декабрь 2024 (Часть 9) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2024 - 164 с.

doi: 10.18411/trnio-12-2024-p9

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович
Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович
Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич
Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна
Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович
Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич
Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна
Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна
Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы
Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна
Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич
Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна
Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна
Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна
Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна
Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна
Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич
Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна
Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна
Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович
Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна
Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович
Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна
Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы
Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Пронина Наталья Андреевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденев Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ XVI. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
Абеленцева А.А. Преимущества и недостатки разрешения споров в международном коммерческом арбитраже	8
Александрова М.А., Черникова Д.Н. История развития правового регулирования экологических отношений в России.....	11
Ананьева Е.О., Ананьева Ж.Н. Досудебное урегулирование споров между супругами при расторжении брака.....	15
Ахрамеева М.А. Особенности защиты личных неимущественных прав автора.....	18
Ахрамеева М.А. Групповые иски и их особенности в гражданском процессе	21
Ахрамеева М.А. Иск о признании как способ защиты права.....	23
Бадмаева Д.А. Роль государственных внебюджетных фондов в финансировании мероприятий направленных на социальную защиту населения.....	25
Байковская Э.Р. Отказ от молчания: нарушения прав осуждённых и факторы, способствующие бунтам в местах лишения свободы	28
Байчорова Ф.Х. Правовая природа вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве	31
Бардакова В.Д., Боев Д.В. Следственный комитет РФ: его задачи и полномочия	33
Бас М.Н., Гончарова А.Н. Международно-правовые способы охраны Плато Путорана как объекта всемирного природного наследия	37
Батурина О.М. Специфика правового регулирования договора на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских, технологических работ.....	39
Бегалиев Э.А. Проблема защиты прав несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции.....	43
Беляй Д.А., Гусакова Ю.С. Современные правовые проблемы государственной социальной помощи в России	46
Беляй Д.А., Земляченко Я.В. Защита прав граждан потребителей в торговом обслуживании	49
Береза К.Ю. Статистический учет под призмой уголовного законодательства.....	53
Богачев Н.И. Проблема применения судебного прецедента как источника экологического права.....	57
Божедомова А.В. Особенности нормативно-правового регулирования ВРТ (вспомогательных репродуктивных технологий) в странах с разной демографической ситуацией	60
Борисов Д.А. Правовая природа безналичных денег	66
Борисов Д.А. Правовой статус криптовалюты.....	69
Борченко П.А., Лемешова С.С. История развития экологического права	73
Борченко П.А., Лемешова С.С. Проблемы квалификации преступлений, связанных с доведением до самоубийства	75
Борченко П.А. Особенности правового статуса супругов как субъектов предпринимательских отношений.....	79

Босова А.С., Шрамкова А.А. Понимание беспомощного состояния в уголовном праве Российской Федерации	82
Бочарникова В.О., Боев Д.В. Координация органами прокуратуры деятельности по борьбе с преступностью	85
Бузов И.В. Оказание помощи осужденным как направление по предупреждению рецидивов.....	88
Булавин Д.А., Ткаченко В.В. О некоторых проблемных вопросах организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России на транспорте.....	90
Булдыгеров М.Н. Проблемы использования показаний свидетелей в уголовном процессе	93
Булдыгеров М.Н. Предпринимательское право в условиях цифровизации.....	96
Булдыгеров М.Н. Некоторые проблемы квалификации превышения должностных полномочий, совершенного сотрудниками органов внутренних дел	99
Бульдяева К.А. Современные методы противодействия экологическим угрозам	102
Бульдяева К.А. Соотношение федерального и республиканского материнского капитала.....	105
Бурмач С.О., Кудрявцева Л.В. Особенности международных правовых инвестиционных споров	108
Васильева Ю.В., Курочкина В.М. Статус индивидуальных предпринимателей в России и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ.....	111
Вашева А.А., Григорьева А.И. Развитие экологических правоотношений: сравнительно-правовой анализ законодательства Индии и России.....	115
Великородная В.О., Белецкая А.А. Гражданская ответственность банков за причинение ущерба клиентам.....	118
Вербилёва А.С. Незаконное предпринимательство: особенности квалификации	121
Вербилёва А.С. Актуальные проблемы отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего	124
Верещагина Г.П., Палазин С.А. Проблемы обеспечения права личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве.....	126
Воронина А.О., Денисюк М.А., Кулакова Н.Г. Факторы, способствующие совершению преступных деяний сотрудниками уголовно-исполнительной системы .	129
Вторникова В.В. Особенности правового регулирования брокерской деятельности на российском фондовом рынке	133
Гайдыдей О.Е. Договор аренды: общая характеристика и особенности договора	136
Ганаева Е.Э. Коррупция и коррупционные преступления как угроза национальной безопасности.....	139
Ганаева Ю.Э. Преступное банкротство: криминологические аспекты.....	141
Ганаева Е.Э. Проявления экстремизма в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды	144
Ганзлик П.Р. Отличие международного права от международного частного права...	146
Гасымова С.С. Защита личных данных в предпринимательской деятельности: вызовы и решения.....	149

Гасимова С.С. Правовые основы регулирования финансирования избирательных кампаний кандидатов и избирательных объединений в Российской Федерации.....	151
Гнездилова В.С., Архиреева А.С. Влияние конституционного суда как источника на муниципальное право	156
Горелик А.В. Возможность перерасчёта ранее назначенной пенсии по инвалидности и выплат в счёт возмещения вреда здоровью из утраченного заработка для лиц пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы: миф или реальность?	158

РАЗДЕЛ XVI. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абеленцева А.А.

Преимущества и недостатки разрешения споров в международном коммерческом арбитраже

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-366

Аннотация

В настоящей статье анализируются виды международных коммерческих арбитражей, исследуются преимущества процедуры рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже, необходимые условия для рассмотрения международного коммерческого спора в данном учреждении.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, третейское разбирательство, арбитр, международный спор, институциональный арбитраж.

Abstract

This study analyzes the types of international commercial arbitration, what is the difference between them, examines what advantages the dispute resolution procedure in international commercial arbitration has, and what conditions must be met in order for the consideration of an international commercial dispute in this institution to be possible.

Keywords: international commercial arbitration, arbitration proceedings, arbitrator, international dispute, institutional arbitration.

В последние десятилетия государства активно сотрудничают друг с другом, что привело к стремительному развитию международной торговли. Однако любое взаимодействие между субъектами международного права может сопровождаться возникновением конфликтов, требующих законного и обоснованного решения. Любые международные отношения могут перерасти в трудноразрешимый спор. Часто между взаимодействующими субъектами с разной гражданской принадлежностью возникают международные экономические споры, для разрешения которых выбирают международный коммерческий арбитраж.

Ввиду того, что международный коммерческий арбитраж широко востребован на практике для урегулирования споров между лицами с различной гражданской принадлежностью, данная тема остается актуальной на протяжении длительного периода времени.

В настоящем исследовании предлагается новый подход к порядку прекращения дел, переданных на рассмотрение в международный коммерческий арбитраж, в государственных судах.

Обращение в международный коммерческий арбитраж для разрешения споров считается формой третейского разбирательства. Существует два вида международных коммерческих арбитражей: арбитраж ad hoc и институциональный арбитраж. Термин «ad hoc» в переводе с латинского языка означает «на данный случай» [1]. То есть, такой арбитраж является временным, разовым и создается специально для конкретного спора. Институциональный арбитраж, напротив, функционирует на постоянной основе [2].

Стороны могут определить передачу спора в международный коммерческий арбитраж двумя способами.

Первый способ – это включить третейскую оговорку в условие контракта при его заключении. Это означает, что во время согласования условий договора между

сторонами, в текст соглашения включается специальная третейская оговорка. Такая оговорка подразумевает, что спор между сторонами будет решаться в третейском суде. Она может предусматривать выбор конкретного третейского суда, в котором будет рассматриваться спор либо выбор определенных арбитров. Дополнительно в договоре могут быть указаны правила, по которым будет проводиться арбитражное разбирательство. Если при заключении договора такая оговорка включена в его текст, то в будущем стороны обязаны следовать указанным в ней условиям.

Второй способ – заключение отдельного соглашения о передаче спора на рассмотрение третейскому суду. Разница между третейской оговоркой и отдельным соглашением о передаче спора на рассмотрение третейскому суду заключается в том, что оговорка включается в договор при его заключении, а отдельное соглашение может быть подписано на любой стадии действия контракта и даже после его исполнения, как до возникновения спора, так и после. Стороны могут принять такое соглашение, если изначально не включили третейскую оговорку договор, но решили изменить условия разрешения споров.

Возможность для сторон на любой стадии действия договора определить, что спор будет рассматриваться не в государственном суде, а в международном коммерческом арбитраже, свидетельствует об их автономии в выборе механизма разрешения конфликтов.

Процедура рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже включает стандартные этапы третейского процесса. Спорящие стороны обращаются в международный коммерческий арбитраж, который анализирует договор, ставший предметом спора, и другие представленные документы, чтобы установить наличие арбитражного соглашения или оговорки, позволяющей рассматривать спор в порядке международного коммерческого арбитража. Примечательно, что, как и государственный суд, международный коммерческий арбитраж уполномочен принимать все необходимые меры, для обеспечения сохранности имущества, применять другие обеспечительные меры. Рассмотрение спора в международном коммерческом арбитраже завершается принятием решения по делу, которое выносится посредством голосования третейских судей, входящих в состав суда. Принятое международным коммерческим арбитражем решение считается окончательным [3].

Порядок деятельности арбитражей, расположенных на территории Российской Федерации, регулируется Федеральным законом «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон о МКА) [4]. Не могут быть переданы на рассмотрение и разрешение международного коммерческого арбитража дела, подведомственные государственному или третейским судам. Этот запрет отражен как в Законе о МКА, так и в Федеральном законе «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) [5]. Однако между этими законами существуют противоречия. Так ст. 8 Закона о МКА и ст. 8 Закона об арбитраже регламентируют порядок передачи спора из государственного суда в арбитраж. Закон о МКА устанавливает, что если между сторонами заключено арбитражное соглашение, и одна из них заявила об этом, то производство по делу в государственном суде прекращается, и разбирательство осуществляется в третейском суде. В Законе об арбитраже указано, что государственный суд оставляет иск без рассмотрения, и стороны направляются в арбитраж.

Исходя из положений гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства следует, что иск должен быть оставлен без рассмотрения. Поэтому предлагается внести изменения в п. 1 ст. 8 Закона о МКА, заменив слова «прекратить производство» на «оставить иск без рассмотрения».

Рассмотрение споров в международном коммерческом арбитраже обладает рядом преимуществ. А.М. Вострикова относит к ним независимость процесса, экспертные знания арбитров, окончательность принятых международным коммерческим судом

решений, высшую силу решений как международного акта [6]. По нашему мнению, преимуществами также следует считать:

- 1) **Нейтральность.** Рассмотрение споров независимыми арбитрами особенно важно в международных спорах, поскольку государственный суд не всегда может гарантировать отсутствие предвзятости к контрагенту, имеющему гражданскую принадлежность другого государства.
- 2) **Гибкость.** Процессуальный порядок рассмотрения международных споров в международном коммерческом арбитраже позволяет сторонам самостоятельно определить многие аспекты разбирательства, адаптируя их к своим конкретным потребностям и обстоятельствам.
- 3) **Конфиденциальность.** Любая информация, ставшая известной арбитрам в процессе рассмотрения спора, не подлежит разглашению третьим лицам. Это выгодно сторонам, желающим сохранить конфиденциальность в своих деловых отношениях.

Г.А. Никитин отмечает в качестве преимущества международного коммерческого арбитража возможность спорящих лиц самостоятельно сформировать состав суда, который будет рассматривать существующие между ними спорные вопросы [7].

В нашем государстве для решения международных экономических споров на базе Торгово-промышленной палаты был создан и успешно функционирует Международный коммерческий арбитражный суд. С 2017 года введен разрешительный порядок создания третейских судов, однако это требование не распространяется на Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. В настоящее время для того, чтобы получить статус постоянно действующего арбитражного учреждения, некоммерческая организация должна соответствовать определенным критериям. Например, в Законе об арбитраже указано, что для получения статуса постоянно действующего арбитражного учреждения, некоммерческая организация должна иметь масштаб, характер деятельности и репутацию, позволяющими обеспечить высокий уровень организации работы учреждения. На наш взгляд, такой законодательный подход представляется субъективным, поэтому необходимо либо исключить оценочные понятия из текста закона, либо разработать четкие критерии, на основе которых можно оценивать соответствие организации требованиям для получения статуса постоянно действующего арбитражного учреждения.

Таким образом, рассмотрение споров между субъектами с разной гражданской принадлежностью в международном коммерческом арбитраже имеет ряд преимуществ. Однако в нашем государстве существует определенная монополия в сфере институциональных арбитражей, поскольку действующих на постоянной основе арбитражных учреждений очень мало, и используемые законодателем оценочные формулировки не способствуют созданию новых подобных учреждений. Учитывая, что дела, подведомственные государственным или третейским судам, не могут быть переданы на рассмотрение международному коммерческому арбитражу, предлагается внести изменения в п. 1 ст. 8 Закона о МКА, заменив слова «прекратить производство» на «оставить иск без рассмотрения».

1. Носырева Е. И. Виды арбитража и перспективы их развития в контексте реформы третейского разбирательства / Е. И. Носырева, Д. С. Аулов // Лучшая студенческая статья 2018 : сборник статей XIV Международного научно-исследовательского конкурса : в 4 ч., Пенза, 25 апреля 2018 года. Том Часть 4. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. – С. 124-128.
2. Халилов И. С. Институциональный международный коммерческий арбитраж // Мир современной науки. – 2019. – № 1(53). – С. 56-59.
3. Смирнова Т.Н. процедура разрешения спора в международном арбитраже // Эпомен. – 2022. – №69. – С. 259-267.

4. О международном коммерческом арбитраже: федер. закон от 29.12.2015 г. №382-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2015 №358-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Вострикова А. М. К вопросу о преимуществах и недостатках международного коммерческого арбитража // Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 февраля 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 117-119.
7. Никитин Г. А. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате России (МКАС) // Вестник науки. – 2019. – №12 (21). – С. 170-175.

Александрова М.А., Черникова Д.Н.

История развития правового регулирования экологических отношений в России

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-367

Научный руководитель: Сороколетова М.А.

Аннотация

Статья посвящена исследованию эволюции правового регулирования экологических отношений в России с древнейших времен до настоящего времени. Анализ охватывает широкий хронологический период, позволяющий проследить трансформацию природоохранных норм от традиционных правил и обычаев до современного экологического законодательства. Цель исследования – выявить основные этапы формирования и развития экологического права в России, проанализировать влияние социально-экономических и политических факторов на его становление, а также определить ключевые тенденции и проблемы в данной области. Актуальность исследования обусловлена возрастающей остротой экологических проблем в современном мире и необходимостью совершенствования правового механизма их решения. В статье подробно рассматриваются три основных этапа развития экологического права: дореволюционный период, советский период и постсоветский период. На основе анализа нормативно-правовых актов, научной литературы и исторических источников выявлены особенности правового регулирования на каждом этапе. Результаты исследования демонстрируют эволюцию подходов к охране природы – от преимущественно ресурсно-ориентированного подхода в дореволюционный и раннесоветский периоды к более комплексному экологическому регулированию в современности.

Ключевые слова: экологическое право, история развития экологических правоотношений, природопользование, охрана природы, экология, экологические правонарушения, развитие экологического законодательства.

Abstract

The article is devoted to the study of the evolution of legal regulation of environmental relations in Russia from ancient times to the present. The analysis covers a broad chronological period, allowing to trace the transformation of environmental protection norms from traditional rules and customs to modern environmental legislation. The aim of the study is to identify the main stages of formation and development of environmental law in Russia, to analyze the influence of socio-economic and political factors on its development, as well as to determine key trends and problems in this field. The relevance of the study is due to the increasing severity of environmental problems in the modern world and the need to improve the legal mechanism for their solution. The article examines in detail three main stages of development of environmental law: pre-revolutionary period, Soviet period and post-Soviet period. On the basis of analysis of

normative and legal acts, scientific literature and historical sources, features of legal regulation at each stage have been identified. The results of the study demonstrate an evolution of approaches to nature conservation - from a predominantly resource-oriented approach in the pre-revolutionary and early Soviet periods to more comprehensive environmental regulation in modern times.

Keywords: environmental law, history of development of environmental legal relations, environmental management, nature protection, ecology, environmental offences, development of environmental legislation.

Дореволюционная Россия представляла собой преимущественно аграрную страну, экономика которой базировалась на сельском хозяйстве, осуществляемом преимущественно крестьянским населением. Отсутствие централизованной системы управления природными ресурсами не означало отсутствия природоохранных практик. Напротив, традиционное природопользование, передававшееся из поколения в поколение, включало в себя элементы рационального подхода, основанные на глубоком знании сезонных циклов и экосистем. Эти знания, часто переплетающиеся с суевериями и народными приметами, регулировали использование природных ресурсов, ограничивая сбор лесных продуктов (ягод – земляника, черника, брусника, клюква; орехов – кедровых, лесных; меда – бортничество), а также устанавливая запреты на сельскохозяйственные работы (сев, уборку урожая, покос трав) до определенных дат, связанных с фенологическими наблюдениями. Например, в Подмосковье сбор земляники начинался с 29 июня (9 июля по новому стилю), что совпадало с началом медосбора. Начало колошения ржи связывалось с днем святого Федосия (29 мая по юлианскому календарю) [1, с. 12; 2, с. 11-12, 27].

Формирование государственного регулирования природоохранных отношений стало необходимым с развитием общественных отношений и увеличением масштабов использования природных ресурсов. Возникновение экологической функции государства привело к формированию отдельной отрасли права – экологического права. В научной литературе существуют разные точки зрения на начало формирования экологического права в России. Одни ученые-правоведы (О.Р. Саркисов, А.Я. Гуляев и др.) утверждают, что формирование экологического права прошло три основных этапа: дореволюционный (XI в. – 1917 г.), советский (1917-1991 гг.) и современный (1991 г. – наст. вр.) [3, с. 14-15; 4, с. 9.]. Другие ученые являются противниками такого подхода (А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков и др.) и считают нецелесообразным проследить истоки экологического права до XI в., предлагая начинать анализ с середины XIX в. [5, с. 27-28] В рамках нашего исследования мы будем придерживаться первой концепции, что позволяет проследить эволюцию природоохранного законодательства в более широком историческом контексте.

Итак, первые зачатки правового регулирования природопользования можно найти в «Русской Правде» (1016 г.), где предусматривалась ответственность за повреждение общинной или княжеской собственности, включая лес. Штрафы налагались за кражу дров, уничтожение бортей и незаконную охоту (например, на бобра). С развитием феодализма объектами правовой охраны стали охотничьи угодья, рыболовные ресурсы и леса [6, с. 63].

В XVII-XVIII вв. в российском законодательстве обозначилась тенденция к ограничению частной собственности на природные ресурсы в пользу государственных интересов. Природные объекты стали рассматриваться как стратегические ресурсы государства. Эта тенденция нашла свое выражение в законодательных актах, направленных на регулирование использования природных ресурсов. Так, Петр I издал указы, запрещающие уничтожение лесов и деревьев вдоль рек, используемых для лесосплава. Особо ценные леса (мачтовые леса) были объявлены заповедными, что свидетельствует о понимании необходимости сохранения определенных участков леса

для обеспечения государственных нужд. Инициативы Петра I также заложили основы организованного лесоразведения, начавшегося в 1696 г. [1, с. 18]

К XIX веку экологические аспекты получили отражение в уголовном законодательстве. Появление в 1844 г. «Проекта общих правил рыболовства и рыбоводства» (58 статей) указывает на рост государственного регулирования в сфере использования водных ресурсов. Уголовное уложение 1903 г. ввело специальные санкции за уничтожение редких животных (зубр, самки лося, оленя, дикой козы и др.). В начале XX в. начались дискуссии о создании специального государственного органа для надзора за соблюдением природоохранных норм [1, с. 19].

Международная конференция по охране природы, состоявшаяся в Берне в 1913 г., подчеркнула отставание России в этой сфере. Г.А. Кожевников, представитель Российской Империи на конференции, в своем докладе отметил отсутствие специального закона об охране природы, объяснив это обилием природных ресурсов и отсутствием осознания необходимости их охраны как у населения, так и у правительства [7, с. 98]. Однако, уже в 1915-1916 гг. под руководством академика И.П. Бородина, выдающегося ученого-естествоиспытателя и пионера природоохранной деятельности в России, был разработан проект закона об охране природы, хотя и не получивший реализации в дореволюционный период. Этот факт свидетельствует о появлении первых серьезных научных подходов к проблемам охраны природы и необходимости формирования комплексной системы правового регулирования в этой области [8, с. 67-68].

Советский период можно условно подразделить на три подэтапа: первый – 1917-1924 гг.; второй – 1924-1963 гг.; третий – 1963-1991 гг. [3, с. 16-18]

Первый подэтап (1917-1924 гг.) ознаменовался национализацией природных ресурсов и формированием основного законодательства в данной сфере. Ключевыми документами стали Декрет «О земле» (1917 г.), Земельный кодекс (1922 г.), Лесной кодекс (1923 г.), Декрет СНК «О недрах земли» (1920 г.), постановление СНК СССР «Об охране лесов от пожаров» и др. Все природные ресурсы были объявлены исключительной собственностью государства, что стало результатом сплошной национализации земли и других природных объектов. При этом подход к охране природы на данном этапе носил преимущественно санитарно-гигиенический характер, а не экологический в современном понимании этого термина.

Второй подэтап (1924-1963 гг.) характеризуется активным развитием союзного законодательства, регулирующего природопользование. Принятие первой Конституции СССР в 1924 г. заложило правовую основу для разработки и принятия законодательных актов, регулирующих землеустройство, землепользование, использование недр, лесов, водных ресурсов и животного мира. Было принято большое количество правительственных постановлений и декретов, регулирующих использование отдельных природных ресурсов. В 1957-1963 гг. специализированные законодательные акты приняли во всех союзных республиках. Кульминацией второго этапа стало утверждение в 1960 г. Закона РСФСР «Об охране природы в РСФСР» – первого комплексного закона, регулирующего природопользование и охрану окружающей среды в целом и заложившего основы для дальнейшего развития советского природоохранного законодательства.

Третий подэтап (1963-1991 гг.) ознаменовался принятием новых кодифицированных актов в области природопользования, включая основы земельного, водного, лесного законодательства и законодательства о недрах. Постановление Верховного Совета РСФСР от 20.09.1972 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов» сыграло значительную роль в развитии природоохранного законодательства. Конституция СССР 1977 г. закрепила государственную собственность на все природные объекты. В этот период были приняты важные нормативные акты, такие как Постановление ЦК КПСС и

Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы» 1978 г. и др. [3, с. 16-17; 1, с. 14-15]

Современный этап развития экологического права в России, начавшийся с 1991 г., характеризуется фундаментальными трансформациями, обусловленными переходом от плановой экономики к рыночной. Этот переходный период был ознаменован принятием Федерального закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 12.12.1991 г., который заложил основу для новой правовой системы в сфере охраны окружающей среды. Закон, будучи переходным, представлял собой компромисс между сохранением некоторых элементов советского законодательства и внедрением новых принципов, соответствующих рыночным отношениям. Он определил основные направления развития экологической политики, включая принципы платности природопользования, экологической ответственности и участия общественности в принятии решений.

Дальнейшее развитие экологического права определялось Конституцией РФ от 12.12.1993 г., которая закрепила конституционные основы природоохранной деятельности, включая право граждан на благоприятную окружающую среду и обязанность государства по ее охране. Конституционные нормы стали фундаментом для принятия многочисленных федеральных законов, регулирующих различные аспекты природопользования и охраны окружающей среды. В дополнение к федеральным законам, существенную роль в развитии экологического права играют подзаконные акты, такие как постановления Правительства РФ, регламентирующие более конкретные вопросы природопользования и устанавливающие порядок применения федеральных законов, а также указы Президента РФ, имеющие часто распорядительный характер и направленные на решение актуальных экологических проблем. На этом этапе происходило активное взаимодействие с международными правовыми актами в области охраны окружающей среды, что значительно повлияло на совершенствование отечественного экологического законодательства [1, с. 15-16].

В кратчайшие сроки был принят ряд основополагающих нормативных актов, заложивших фундамент для регулирования природопользования в новых условиях: Земельный кодекс РФ (1991 г.), Закон РСФСР о недрах (1992 г.), Водный кодекс РФ (1995 г.), Лесной кодекс РФ (1995 г.), Федеральный закон «Об экологической экспертизе» (1995 г.) и многие другие. Эти законы отразили стремление к созданию правового поля, способствующего рациональному использованию природных ресурсов и защите окружающей среды в условиях перехода к рыночной экономике.

С начала 2000-х гг. наблюдается тенденция к стабилизации и совершенствованию законодательной базы в области охраны окружающей среды. Развитие законодательства тесно связано с экономическими преобразованиями, повышением уровня жизни населения и целями обеспечения экологической безопасности страны. В этот период были приняты и вступили в силу законы, систематизирующие и уточняющие правовое регулирование в сфере природопользования: Закон РФ «Об охране окружающей среды» (2002 г.), Земельный кодекс РФ (2001 г.), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) (2002 г.), Лесной кодекс РФ (2006 г.), Водный кодекс РФ (2006 г.) и другие [3, с. 18]. Эти акты отражают эволюцию подходов к экологическому праву, интегрируя новые научные знания и международный опыт в правовое регулирование отношений в сфере охраны окружающей среды.

В заключение хотелось бы подвести итоги. Проведенное исследование истории развития правового регулирования экологических отношений в России демонстрирует сложную и многогранную эволюцию природоохранного законодательства, тесно связанную с социально-экономическими и политическими преобразованиями в стране. Анализ материала позволил выделить три основных этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Дореволюционный период характеризуется отсутствием единой системы экологического права, однако наблюдаются зачатки природоохранного регулирования. Советский период ознаменовался национализацией природных ресурсов и

формированием системы законодательства, направленного на централизованное управление природопользованием, однако комплексное экологическое мышление начало формироваться лишь в поздний советский период, что нашло отражение в принятии первых комплексных законов об охране природы. Постсоветский этап характеризуется переходом к рыночной экономике и интеграцией России в международное правовое поле, что привело к существенному изменению подходов к регулированию экологических отношений, введению рыночных механизмов природопользования, усилению роли гражданского общества и привлечению внимания к проблемам экологической безопасности. В целом, проведенное исследование генезиса правового регулирования экологических отношений в России показывает постепенный переход от традиционных практик и фрагментарного государственного контроля к более комплексной системе экологического права. Однако необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, его приведение в соответствие с современными экологическими вызовами, а также повышение экологической культуры общества для обеспечения устойчивого развития.

1. Антюфеева, Т. В. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды: учеб. пособие / Т. В. Антюфеева, Л. В. Швецова. Барнаул, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/4904/book.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).
2. Мотревич, В. П. Аграрная история России (IX–XX вв.): учебное пособие. Екатеринбург, 2012. 448 с.
3. Саркисов, О. Р. Экологическое право: учеб. пособие для студ. учреждений высшего проф. образования / О. Р. Саркисов, Е. Л. Любарский. Казань, 2014. 335 с.
4. Гуляев, Я. А. Становление и развитие экологического законодательства России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 189 с.
5. Анисимов, А. П. Экологическое право России: учебник и практикум для вузов / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, Ю. И. Исакова. М., 2024. 432 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/535273> (дата обращения: 14.11.2024).
6. Царева, П. Е. История развития экологического права России: проблемы, перспективы // Закон и общество: история, проблемы, перспективы. Красноярск, 2016. С. 63-65.
7. Бородин, И. П. Мировая охрана природы. Отчет академика И.П. Бородина о командировке в Берн на конференцию по международной охране природы / перевод с франц. Е. Ереминой, под ред. В.А. Дубянского. Петроград, 1915. 106 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/230869> (дата обращения: 15.11.2024).
8. Бринчук, М. М. Экологическое право: учебник. М., 2010. 668 с.

Ананьева Е.О.¹, Ананьева Ж.Н.²

Досудебное урегулирование споров между супругами при расторжении брака

¹Академия ФЦИН России

²ГКУ РО Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи

(Россия, Рязань)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-368

Аннотация

В статье анализируются проблемы, связанные с реализацией законопроекта, предполагающего обязательное посещение супругами семейного психолога перед разводом. В последние годы в обществе наблюдается рост числа разводов, что вызывает обеспокоенность у законодателей и специалистов в области права и психологии. Законопроект нацелен на снижение уровня разводов и улучшение качества межличностных отношений в семьях, однако его внедрение сталкивается с множеством сложностей. Рассматриваются ключевые аспекты, влияющие на успешность данной инициативы в виде негативных последствий. Также акцентируется внимание на важности добровольного обращения за помощью и готовности супругов работать над своими отношениями.

Ключевые слова: семейное законодательство, досудебное урегулирование споров, взаимодействие, коммуникация, конфликт, расторжение брака.

Abstract

The article analyzes the problems associated with the implementation of the draft law, which requires spouses to visit a family psychologist before divorce. In recent years, there has been an increase in the number of divorces in society, which is of concern to legislators and specialists in the field of law and psychology. The bill is aimed at reducing the divorce rate and improving the quality of interpersonal relationships in families, but its implementation faces many difficulties. The key aspects influencing the success of this initiative in the form of negative consequences are considered. Attention is also focused on the importance of voluntarily seeking help and the willingness of spouses to work on their relationship.

Keywords: family law, pre-trial dispute resolution, interaction, communication, conflict, divorce.

Современное общество сталкивается с множеством вызовов в сфере межличностных отношений, и семья, как основная ячейка общества, не является исключением. Увеличение числа разводов, а только за первую половину 2024 года зарегистрировано на 360 тыс. браков 318 тыс. разводов [1], конфликты между супругами и эмоциональные травмы, возникающие в процессе разрыва отношений, подчеркивают необходимость поиска эффективных методов поддержки семейных ценностей. В этом контексте досудебное урегулирование споров в виде законопроекта, который поступил на рассмотрение в Госдуму этой осенью, об обязательном посещении супругами семейного психолога перед разводом вызывает широкий общественный интерес и дискуссии. С одной стороны, инициатива направлена на снижение уровня разводов и содействие более конструктивному разрешению конфликтов. Психологическая поддержка может помочь супругам разобраться в своих чувствах, выявить коренные проблемы в отношениях и, возможно, найти пути их разрешения. Однако, с другой стороны, реализация такого законопроекта сталкивается с рядом серьезных проблем, как юридических, так и психологических [2, с.158].

Реализация законопроекта о обязательном посещении супругами семейного психолога перед разводом сталкивается с определенными факторами и условиями, препятствующими взаимодействию в процессе развода. [3] К ним относят, во-первых, сопротивление со стороны супругов, которое выражается в виде стыда и стигматизации, раскрывающихся в восприятии необходимости обращения к психологу признаком слабости или неудачи в отношениях. Это может вызвать сопротивление и нежелание идти на консультацию. Во-вторых, супруги могут не осознавать серьезности своих проблем или считать, что они смогут решить их самостоятельно, что также приведет к отказу от посещения психолога. Имеют место и психологические аспекты. Процесс развода часто сопровождается сильными эмоциями, такими как гнев, обида и печаль. Они могут затруднить открытое общение с психологом и конструктивное обсуждение проблем, воздействуя на повышение эмоционального напряжения. Некоторые супруги могут бояться изменений, которые, возможно, произойдут в результате работы с семейным психологом: страх перед возможностью сохранения отношений или, наоборот, окончательного разрыва. Обычное нежелание одним или обоими супругами контактировать и раскрывать личные возникшие проблемы. Пара может испытывать трудности с открытием своих чувств и переживаний перед посторонним человеком, что делает процесс консультации менее эффективным.

Культурные и социальные факторы могут также проявлять себя. В некоторых культурах обращение к психологу может восприниматься негативно, тем самым привести к отказу от участия в программе, даже если она является обязательной. Окружение (семья, друзья, знакомые и другие) влияет на решение супругов относительно обращения к психологу. Негативные мнения окружающих могут усиливать сопротивление.

Немаловажную роль играет доступность и качество услуг. В некоторых регионах может быть недостаток профессиональных семейных психологов, что затрудняет доступ к

качественным услугам, а их стоимость может быть высокой, и не все семьи в состоянии позволить себе такие расходы, даже если посещение будет обязательным.

Стоит обратить внимание на юридические и организационные аспекты. Законопроект может не содержать ясных указаний о том, как именно будет осуществляться процесс обращения к психологу, что может вызвать путаницу и недовольство. Если законопроект не определяет последствия за отказ от посещения психолога, это может снизить мотивацию супругов обращаться за помощью.

Реализация законопроекта о посещении семейного психолога до развода требует учета множества факторов — от социальных и культурных до психологических и организационных. Для успешного внедрения такой инициативы необходимо создать поддерживающую среду, способствующую обращению за помощью, а также обеспечить доступность и качество услуг психотерапии.

Существующие стереотипы о том, что «все должно быть решено в семье», могут мешать открытости обращения за профессиональной помощью.

Многие супруги могут не знать о преимуществах работы с психологом или не понимать, как именно проходит процесс консультации. Кроме того, законодатель должен установить такие разъяснения необходимости обращения за психологическими консультациями, которые будут понятны сторонам семейного конфликта.

Если законопроект не будет определять последствий за отказ от посещения психолога, это может снизить мотивацию супругов обращаться за помощью. Существует еще один момент, связанный с тем, что супруги могут беспокоиться о том, что информация, полученная психологом, может быть использована против них в судебных разбирательствах. Обязательность обращения к специалисту вызвана еще одной стороной бракоразводного процесса. Развод может оказать значительное влияние на детей, и супруги могут испытывать дополнительные чувства вины или страха за благополучие своих детей, что может мешать им открыто обсуждать свои проблемы с психологом. [4, с.4760] Пары с детьми могут быть более склонны к конфликтам по поводу опеки и других вопросов, что усложняет процесс терапии и требует от психолога особого подхода. Супруги могут иметь разные взгляды на воспитание детей, что может стать источником конфликтов во время консультаций. [5, с.47].

Законопроект о обязательном посещении супругами семейного психолога перед разводом представляет собой амбициозную попытку снизить уровень разводов и улучшить качество межличностных отношений в семье. Однако реализация данной инициативы сталкивается с множеством сложностей, которые требуют тщательного анализа и продуманного подхода. Во-первых, необходимо учитывать разнообразие психологических состояний и индивидуальных обстоятельств каждой пары. Принуждение к посещению психолога может вызвать сопротивление и негативные эмоции, что, в свою очередь, может усугубить существующие конфликты. Психологическая поддержка должна быть основана на добровольности и готовности супругов работать над своими отношениями, а не восприниматься как обязательная мера. Во-вторых, важно рассмотреть доступность и качество услуг семейных психологов. В некоторых регионах может наблюдаться нехватка квалифицированных специалистов, что делает реализацию законопроекта проблематичной. Кроме того, отсутствие стандартов и единых подходов в практике семейной психологии может привести к неоднородному качеству предоставляемых услуг, что негативно скажется на восприятии данной инициативы обществом. Также следует обратить внимание на культурные и социальные факторы, влияющие на восприятие психологии в разных сообществах. В некоторых культурах обращение за психологической помощью все еще может восприниматься как признак слабости, что может стать серьезным барьером для реализации законопроекта. Наконец, важно помнить о необходимости комплексного подхода к решению проблем в сфере семейных отношений. Законопроект о посещении психолога не должен рассматриваться как единственное решение. Вместо этого необходимо развивать систему

поддержки семей, включая образовательные программы по коммуникации, разрешению конфликтов и эмоциональной грамотности.

Таким образом, хотя идея обязательного посещения семейного психолога перед разводом имеет свои плюсы и может способствовать улучшению ситуации в семьях, ее реализация требует глубокого понимания психологических аспектов, социальных условий и культурных контекстов. Только при условии учета всех этих факторов можно надеяться на успешное внедрение данной инициативы и достижение желаемых результатов в сфере поддержки семейных ценностей.

1. В России в 2024 году распалось более 80% браков... | PostNews. – [Электронный ресурс] – URL: https://vk.com/wall-152992737_6143162 (дата обращения 30.11.2024г.).
2. Ананьева Е.О. К вопросу применения альтернативных процедур урегулирования споров по законодательству РФ//Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 157-159.
3. Госдума изучит проект об обязательной консультации психолога при разводе - РИА Новости, 28.11.2024 – [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20241128/gosduma--1986127413.html> (дата обращения 30.11.2024г.).
4. Ананьева Е.О. Применение альтернативных процедур решения споров // Научный аспект. 2024. Том. 35, №5, с. 4758-4763
5. Ананьева Ж.Н. Расторжение брака как фактор психологического влияния на социализацию личности несовершеннолетнего//Научный Лидер. 2023. № 44 (142). С. 45-48.

Ахрамеева М.А.

Особенности защиты личных неимущественных прав автора

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-369

Научный руководитель: Власова У.А.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы защиты личных неимущественных прав автора, акцентируя внимание на их неотчуждаемости и непередаваемости, что определяет уникальный правовой статус этих прав. Анализируется судебная практика, подчеркивая важность признания права авторства, неприкосновенности произведения и защиты от искажений. Особое внимание уделено средствам защиты в цифровой среде, где фиксируются значительные трудности в доказывании авторства, особенно с учетом быстрого распространения произведений через интернет.

Ключевые слова: личные неимущественные права автора, авторское право, Гражданский кодекс РФ, защита интеллектуальной собственности, право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения.

Abstract

The article deals with the problems of protection of personal non-property rights of the author, emphasizing their inalienability and non-transferability, which determines the unique legal status of these rights. Judicial practice is analyzed, emphasizing the importance of recognition of the right of authorship, inviolability of the work and protection from distortion. Particular attention is paid to the means of protection in the digital environment, where significant difficulties in proving authorship are registered, especially in view of the rapid dissemination of works via the Internet.

Keywords: personal non-property rights of the author, copyright, Civil Code of the Russian Federation, protection of intellectual property, right of authorship, right to name, right to inviolability of the work.

Личные неимущественные права автора, являясь неотъемлемой частью интеллектуальной собственности, занимают особое место в системе гражданских прав. Их защита – это не только гарантия творческой свободы, но и фундамент для развития культуры и науки. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержит исчерпывающий перечень таких прав и механизмов их охраны [1]. Однако, учитывая динамичность общественных отношений, особенно в сфере информационных технологий, анализ законодательства требует постоянного обновления.

Личные неимущественные права автора – это неотчуждаемые, непередаваемые и пожизненные права, тесно связанные с личностью автора и направленные на обеспечение его духовных потребностей, признание его творческого вклада [1, 2]. К таким правам относятся: право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения и другие.

Личные неимущественные права автора имеют двойственную природу: с одной стороны, они являются абсолютными правами, т.е. действуют *erga omnes* (против всех), с другой стороны, они тесно связаны с личностью автора и не могут быть отделены от нее [3]. Именно поэтому защита этих прав осуществляется путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсации морального вреда [2, 3].

Проблемы защиты личных неимущественных прав автора, судебная практика и механизмы правовой защиты охватывают целый комплекс юридических вопросов, начиная от определения границ прав автора и заканчивая способами их восстановления при нарушениях [4]. Глава 70 ГК РФ посвящена авторскому праву и смежным правам. Статья 1251 ГК РФ устанавливает общий принцип защиты личных неимущественных прав автора, а последующие статьи конкретизируют этот принцип в отношении каждого из прав.

- Право авторства: автор имеет исключительное право на указание своего имени, псевдонима или отчества при использовании произведения (ст. 1268 ГК РФ). Это право не может быть передано или ограничено.
- Право на имя: автор имеет право на защиту своего имени, псевдонима или отчества от всяких посягательств (ст. 1269 ГК РФ).
- Право на неприкосновенность произведения: автор имеет право на защиту произведения от искажений, которые могут причинить вред его чести и достоинству или умалить его репутацию как автора (ст. 1270 ГК РФ).

Принципы защиты личных неимущественных прав автора основываются на их неотчуждаемости и непередаваемости: автор не может отказаться от этих прав, и никакие договоры не могут стать основанием для их передачи другому лицу. Даже в случае, если исключительное право на произведение переходит к другому лицу, это не влияет на соблюдение личных неимущественных прав автора [2]. Закон также предусматривает возможность защиты этих прав после смерти автора — в рамках установленных законодательством условия: это право передается наследникам или иным лицам, уполномоченным защищать репутацию и неприкосновенность творческого наследия автора [3].

Средства правовой защиты личных неимущественных прав включают требования о признании права, восстановлении положения до момента нарушения и пресечении действий, угрожающих праву [3]. Например, автор может требовать признания своего права, если другой субъект оспаривает его авторство, вводя общество в заблуждение относительно объекта и автора.

Судебная практика, в частности, указывает на трудности доказывания нарушений личных неимущественных прав в ситуации, когда, например, псевдоним автора был

использован третьими лицами [1]. Так, в деле №5-КГ17-102 Верховный Суд Российской Федерации рассматривал иск гражданина Разумовского к издательству, которое использовало его псевдоним. Судебная коллегия постановила: право на имя является неотчуждаемым и охраняется в силу закона, начиная с момента рождения лица [4]. Этот прецедент демонстрирует, что даже в условиях отсутствия имущественного интереса право на имя защищается законом, что позволяет возместить моральный ущерб, вызванный несанкционированным использованием имени или псевдонима.

Особое значение приобретает защита права на неприкосновенность произведения, что требует строго регламентированных границ его возможной переработки. Суд по интеллектуальным правам, например, в Постановлении №С01-214/2016 разъяснил: переработка произведения без разрешения автора нарушает его право на неприкосновенность произведения. В этом деле произведение было подвергнуто значительным изменениям, и суд подтвердил, что вмешательство в структуру и содержание текста является правонарушением, так как нарушает идею произведения, его целостность и творческий замысел автора.

Отдельного внимания заслуживают механизмы защиты неимущественных прав автора, особенно в цифровую эпоху, когда произведения массово распространяются через интернет [4]. В целях предотвращения и фиксации нарушений авторы все чаще обращаются к таким инструментам, как депонирование произведений в авторских обществах, нотариальное заверение факта авторства и регистрация авторских прав через специализированные сервисы [1]. Например, Российское авторское общество выдает автору свидетельство, которое удостоверяет его право на произведение и может служить доказательством в суде. Кроме того, для защиты в онлайн-среде популярна регистрация на платформах вроде «Проза.ру» или SoundCloud, которые подтверждают наличие произведения в авторских базах данных на конкретную дату, что значительно упрощает доказывание авторства в случае споров.

Несмотря на достаточно развитое законодательство, защита личных неимущественных прав автора сталкивается с рядом проблем, связанных с:

- Трудностью доказывания авторства в некоторых случаях, особенно в отношении цифровых произведений.
- Недостаточной эффективностью мер административной ответственности за нарушение авторских прав.
- Сложностью применения законодательства в трансграничных спорах.

Перспективы развития законодательства связаны с совершенствованием механизмов доказывания авторства, усилением ответственности за нарушение авторских прав, а также адаптацией законодательства к новым технологиям [1].

Таким образом, личные неимущественные права автора обладают особым правовым статусом, что предполагает как наличие четких юридических механизмов их охраны, так и особое внимание к защите этих прав на законодательном уровне.

1. Дитц, А. Право на обнародование произведения в системе личных неимущественных прав автора / А. Дитц // Труды по интеллектуальной собственности. – 2014. – Т. 19, № 4. – С. 109-130. – EDN TJGVPT.
2. Братусь, Д. В. Личные неимущественные авторские права: признаки и принципы / Д. В. Братусь // Юридическая наука и практика. – 2017. – Т. 13, № 2. – С. 33-40. – EDN ZCTFJJ.
3. Астапова, Е. В. Нотариальная защита интересов наследников интеллектуальных прав / Е. В. Астапова, В. В. Косинков, С. В. Студеникина // Юрист-Правоведь. – 2017. – № 1(80). – С. 144-148. – EDN YKTFZB.
4. Дитц, А. Право на неприкосновенность произведения в системе личных неимущественных прав автора / А. Дитц // Труды по интеллектуальной собственности. – 2014. – Т. 17, № 2. – С. 81-102. – EDN T1PWJL.

Ахрамеева М.А.

Групповые иски и их особенности в гражданском процессе

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-370

Научный руководитель Метальникова Ю.Е.

Аннотация

В статье анализируются особенности групповых исков в гражданском процессе, включая их признаки, условия подачи и порядок рассмотрения. Особое внимание уделено существующим проблемам: неопределённости статуса представителя группы, сложностям сертификации и высокой стоимости процессов. Рассмотрены перспективы развития, включая цифровизацию и создание механизмов коллективного финансирования для повышения доступности правосудия.

Ключевые слова: групповой иск, гражданский процесс, сертификация иска, представитель группы, правовое регулирование, цифровизация, коллективные интересы.

Abstract

The article analyzes the peculiarities of class actions in civil proceedings, including their features, conditions of filing and procedure of consideration. Special attention is paid to the existing problems: uncertainty of the status of the class representative, difficulties of certification and high cost of the processes. The prospects of development are considered, including digitalization and creation of collective financing mechanisms to improve access to justice.

Keywords: class action, civil procedure, certification of the claim, class representative, legal regulation, digitalization, collective interests.

Современное правосудие — это отражение общественных вызовов, среди которых защита коллективных интересов занимает всё более значимое место. Рост числа групповых исков подчёркивает необходимость анализа их правового регулирования: от условий подачи до механизмов исполнения.

Целью работы является изучение особенностей данного института, выявление проблем его применения и перспектив дальнейшего совершенствования, что требует глубокого осмысления процессуальных и законодательных аспектов.

Групповой иск представляет собой особую правовую форму защиты интересов, при которой одно или несколько лиц обращаются в суд от имени всей группы, объединённой общими обстоятельствами нарушения прав [1]. Такой механизм выполняет роль инструмента коллективного восстановления справедливости, охватывая как имущественные, так и иные интересы участников, вне зависимости от их числа [1, 2].

Групповой иск обладает рядом признаков, обеспечивающих его уникальность. Во-первых, общность правовой природы требований — основания и фактические обстоятельства, лежащие в основе иска, едины для всех членов группы, что исключает возможность разрозненного рассмотрения дел. Во-вторых, множественность истцов: иск может подаваться как одним участником группы, так и группой лиц либо их представителем — физическим, юридическим лицом или уполномоченным органом [1]. Кроме того, данный институт защищает интересы неопределённого круга лиц, распространяя решение суда не только на заявителей, но и на тех, кто не участвовал в разбирательстве, но входит в группу [3]. Важным аспектом является и процессуальная эффективность: представитель группы обязан адекватно выражать её интересы, обеспечивая равенство и экономию процессуальных ресурсов [1]. Наконец, объединяющим звеном выступает единый предмет спора — требования, направленные на восстановление оспариваемых или нарушенных прав, независимо от состава участников.

Нормативное закрепление групповых исков в российском законодательстве относительно ново: их правовая основа была создана благодаря изменениям, внесённым Федеральным законом №191-ФЗ. Статьи 244.20 и 244.21 ГПК РФ регламентируют ключевые аспекты подачи и рассмотрения таких исков, подчёркивая их процессуальную специфику.

Условия и порядок подачи групповых исков представляют собой систему процессуальных требований и этапов, направленных на обеспечение законности и эффективности судебного разбирательства [4]. Условия подачи:

1. Общие или однородные интересы участников: Предметом спора являются права и законные интересы, основанные на схожих фактических обстоятельствах и направленные на единый способ защиты.
2. Единый ответчик: Групповой иск возможен, если все члены группы имеют требования к одному и тому же ответчику.
3. Обоснование состава группы: Участие в группе должно быть обосновано, а круг лиц — определён или определяем.

Эти критерии закреплены в статье 244.20 ГПК РФ и позволяют структурировать процесс и исключить необоснованные претензии. Порядок подачи же установлен главой 22.3 ГПК РФ и направлен на достижение процессуальной экономии и защиту прав всех заинтересованных сторон. Сложность процедуры компенсируется её прозрачностью и возможностью эффективного восстановления нарушенных прав [2, 3].

1. Составление искового заявления: Иск подаётся представителем группы, так называемым «головным истцом», который указывает права и интересы группы, состав участников и основания их принадлежности к группе.
2. Выбор представителя: Представитель действует в интересах группы без доверенности на основании заявления о присоединении к требованию.
3. Подача заявления в суд: Иск подаётся по месту нахождения ответчика (часть 4 статьи 30 ГПК РФ).
4. Публикация информации о присоединении: Суд или представитель группы обязан обеспечить информирование других потенциальных участников через публикацию в СМИ или на официальных платформах.
5. Присоединение новых участников: Заинтересованные лица могут присоединиться до или после принятия иска судом, подав письменное заявление.

В институте групповых исков существуют значительные судебные расходы, связанные с оплатой услуг представителей и координационными издержками. Также возникает неопределённость в процессуальном статусе лица, ведущего дело в интересах группы, требующая учёта мнения её членов [3]. Отсутствие надлежащих отношений между истцами и их представителями может негативно влиять на ход судебного процесса [1]. Кроме того, возникают сложности на этапе сертификации коллективных исков, когда суд проверяет состав группы и наличие схожих фактических обстоятельств.

Для упрощения процедуры подачи можно использовать онлайн-сервисы, такие как «Мой Арбитр», и предусмотреть защиту от недобросовестных истцов. Создание фонда или платформы судебного финансирования позволит объединиться и получить ресурсы для правовой защиты. Цифровизация института через использование специализированных платформ упростит процесс от подачи заявления в суд до исполнения решения [1, 3]. Регламентация исполнения судебных актов, включая упрощённый порядок возбуждения сводного исполнительного производства, также улучшит работу института групповых исков.

Таким образом, групповые иски, несмотря на их значимость в гражданском процессе, остаются инструментом, который требует адаптации к современным реалиям: юридическая практика сталкивается с недостаточной процессуальной регламентацией и организационными сложностями.

1. Кривова, Т. А. Групповые иски и их особенность в гражданском процессе / Т. А. Кривова // Форум молодых ученых. – 2021. – № 1(53). – С. 156-159. – EDN DLGBOC.
2. Лунев, К. А. Групповые иски в гражданском процессе / К. А. Лунев // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 538-545. – EDN MOFWRE.
3. Беркумбаев, Н. С. Групповые иски в системе исковой защиты в гражданском процессе / Н. С. Беркумбаев, А. Р. Собецкая // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 7. – С. 597-605. – EDN ILZDMF.
4. Шайхутдинова, А. И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно-правовое исследование / А. И. Шайхутдинова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 5(78). – С. 108-124. – DOI 10.12737/jflcl.2019.5.7. – EDN MPUPXI.

Ахрамеева М.А.

Иск о признании как способ защиты права

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-371

Научный руководитель Синенко В.С.

Аннотация

Статья исследует сущность иска о признании как способа защиты права в гражданском и арбитражном процессах. Рассматриваются теоретические основы, историческое развитие, а также проблемы и перспективы его применения в российском праве. Особое внимание уделяется судебной практике и предложениям по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: иск о признании, гражданский процесс, арбитраж, правовая защита, судебная практика, законодательные изменения, правовой статус.

Abstract

The article investigates the essence of the claim for recognition as a method of protection of the right in civil and arbitration proceedings. The theoretical foundations, historical development, as well as problems and prospects of its application in Russian law are considered. Special attention is paid to judicial practice and proposals for improvement of legislation.

Keywords: claim for recognition, civil proceedings, arbitration, legal protection, judicial practice, legislative changes, legal status.

Иск о признании представляет собой важный элемент гражданского процесса, направленный на установление или исключение правового статуса сторон, когда возможное нарушение ещё не произошло, но уже имеется неопределённость.

Цель исследования — детально изучить теоретические, исторические и практические аспекты применения этого иска в российском праве, выявив его роль в правозащитной практике и возможные пути совершенствования.

Иск о признании представляет собой важный процессуальный инструмент, через который суд разрешает вопросы правомерности существования или отсутствия правовых отношений между сторонами. Его сущность заключается не только в установлении факта, но и в устранении неопределённости, которая мешает надлежащему осуществлению

субъективных прав [1]. Этот иск используется, когда есть угроза или фактическое нарушение прав, но при этом права ещё не нарушены, что делает его незаменимым для предотвращения конфликтов. Важнейшая цель иска о признании заключается в том, чтобы предупредить дальнейшую юридическую неопределённость, устранив спорность до того, как наступит реальный ущерб [2, 3].

Необходимо подчеркнуть, что иск о признании не всегда связан с нарушением права. Более того, его функция — это прежде всего превентивное вмешательство. Судебное решение в таких делах, как правило, не приводит к принудительному исполнению, так как оно не обязует ответчика совершить какие-либо действия; оно лишь формирует юридическую ясность, которая освобождает стороны от возможных дальнейших споров [1]. Отличие положительных и отрицательных исков о признании состоит в том, что в первых случаях истец требует признания существования у него какого-либо права или обязанности у другой стороны, а во-вторых — подтверждения отсутствия этих прав [4]. Важно отметить, что основания для подачи таких исков могут быть различными: положительные исковые требования исходят от правопроектирующих фактов, тогда как отрицательные — от правопрекращающих обстоятельств.

Иск о признании начал своё развитие в России в конце XIX века, когда появились первые упоминания в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года. В этот период он был важным инструментом защиты прав, помогая суду установить юридический факт и обеспечить правовую определённость для сторон [1, 5]. В советский период, благодаря статье 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР, иск стал ещё более значимым, особенно в контексте защиты прав собственности, что отражало стремление советского государства укрепить правовую систему. В германском праве в середине XIX века произошло изменение провокационного производства на установительные иски, что упростило и ускорило разрешение правовых споров. Эта модель утвердилась в ряде регионов, таких как Баден [1].

В англо-американском праве существует институт «сделок о признании» (plea bargaining), представляющий собой соглашение между сторонами на любой стадии уголовного процесса [2, 4]. Этот институт демонстрирует аналогичную концепцию упрощения судебного процесса и признания фактов для скорейшего разрешения спора.

Применение иска о признании в судебной практике часто служит решающим моментом для разрешения правовых споров, когда требуется установление факта существования или отсутствия определённого правоотношения. Ярким примером может быть дело №2-1766/2018, в котором исковые требования были частично удовлетворены, и суд признал недействительным распоряжение главы администрации сельского поселения о присвоении почтового адреса земельному участку. Это решение, как и другие аналогичные, иллюстрирует важность иска о признании как инструмента для внесения юридической ясности в правовые отношения сторон, предотвращая дальнейшие конфликты и неопределённости.

Сложности, возникающие при применении иска о признании, наглядно продемонстрировано в деле №А40-23052/2019. Здесь иск о признании договора купли-продажи действующим, а также признании права собственности на спорные объекты был удовлетворён судом, однако последующее обжалование в Верховном Суде показало, что заключение договора и частичная оплата не всегда достаточны для признания права собственности, что подчеркивает важность комплексного подхода к оценке правомерности действий сторон и обстоятельств дела.

Тем не менее, несмотря на важность и распространённость иска о признании, в судебной практике часто встречаются ошибки при его подаче [3]. Одной из наиболее распространённых является неверное составление текста иска, когда истец не чётко формулирует цель обращения и ожидаемый результат, что может привести к отклонению иска [1, 4, 5]. Ошибки также встречаются при предоставлении неполного пакета документов или недостаточности доказательств, что нередко приводит к тому, что суд

отказывается принимать иск, считая доказательства недостаточными для подтверждения нарушенных прав [4].

Таким образом, анализ иска о признании показал его значимость для юридической практики, несмотря на существующие проблемы в его применении. Выводы исследования подтверждают необходимость уточнения законодательства и предлагают конкретные меры, направленные на улучшение правового регулирования в этой области — что, в свою очередь, обеспечит более эффективную защиту прав граждан и юридических лиц.

1. Живихина, И. Б. Иск о признании права в системе способов защиты права собственности / И. Б. Живихина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4(105). – С. 15-19. – EDN UJIEQH.
2. Захаренко, Д. С. Иск о признании права как способ защиты интеллектуальных прав / Д. С. Захаренко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 32-36. – EDN JQGXLA.
3. Серегина, О. Л. Иск о признании права собственности как особое средство его защиты / О. Л. Серегина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2014. – № 1(22). – С. 102-105. – EDN SCWTTJ.
4. Иск о признании права собственности как способ защиты права собственности // Власть Закона. – 2016. – № 4(28). – С. 208-214. – EDN YYZNGH.
5. Матюнькина, И. Н. Признание права как способ защиты гражданских прав / И. Н. Матюнькина // Юридический факт. – 2020. – № 120. – С. 3-4. – EDN MTIXTO.

Бадмаева Д.А.

Роль государственных внебюджетных фондов в финансировании мероприятий направленных на социальную защиту населения

*Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
(Россия, Элиста)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-372

Научный руководитель Синенко В.С.

Аннотация

В статье рассматривается роль государственных внебюджетных фондов в финансировании мероприятий направленных на социальную защиту населения. Дается характеристика государственных внебюджетных фондов, которая включает в себя Социальный фонд Российской Федерации и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

Ключевые слова: внебюджетные фонды, социальная защита, страховые взносы, конституционные права граждан, социально значимые функции.

Abstract

The article examines the role of state extra-budgetary funds in financing activities aimed at social protection of the population. It provides a description of state extra-budgetary funds, which include the Social Fund of the Russian Federation and the Federal Compulsory Medical Insurance Fund.

Keywords: extra-budgetary funds, social protection, insurance premiums, constitutional rights of citizens, socially significant functions.

В Российской Федерации права и свободы гражданина являются высшей ценностью, а их защита, в том числе социальная является прямой обязанностью государства.

Право любого гражданина России на социальную защиту гарантировано статьей 39 Конституции Российской Федерации, где указано, что каждому гражданину гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, по инвалидности, потери кормильца, воспитания детей и иных случаях, установленных законом.

Социальное обеспечение граждан в Российской Федерации занимает ключевое место в жизни государства и общества. Одним из ресурсов распределения национального дохода являются внебюджетные фонды Российской Федерации.

Внебюджетные фонды – это форма перераспределения и использования финансовых ресурсов, привлекаемых государством для финансирования не включаемых в бюджет некоторых общественных потребностей и комплексно расходующихся на основе оперативной самостоятельности строго в соответствии с целевыми назначениями фондов.

Бюджетная система Российской Федерации включает в себя бюджеты различных уровней (федеральный, региональный, местный) и бюджетные фонды (федерального, регионального и местного уровня), которая обеспечивает эффективное и рациональное использование финансовых ресурсов государства.

Государственные внебюджетные фонды – это целевые фонды денежных средств, образуемых вне федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации и предназначенные для осуществления обязательного государственного социального страхования.

Система социальной защиты на сегодняшний день включает в себя Социальный фонд Российской Федерации (СФР), Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС), между которыми аккумулируются и распределяются финансовые средства.

Внебюджетные фонды реализуют программу социальной защиты населения, которая является основным финансово-социальным инструментом социальной безопасности населения. Внебюджетные страховые фонды сокращают или полностью компенсируют возможные расходы человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, основываясь на справедливости и солидарности.

Физические и юридические лица, сами страхователи формируют доходную часть бюджетов функционирующих фондов – на основе страховых премий. Работодатели направляют в бюджет СФР страховые взносы по обязательному социальному страхованию на индивидуальный лицевой счет работника.

Средства фондов расходуются строго по целевому назначению.

Данные ресурсы предназначены для реализации конституционных прав граждан: на социальное обеспечение по возрасту; социальное обеспечение по болезни, инвалидности, в случае потери кормильца, рождения и воспитания детей и в других случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о социальном обеспечении; социальное обеспечение в случае безработицы; охрану здоровья и получение бесплатной медицинской помощи.

Положительными характеристиками внебюджетных фондов в отличие от государственного бюджета является:

- узкая направленность расходования средств фондов, которая определяет целевое использование финансовых ресурсов;
- эффективность управления средствами фонда;
- внебюджетные фонды меньше контролируются со стороны органов государственной власти;
- мобильность работы внебюджетных фондов.

Внебюджетные фонды играют важную роль в финансовой системе государства, особенно в условиях экономической и финансовой нестабильности в стране.

Обособленность функционирования внебюджетных фондов позволяет реализовать правовой режим, гарантирующий социальную защищенность человека, в частности:

- Социальный фонд Российской Федерации, обеспечивает финансирование обязательного пенсионного страхования, финансирование обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, а также обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.
- Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, обеспечивает финансирование обязательного медицинского страхования в пределах медицинской базовой программы.

Социально значимыми функциями Социального фонда России являются установление и выплата страховых пенсий (по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца), накопительной пенсии, пенсии по государственному пенсионному обеспечению, пенсии военнослужащих и их семей, социальных пенсий; выдача государственных сертификатов на материнский (семейный) капитал; назначение и реализация социальных выплат отдельным категориям граждан: ветеранам, инвалидам, Героям Российской Федерации и др.; назначение и реализация федеральной социальной доплаты к пенсии до уровня прожиточного минимума пенсионера в регионе; обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством; обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний; выполнение государственных социальных обязательств по поручению Правительства РФ; обеспечение определенных категорий граждан путёвками на санаторно-курортное лечение, обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации и протезами; выплата пособий по беременности и родам, выплата пособий при рождении ребёнка, пособий по уходу за ребёнком.

Федеральный фонд обязательного медицинского страхования осуществляет выравнивания финансовых условий деятельности территориальных фондов обязательного медицинского страхования; разрабатывает и вносит в установленном порядке предложения о размере взносов на обязательное медицинское страхование; осуществляет в соответствии с установленным порядком аккумуляцию финансовых средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования; выделяет в установленном порядке средства территориальным фондам обязательного медицинского страхования, в том числе на безвозвратной и возвратной основе, для выполнения территориальных программ обязательного медицинского страхования; осуществляет совместно с территориальными фондами обязательного медицинского страхования контроль за рациональным использованием финансовых средств в системе обязательного медицинского страхования, в том числе путем проведения соответствующих ревизий и целевых проверок и др.

В функциях внебюджетных фондов проявляется та реальная роль, которую они играют в решении основных вопросов общественного развития и прежде всего в удовлетворении социальных интересов населения страны. Финансовые функции устанавливаются в зависимости от основных задач, стоящих перед внебюджетными фондами, и представляют собой средство реализации этих задач.

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
2. Внебюджетные фонды: учеб. пособие / П.А. Левчаев. – М.: ИНФРА – М, 2017. С.7.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
4. Государственные внебюджетные фонды: учеб. пособие / О.В. Дарелина, Е.А. Чумакова. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 46.

Байковская Э.Р.

**Отказ от молчания: нарушения прав осуждённых и факторы,
способствующие бунтам в местах лишения свободы**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-373

Научный руководитель Алейникова В.А.

Аннотация

В статье рассматриваются нарушения прав осуждённых в местах лишения свободы как провоцирующий фактор для бунтов и массовых беспорядков. Проанализированы законодательные аспекты уголовно-исполнительного права, охватывающие права заключённых, а также меры, направленные на их защиту. Данная работа выделяет ключевые элементы, способствующие недовольству осуждённых.

Ключевые слова: заключённые, нарушения прав, бунт, неповиновение, недовольство.

Abstract

The article examines violations of the rights of convicts in places of deprivation of liberty as a provoking factor for riots and mass riots. The article analyzes the legislative aspects of penal enforcement law covering the rights of prisoners, as well as measures aimed at their protection. This work highlights the key elements contributing to the dissatisfaction of convicts.

Keywords: prisoners, violations of rights, rebellion, disobedience, discontent.

Уголовно-исполнительное право, как важная отрасль права, регулирует исполнение наказаний, назначенных судом. В условиях мест лишения свободы осуждённые сталкиваются с множеством проблем, среди которых нарушения их прав занимают центральное место. [6, с. 47] Данная статья посвящена анализу факторов, способствующих бунтам в местах лишения свободы, и роли нарушения прав осуждённых в этих процессах. [3, с. 11]

Согласно международным стандартам, заключённые имеют право на гуманное обращение, защиту от пыток и жестокого обращения, доступ к медицинской помощи, а также возможность поддерживать связь с внешним миром. [2, с. 8] Содержащееся в статье 7 Пакта запрещение дополняется позитивными требованиями пункта 1 статьи 10 Пакта, в котором предусматривается, что «все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» (пункт 2 Замечания общего порядка № 20 (запрещение пыток, жестокого или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания). Принято Комитетом по правам человека на его 44-й сессии (1992 год). Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключённых, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание. И в российском законодательстве эти права закреплены в Уголовно-исполнительном кодексе, однако на практике они часто нарушаются. [5, с. 8]

Нарушения прав осуждённых могут проявляться в различных формах. Иногда встречаются такие нарушения как, грубое обращение и применение пыток, как это наблюдалось в колонии №6 в Копейске, представляют собой одну из наиболее серьезных форм нарушения прав осуждённых, что, в свою очередь, способствует возникновению бунтов и массовых акций неповиновения. К сожалению, некоторыми должностными лицами допускаются подобные нарушения. Примеры систематического насилия, описанные бывшими заключёнными, иллюстрируют не только физические страдания, но и глубокую моральную травму, которая накапливается в условиях жестокой и репрессивной среды.

Согласно свидетельствам Руслана Латыпова, из описания произошедшей ситуации на сайте "РИА Новости" как государственного информационного агентства России, заключённые подвергались регулярным избиениям и пыткам со стороны сотрудников колонии, что создаёт атмосферу страха и безысходности. Практика использования насилия как инструмента контроля и наказания за малейшие нарушения или несогласие с требованиями администрации формирует замкнутый круг насилия, где каждый акт жестокости лишь усугубляет общее недовольство среди осуждённых. Латыпов описывает случаи, когда заключённые подвергались пыткам в штрафных изоляторах, включая длительное удержание в подвешенном состоянии и применение перцового аэрозоля. Эти действия не только нарушают права осуждённых, но и создают условия для нарастания напряжённости, что может вылиться в открытые акции неповиновения.

Кроме того, система вымогательства денег и материальных благ у заключённых также служит катализатором недовольства. Заключённые вынуждены платить за базовые услуги, такие как телефонные звонки или документы на условно-досрочное освобождение, что создает дополнительное социальное напряжение и приводит к конфликтам. В условиях, когда сотрудники ФСИН используют насилие и угрозы для обеспечения своей власти и получения материальной выгоды, осуждённые оказываются в ситуации полной беспомощности.

Ссылаясь на нормы установленные УИК РФ, а именно, на часть 3 статьи 12, мы ещё раз удостоверяется, что осуждённые имеют право на защиту от грубого обращения и пыток. [4, с. 32] Фактическая же практика, на которую обращалось внимание выше, демонстрирует обратное: грубое пренебрежение этими правами. Это несоответствие между законом и реальностью создает глубокое недовольство среди заключённых и подрывает доверие к системе правосудия. В результате, когда осуждённые видят, что их права не защищены, а их страдания игнорируются, это может привести к массовым протестам и бунтам как форме сопротивления системе, которая их угнетает.

Таким образом, жестокое обращение и применение пыток в исправительных учреждениях служат одним из основных факторов, способствующих возникновению бунтов.

Ещё одной формой нарушения прав заключённых может являться: невозможность получения необходимого лечения для осуждённых с хроническими заболеваниями. Отсутствие адекватной медицинской помощи осуждённым представляет собой серьезное нарушение их прав, закрепленных законом, что может быть проиллюстрировано конкретным примером: Амиров, осуждённый на пожизненное заключение, столкнулся с критическим состоянием здоровья, несмотря на регулярные осмотры тюремного врача, который считал его состояние удовлетворительным. Это ставит под сомнение качество медицинского обслуживания в исправительных учреждениях. В процессе последующего обследования независимыми врачами было установлено, что его здоровье требует более внимательного и специализированного подхода, что не было учтено сотрудниками УФСИН и медперсоналом колонии. Вдобавок, результаты проверки Общественной наблюдательной комиссии Оренбургской области показали, что условия содержания заключённых не соответствуют базовым стандартам, необходимым для обеспечения здоровья и благополучия осуждённых. Отсутствие доступа к необходимым лекарствам и специализированной медицинской помощи, а также недостаточные условия для передвижения создают дополнительную угрозу для здоровья заключённого, что является нарушением его права на охрану здоровья, закрепленного в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Часть 6 статьи 12 УИК РФ четко подчеркивает, что осужденные имеют право на получение первичной и специализированной медицинской помощи. [1, с. 19]

Жестокое обращение, пытки, а также отсутствие доступа к надлежащей медицинской помощи для осуждённых представляют собой серьезные нарушения прав, которые могут в конечном итоге привести к бунтам, выступая в качестве факторов, способствующих их возникновению. В таких условиях заключённые оказываются в ситуации, когда единственным способом донести свои проблемы до властей и привлечь внимание к существующему беззаконию становится протест.

В дополнении, можно также обратить внимание на то, что недостаток квалифицированного персонала в учреждениях, исполняющих наказания, представляет собой не менее значимый фактор, который непосредственно способствует возникновению бунтов среди осуждённых и усугубляет сложившуюся ситуацию. Не соответствующее рамкам закона обращение с осужденными, недостаток знаний о правовых нормах и отсутствие должного контроля не исключают вероятность ухудшения условий содержания приводящие к серьезным конфликтам. Это обосновывается положениями УИК РФ, в котором осуждённым гарантируется право на вежливое обращение со стороны персонала и защищает их от жестокого и унижающего человеческого достоинство обращения.

Если заключённые чувствуют, что их права нарушаются или игнорируются, это может привести к протестным действиям и неконтролируемым эмоциям, и на фоне этого, отношения между осуждёнными и сотрудниками могут обостряться, что, как следствие и порождает бунт.

Бунты в местах лишения свободы представляют собой крайнюю форму протеста, возникающую в ответ на систематические нарушения прав осуждённых, и подобные акты неповиновения, в результате, приводят к серьёзные последствиям, как для самих заключённых, так и для администрации исправительных учреждений. Во-первых, в результате бунтов часто происходит ужесточение режимов содержания и ограничение прав осуждённых, что лишь усугубляет существующие проблемы и создает замкнутый круг насилия и репрессий. Во-вторых, они приводят к увеличению числа жертв среди заключённых и сотрудников, что ставит под угрозу безопасность всех участников процесса. В-третьих, бунты обостряют конфликт между администрацией и осуждёнными, усиливая недовольство и недоверие к системе правосудия.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить, что нарушения прав осуждённых и факторы, способствующие бунтам в местах лишения свободы, являются критически важными вопросами, требующими комплексного подхода. Устранение причин недовольства и систематический контроль за соблюдением прав будет способствовать стабильности и безопасности как в пенитенциарной системе, так и в обществе в целом.

1. "Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024)
2. "Международный пакт о гражданских и политических правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)
3. Основные принципы обращения с заключенными. Приняты резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года
4. Ананьев, Мачкасов, Кузнецов: Духовно-нравственная и социальная деятельность в отношении лиц, находящихся в местах лишения свобод.
5. Коробова, И. Н. Проблемы обеспечения прав и свобод осужденных в исправительных учреждениях России: по материалам докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / И. Н. Коробова, Т. С. Хван, Е. Б. Васильева // Уголовно-исполнительное право. - 2018. - Т. 14(1-4), № 2. - С. 168-173.
6. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48. Ст. 6724.

Байчорова Ф.Х.

Правовая природа вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве

*Северо-Кавказская государственная академия
(Россия, Черкесск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-374

Аннотация

В статье раскрывается понятие вещественных доказательств, дается классификация видов вещественных доказательств, раскрывается значение для уголовного дела и для уголовного процесса РФ.

Ключевые слова: доказательства, уголовное дело, вещественные доказательства, оценка доказательств, классификация доказательств.

Abstract

The article reveals the concept of material evidence, classifies the types of material evidence, discloses the significance for a criminal case and for the criminal process of the Russian Federation.

Keywords: evidence, criminal case, physical evidence, evaluation of evidence, classification of evidence.

Наиболее универсальными источниками доказательств являются вещественные доказательства, при помощи них следователь находит ответы на философские вопросы о причинно-следственной связи, о единстве содержания и формы.

Вещественные доказательства — это физические объекты или материалы, которые могут быть использованы в судебном разбирательстве для подтверждения или опровержения фактов по делу. Они могут включать в себя:

1. Орудия преступления — такие как оружие, инструменты, использованные для совершения преступления.
2. Следы — например, отпечатки пальцев, обуви или другие следы, оставленные на месте происшествия.
3. Документы — контракты, письма, электронные письма и другие записи, которые могут иметь значение для дела.
4. Фотографии и видео — материалы, фиксирующие события или обстоятельства, связанные с делом.
5. Биологические образцы — кровь, волосы, слюна и другие образцы, которые могут быть использованы для ДНК-анализа.
6. Личные вещи — такие как одежда, аксессуары или другие предметы, связанные с обвиняемым или потерпевшим.

Вещественные доказательства должны быть собраны и сохранены в соответствии с установленными процедурами, чтобы обеспечить их допустимость в суде. Доказательства, в том числе вещественные собранные с нарушением норм УПК, не могут быть положены в основу обвинения, использоваться в ходе уголовного процесса в качестве допустимых доказательств.

Происхождение института вещественных доказательств и интерес к нему, в уголовном процессе, прежде всего, состоит в поиске путей решения современных проблем доказывания. Этот подход дает право рассматривать определенный объект как результат эволюции.

Согласно идее Д. Юма: «Связь причины и следствия заключается только в познавательной привычке. Исходя из этого, человек называет причину и следствие, это такие явления, которые постоянно следуют одно за другим. Причина и следствие относятся к философским категориям, они раскрывают такой вид детерминации, определяет взаимосвязи и взаимодействие между явлениями. Причинно-следственная

связь носит всеобщий характер, так как все имеет причину, которая обуславливает возникновение и существование следствия, поэтому первостепенным в деятельности следователя является умение применять и такие философские категории, как форма и содержание».

Также, В.П. Сырых пишет: «В теории права, если говорить о современном правопонимании, отмечают значение гносеологической природы процессуальной деятельности, в ходе которой осуществляется эмпирическое познание реальных фактов, а «познавательные процедуры судьи, прокурора, следователя, дознавателя сходны с деятельностью историка, поскольку они исследуют исторические факты, непосредственно не наблюдаемые ими».

Н.В. Жогин отмечает: «Обнаружение, сбор и оценка доказательств участниками уголовного судопроизводства проводятся на основе логики и гносеологии как теории познания. Концептуальные основы теории доказательств, сформулированные в период действия УПК РСФСР 1960 г., предложили научно-теоретический взгляд на доказательства и доказывание. Так, в Общей части «Теории доказательств...» даются методологические основы доказывания, понятие доказательств и доказывания, оценка доказательств и субъекты доказывания, основы правового регулирования процесса доказывания».

В Особенной части «Теории доказательств» авторы обобщают многолетний опыт применения доказательств в советском уголовном процессе: классификация доказательств, виды доказательств, особенности оценки отдельных видов доказательств».

В советском уголовном процессе известна подробная и тщательная характеристика теории доказательств, исследованы процессуальные особенности показаний обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, а также отмечено значение достоверных факторов, которые должны быть положены в основу решений по делу. О значении оценки доказательств, достоверных данных и достаточности доказательств при установлении фактических оснований решений писала П.А. Лупинская.

При определении понятия «доказательства» ученые в истории уголовно-процессуального права традиционно обращались к вопросу: рассматривать ли «любые фактические данные» (ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР, ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и их источники (ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Система доказательственных источников, посредством которых устанавливаются значимые для дела обстоятельства, установлена законом. Так, если обобщить формулировки определений этих доказательств, то мы увидим следующие:

- а. показания (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов, специалистов);
- б. заключения о предмете исследования (эксперта и специалиста);
- в. вещественные доказательства;
- г. протоколы следственных и судебных действий;
- д. иные документы.

Перечень доказательств является исторически сложившимся и традиционным. Устав уголовного судопроизводства указывает допросы свидетелей, обвиняемых, сведущих и окольных лиц, производство осмотра, освидетельствования, обыска и выемки, изъятия вещественных доказательств (статьи 105, 115, и др.).

Если обратиться к понятию вещественных доказательств, то можно увидеть один принципиальный законодательный нюанс: по УПК РСФСР 1922 г. (ст. 70) и УПК РСФСР 1923 г. (ст. 66) ими являются «предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных». Очевидна обвинительная направленность сущности вещественных доказательств. Иной подход законодателя сформулирован в ст. 83 УПК РФ, в соответствии с которым вещественное доказательство служит и обнаружению преступления, и установлению

фактических обстоятельств дела, и выявлению виновных, и опровержению обвинения, и смягчению ответственности.

Представляется, что вещественные доказательства универсальны с позиций способов их появления в уголовном деле.

Кроме того, место (роль) вещественных доказательств в системе источников доказательств в уголовном судопроизводстве базируется на оценке доказательств: при расследовании и рассмотрении уголовного дела формируется совокупность доказательств, которая оценивается (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Как отмечал В.С. Зеленецкий: «если факты, входящие в предмет доказывания, находятся в определенной связи и взаимообусловленности, то и доказательства находятся в определенной связи не только с фактами, входящими в предмет доказывания, но и между собой».

Применительно к целям исследования данный подход оправдан и обоснован. При оценке доказательств выясняется качественная определенность каждого доказательства, его функциональное назначение и место в системе всех доказательств. Оценке подлежат не только отдельные доказательства, но и их совокупность.

В литературе при исследовании значения вещественных доказательств и других доказательств применяют термин «отграничение» - «наибольшие трудности вызывает разграничение вещественных доказательств и иных документов».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что место и роль вещественных доказательств в системе доказательств по уголовному делу можно определить со следующих позиций:

- 1) классификационных оснований дифференциации доказательств;
- 2) с позиций взаимосвязи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию;
- 3) с позиций качественных оценок относимости, допустимости и достоверности вещественных доказательств.

1. Зеленецкий В.С. Проблемы формирования совокупности доказательств в уголовном процессе: Монография. Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2014. С. 3-4.
2. Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России: Монография. Челябинск, Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2016. С. 46.
3. Lupinская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2016. С. 104-105; Lupinская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Норма: Инф-ра-М, 2010. С. 141-142.
4. Сырых В.П. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М.: РАП, 2017. С. 108.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. // Отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. литра, 1966. С. 37, 227, 331, 379.
6. Якуб М.Л. Показания обвиняемого как источник доказательства в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит-ра, 1963. С. 44-45;

Бардакова В.Д., Боев Д.В.

Следственный комитет РФ: его задачи и полномочия

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-375

Аннотация

В статье рассматриваются задачи и полномочия Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ) как одного из ключевых элементов системы правосудия. Основное внимание уделено анализу законодательных основ деятельности СК РФ, включая Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон № 403-ФЗ. Рассмотрены основные направления работы органа, такие как расследование тяжких и

особо тяжких преступлений, борьба с коррупцией, защита прав несовершеннолетних. Приведены примеры успешных расследований, демонстрирующих эффективность работы СК РФ. В статье выделены проблемы, связанные с высокой загруженностью следователей, недостаточным техническим оснащением региональных подразделений, а также сложностями межведомственного взаимодействия. Предложены конкретные пути решения данных проблем, включая совершенствование законодательной базы, оптимизацию кадровой политики и внедрение современных технологий.

Ключевые слова: Следственный комитет РФ, задачи, полномочия, уголовное расследование, законодательство, коррупция, защита несовершеннолетних, УПК РФ.

Abstract

The article discusses the tasks and powers of the Investigative Committee of the Russian Federation (IC RF) as one of the key elements of the justice system. The main attention is paid to the analysis of the legislative foundations of the RF IC, including the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Federal Law No. 403-FZ. The main areas of the body's work are considered, such as the investigation of serious and especially serious crimes, the fight against corruption, and the protection of the rights of minors. Examples of successful investigations demonstrating the effectiveness of the RF IC are given. The article highlights the problems associated with the high workload of investigators, insufficient technical equipment of regional units, as well as the difficulties of interdepartmental interaction. Specific ways to solve these problems are proposed, including improving the legislative framework, optimizing personnel policy and introducing modern technologies.

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, tasks, powers, criminal investigation.

Современная правовая система Российской Федерации активно развивается, реагируя на вызовы времени, такие как повышение уровня преступности, совершенствование криминальных схем, использование новых технологий в правонарушениях. В этом контексте особую значимость приобретает деятельность Следственного комитета РФ, который выполняет ключевую функцию в системе государственного правосудия. Именно этот орган сосредоточен на расследовании наиболее сложных и общественно значимых уголовных дел, что делает его работу крайне важной для поддержания правопорядка и защиты гражданских прав. Изучение задач и полномочий Следственного комитета позволяет выявить ключевые аспекты его эффективности, определить направления для оптимизации и повышения качества правоохранительной деятельности.

Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ) представляет собой один из ключевых федеральных органов власти, призванных обеспечивать законность и правопорядок через реализацию своих задач и полномочий в сфере предварительного следствия. Данный орган был учрежден в 2011 году на основании Федерального закона № 403-ФЗ от 28 декабря 2010 года, что стало важным шагом в процессе модернизации системы правоохранительных органов РФ. Основной задачей СК РФ является расследование преступлений, затрагивающих наиболее значимые для государства и общества интересы. Глубокий анализ деятельности Следственного комитета позволяет осветить его роль в системе российского правосудия, а также определить направления дальнейшего совершенствования [1, с. 47].

СК РФ обладает широкой компетенцией, которая регламентируется федеральным законодательством. Согласно статье 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в ведение Следственного комитета переданы дела, касающиеся преступлений против личности, экономической безопасности, государственной власти, а также преступлений, совершаемых должностными лицами. Например, в рамках своих полномочий СК РФ занимается расследованием убийств (статья 105 УК РФ), коррупционных преступлений

(статьи 290, 291 УК РФ), а также преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов (статья 199 УК РФ). Таким образом, на практике СК РФ работает с уголовными делами, которые требуют глубокого анализа и значительных ресурсов.

Примером эффективности работы СК РФ может служить борьба с коррупцией. По данным за 2023 год, Следственный комитет раскрыл более 17 тысяч коррупционных преступлений, из которых значительная часть касалась взяточничества и злоупотребления полномочиями. Одним из ярких дел, расследованных СК РФ, стало дело бывшего губернатора Пензенской области Ивана Белозерцева, который обвинялся в получении взятки на сумму более 30 миллионов рублей. Это расследование продемонстрировало способность комитета эффективно работать даже с высокопоставленными должностными лицами [2, с. 12].

Помимо этого, важной задачей СК РФ является защита прав несовершеннолетних. В рамках своей деятельности комитет проводит расследования случаев жестокого обращения с детьми, похищений и сексуальных преступлений. Например, в 2022 году было возбуждено более 8 тысяч уголовных дел, связанных с преступлениями против несовершеннолетних. Важным инструментом в этой сфере стало использование современных технологий, таких как анализ данных социальных сетей и использование генетической экспертизы для поиска подозреваемых [2, с. 14].

Работа СК РФ также регулируется нормативно-правовыми актами, обеспечивающими прозрачность и законность деятельности. Например, Федеральный закон № 403-ФЗ определяет основные принципы деятельности органа, включая независимость, объективность и соблюдение прав и свобод граждан. Кроме того, постановления Правительства РФ и ведомственные акты регулируют внутренние процедуры, такие как порядок взаимодействия с другими правоохранительными органами и механизм расследования сложных дел.

Особое внимание следует уделить кадровой политике Следственного комитета. Подготовка следователей осуществляется на базе специализированных образовательных учреждений, таких как Академия Следственного комитета РФ. В рамках обучения особое внимание уделяется изучению уголовного права, криминалистики и современных методов расследования. Это позволяет сотрудникам СК РФ оперативно реагировать на вызовы времени, включая киберпреступность, которая в последние годы становится всё более актуальной. Например, в 2023 году комитет возбудил более 5 тысяч уголовных дел, связанных с мошенничеством в сфере информационных технологий [3, с. 9].

Несмотря на достижения, в работе СК РФ имеются определённые трудности. Среди них можно выделить недостаточное техническое оснащение в региональных подразделениях и высокую нагрузку на следователей, что влияет на качество расследований. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 году около 3% дел, расследованных СК РФ, были возвращены на доработку из-за процессуальных нарушений [4, с. 34]. Это свидетельствует о необходимости оптимизации работы, в том числе за счёт внедрения цифровых технологий и автоматизации процессов.

В научной литературе подчеркивается, что деятельность Следственного комитета является важным элементом правовой системы РФ. В частности, в работах таких авторов, как И.Ю. Ляшенко («Современные аспекты предварительного следствия», 2022) и А.В. Беляков («Реформирование следственных органов в России», 2021), отмечается необходимость усиления межведомственного взаимодействия и повышения квалификации следователей для эффективного противодействия новым видам преступлений [3, с. 9].

Одной из ключевых проблем деятельности Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ) является высокая загруженность следователей, что напрямую влияет на качество и сроки расследования уголовных дел. Согласно статистике Генеральной прокуратуры РФ, в последние годы наблюдается увеличение количества уголовных дел, находящихся в производстве, что в сочетании с ограниченным количеством кадров приводит к превышению допустимых сроков предварительного следствия [5, с. 187]. Это негативно сказывается на защите прав участников уголовного процесса, включая

подозреваемых и потерпевших. Причина этой проблемы кроется как в нехватке квалифицированных специалистов, так и в несовершенстве процессов распределения нагрузки между подразделениями.

Второй важной проблемой является недостаточное техническое оснащение региональных подразделений СК РФ. Несмотря на то, что в центральных управлениях активно используются современные технологии, такие как системы анализа больших данных и криминалистическая экспертиза, в региональных органах по-прежнему ощущается нехватка оборудования и программного обеспечения. Это особенно критично при расследовании киберпреступлений и других сложных дел, требующих применения высокотехнологичных методов.

Третья проблема связана с недостаточной правовой регламентацией взаимодействия СК РФ с другими правоохранительными органами. В рамках уголовного процесса возникают ситуации, когда отсутствует четкий механизм передачи материалов или координации действий, что замедляет процесс расследования и увеличивает риск упущений. Также существует необходимость в более детальном регулировании процедур межведомственного обмена информацией [4, с. 35].

Для решения этих проблем можно предложить следующие меры. Во-первых, следует пересмотреть нормативы нагрузки на следователей. Введение ограничений по числу одновременно расследуемых дел, а также увеличение численности кадрового состава через упрощение процесса набора и повышение уровня подготовки специалистов, помогут снизить перегрузку сотрудников. Также необходимо внедрение системы стимулирования труда, включая повышение заработной платы и предоставление дополнительных социальных гарантий для следователей, работающих в сложных условиях.

Во-вторых, важно обеспечить региональные подразделения СК РФ современным техническим оборудованием. Введение федеральной программы по обновлению материально-технической базы, финансируемой из бюджета, позволит устранить этот дисбаланс. Также следует активизировать использование цифровых платформ для автоматизации рутинных процессов, таких как ведение документации и анализ данных.

Реализация предложенных мер позволит не только устранить текущие проблемы, но и повысить общий уровень эффективности работы Следственного комитета РФ. Это, в свою очередь, укрепит доверие общества к правоохранительной системе и повысит степень защищенности граждан от преступных посягательств.

В заключение следует отметить, что СК РФ выполняет важную роль в обеспечении правопорядка и защите интересов государства и общества. Его деятельность охватывает широкий спектр задач, включая расследование сложных уголовных дел, борьбу с коррупцией и защиту прав несовершеннолетних. Однако для дальнейшего повышения эффективности необходимо решать существующие проблемы, связанные с кадровым и техническим обеспечением, а также продолжать внедрение передовых технологий. Таким образом, глубокий анализ задач и полномочий СК РФ позволяет не только понять его значение в системе правосудия, но и определить пути для дальнейшего совершенствования.

1. Беляков А.В. Реформирование следственных органов в России / А.В. Беляков // Вестник юридических наук. – 2021. – № 3. – С. 45-52.
2. Костенко К.А. Основные задачи мониторинга СМИ и информационно-телекоммуникационной сети Интернет в Следственном комитете РФ / К.А. Костенко // Российская юстиция. – 2020. – № 5. – С. 12-15.
3. Кутуев Э.К., Логунов О.В. Отдельные вопросы повышения статуса Следственного комитета Российской Федерации в целях обеспечения национальной безопасности / Э.К. Кутуев, О.В. Логунов // Российская юстиция. – 2023. – № 6. – С. 8-11.
4. Ляшенко И.Ю. Современные аспекты предварительного следствия / И.Ю. Ляшенко // Юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 33-39.
5. Пчелинский А.С. Система органов Следственного комитета Российской Федерации и статус сотрудника Следственного комитета: общая характеристика / А.С. Пчелинский // Молодой ученый. – 2024. – № 8 (507). – С. 186-188.

Бас М.Н., Гончарова А.Н.
**Международно-правовые способы охраны Плато Путорана как объекта
всемирного природного наследия**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-376

Научный руководитель: Сороколетова М.А.

Аннотация

Плато Путорана является объектом всемирного природного наследия в соответствии с двумя критериями выдающейся мировой ценности: во-первых, оно включает уникальные природные явления и территории исключительной природной красоты и эстетического значения, во-вторых - представляет выдающиеся примеры важных экологических и биологических процессов в эволюции экосистем и сообществ растений и животных. В статье рассмотрены способы международно-правовой охраны объекта всемирного природного наследия.

Ключевые слова: экологическое право, объект экологического права, природа, объект всемирного природного наследия, международно-правовой охранный режим.

Abstract

The Putorana Plateau is a World Natural Heritage Site in accordance with two criteria of outstanding global value: first, it includes unique natural phenomena and territories of exceptional natural beauty and aesthetic significance, and secondly, it provides outstanding examples of important ecological and biological processes in the evolution of ecosystems and communities of plants and animals. The article considers the methods of international legal protection of the World Natural Heritage site.

Keywords: environmental law, object of environmental law, nature, world natural heritage site, international legal protection regime.

Объекты всемирного природного наследия представляют собой уникальные природные территории, имеющие ценность для науки, культуры и экологии. Они служат домом для множества редких и исчезающих видов растений и животных, влияют на климат, гидрологический режим, почвообразование и другие процессы, которые необходимы для жизни на Земле. Охрана этих объектов является важной задачей, которая способствует сохранению природы, развитию науки и общества, а также укреплению международного сотрудничества.

В рамках рассматриваемого нами вопроса, необходимо охарактеризовать место нахождения Плато Путорана.

Данный объект всемирного природного наследия расположен в городе Норильск, а именно в районе Талнах. Талнах расположен практически у Плато Путорана: недалеко от городской инфраструктуры расположен горный массив Хараелах, который считается западным отрогом плато Путорана. В этих горах расположено ущелье «Красные камни», местные жители называют это ущелье «воротами на Плато Путорана». Оно находится в 6 км от Талнаха и представляет собой Плато Путорана в миниатюре. На «Красных камнях» можно увидеть множество водопадов, схожих с водопадами, расположенными на Плато Путорана. Данное ущелье является более доступным для посещения по сравнению с Плато Путорана, летом местные жители или туристы могут добраться туда пешком. Учитывая климатические особенности Норильска, зимой добраться туда сложнее: путь к ущелью необходимо проходить на снегоходах. Говоря именно о посещении Плато Путорана, необходимо отметить, что оно доступно далеко не всем. Во-первых, добираться к объекту природного наследия необходимо либо на вертолете, либо по рекам добраться

до озера Лама, на котором можно увидеть водопады, не поднимаясь на Плато Путорана. Во-вторых, исходя из труднодоступности данного объекта, цена на туры очень высока. В-третьих, чтобы его посетить, нужно получить разрешение заповедника, так как Плато Путорана является охраняемым объектом. В целом, Плато Путорана привлекает туристов и местных жителей своей недоступностью и уникальной экосистемой.

Для того, чтобы определить сущность объектов всемирного природного наследия, необходимо обратиться к основным понятиям, используемым в экологическом праве. Основным источником экологических правоотношений является Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ [1]. Важно отметить, что в качестве самостоятельных объектов охраны окружающей среды в нем выделяются объекты, включенные в список всемирного природного наследия.

Еще одним источником правового регулирования является Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 N 33-ФЗ [2]. Указанный нормативный правовой акт относит государственные природные заповедники к числу особо охраняемых природных территорий. Важно отметить, что в границах таких комплексов природная среда сохраняется в естественном состоянии. Заповедники необходимо рассматривать в рамках правового режима охраны объектов всемирного природного наследия, так как они создаются для охраны территории таких объектов.

Первоначально рассмотрим национальное законодательство, предполагающее введение охранной зоны на Плато Путорана. Путоранский государственный природный заповедник учрежден Постановлением Совета Министров РСФСР от 15.12.1988 N 524 «О создании государственного заповедника "Путоранский" Государственного комитета РСФСР по охране природы в Красноярском крае» [3], отнесен распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.12.2008 №2055-р [4] к ведению Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 9 января 2024 г. N 8 «Об утверждении Положения о государственном природном заповеднике "Путоранский» [5] осуществление управления заповедником отнесено к компетенции федерального государственного бюджетного учреждения «Объединенная дирекция заповедников Таймыра». В главе 3 данного Приказа закреплён режим особой охраны территории заповедника.

Определив национальную нормативно-правовую базу, которая определяет основные положения об объектах экологического права, в состав которых входят объекты всемирного природного наследия, необходимо определить международно-правовые источники регулирования таких объектов.

При Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) был учреждён Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия всеобщего выдающегося значения. Данный орган составляет, обновляет и публикует список ценностей всемирного культурного и природного наследия.

Плато Путорана включено в Список всемирного наследия ЮНЕСКО решением 34-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, принятым 2 августа 2010 года. С момента включения к данному объекту всемирного наследия применяются положения, установленные Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. вступившей в силу для СССР 12 января 1989 г. и действующей на территории Российской Федерации в силу того, что она является правопреемником СССР.

Рассмотрим основные из них, относящиеся к международно-правовым способам охраны объектов всемирного природного наследия.

Так, в соответствии со ст. 5 вышеуказанной Конвенции, государства должны стремиться обеспечить эффективную охрану, сохранение и популяризацию культурного и природного наследия, расположенного на их территории с помощью определенных методов регулирования. К ним, например, относятся проведение общей политики, целью которой является придание наследию определенных функций в общественной жизни; учреждение на территории служб по охране и сохранению природного наследия; развитие и совершенствование научных исследований и методов работы; принятие мер финансового, юридического, технического характера и т.д.

Статья 22 Конвенции устанавливает международные формы помощи. К ним относятся:

- подготовка специалистов в области охраны и сохранения природного наследия;
- предоставление оборудования, необходимого для охраны и сохранения;
- предоставление займов с низким процентом или без процента, которые могут погашаться на долгосрочной основе;
- предоставление в исключительных случаях безвозмездных субсидий.

Необходимо отметить, что вышеперечисленные формы помощи являются инструментом, обеспечивающим международное взаимодействие государств в целях сохранения всемирного природного наследия.

Говоря о юридической природе возникновения международно-правовых отношений по охране природного наследия, необходимо выделить статью 26 Конвенции [6]. Она закрепляет, что Комитет по всемирному наследию совместно с государством, которое хочет получить помощь в области охраны всемирного природного наследия, заключают соглашение, в котором определяют условия осуществления программы либо проекта, являющимся предметом международной помощи.

Таким образом, нами определены основные международно-правовые положения, согласно которым осуществляется охрана и сохранение природного наследия, в частности, Плато Путорана.

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. , N 2 , ст. 133
2. Федеральный закон от 14.03.1995 N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1995 г. , N 12 , ст. 1024
3. Постановление Совмина РСФСР от 15.12.1988 N 524 "О создании государственного заповедника "Путоранский" Государственного комитета РСФСР по охране природы в Красноярском крае" // "СП РСФСР", 1989, N 2, ст. 9
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2008 № 2055-р «Об утверждении перечня особо охраняемых природных территорий федерального значения, находящихся в ведении Минприроды России» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2009 г. , N 3 , ст. 425
5. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 09.01.2024 № 8 «Об утверждении Положения о государственном природном заповеднике "Путоранский"» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 13.2.2024 г., ст. 0001202402130015
6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) [Электронный ресурс] — URL: <https://base.garant.ru/2133078/>

Батурина О.М.

Специфика правового регулирования договора на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских, технологических работ

*Волгоградский институт управления (ф) РАНХиГС
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-377

Научный руководитель: Агбалова Е.Н.

Аннотация

В статье обозначена специфика гражданско-правового регулирования обязательств по договору на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Сделан вывод о комплексном содержании предмета данного вида договора – не только сама работа, но и её результат, обладающий признаками научной новизны. Творческий характер договора (невозможность точно до начала работ определить итоговый результат) предполагает особенности ответственности по договору;

с целью обеспечения законных интересов исполнителя, как слабой стороны договора, предлагается оставить ответственность исполнителя только в пределах реального ущерба.

Ключевые слова: договорное право, обязательства, исполнитель, заказчик, научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские работы, технологические работы.

Abstract

The article outlines the specifics of civil law regulation of obligations under a contract for the performance of research, development and technological work. A conclusion is drawn about the complex content of the subject of this type of contract - not only the work itself, but also its result, which has signs of scientific novelty. The creative nature of the contract (the impossibility of accurately determining the final result before the start of work) presupposes the peculiarities of liability under the contract; in order to ensure the legitimate interests of the performer, as the weaker party to the contract, it is proposed to leave the performer's liability only within the limits of actual damage.

Keywords: contract law, obligations, contractor, customer, research work, development work, technological work.

Исходя из важности научно-технического развития страны в современных условиях, а также приоритетной поддержки отдельных отраслей народного хозяйства, представляется необходимым определить существенные признаки договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – договор НИОКР). Согласно современной гражданско-правовой доктрине, данная разновидность договорных отношений определяется как отдельный вид обязательств, подразделяющийся на два, отличных по своему предмету, договора. По смыслу ст. 769 ГК РФ, по договору на выполнение научно-исследовательских работ исполнитель осуществляет научные исследования согласно техническому заданию, в котором определены все необходимые требования, параметры и характеристики, позволяющие достичь желаемого результата, техническое задание является неотъемлемой частью соглашения сторон и является его основой. В свою очередь, для договора на выполнение опытно-конструкторских или технологических работ исполнитель представляет заказчику конкретный результат исследований, предусмотренный договором. Таким результатом может являться опытный образец изделия, соответствующая конструкторская документация на изделие (либо же документация на новую технологию). Общей обязанностью для обеих разновидностей договоров является обязанность заказчика принять и оплатить выполненные работы.

Договор НИОКР считается консенсуальным, поскольку он является заключённым с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям [1, с. 92]. Говоря об условиях договора, необходимо рассмотреть вопрос о предмете данного соглашения. Е.А. Суханов указывает, что предмет является существенным условием любого гражданско-правового договора, поскольку именно на основе предмета происходит отграничение того или любого обязательства от схожих [8, с. 540]. Нужно отметить, что в цивилистике наблюдается определённая дискуссия о содержании предмета договора НИОКР. Согласно научно-практическому комментарию к части второй ГК РФ, предметом договора будет являться исключительно работа, осуществляемая исполнителем. В своём монографическом исследовании Ю.В. Романец критикует данный подход, отмечая, что сама по себе работа «бессмысленна для заказчика, поскольку приоритетное значение имеет только результат работы» [6, с. 91]. В свою очередь, Е.Г. Белькова указывает, что более верно говорить о «комплексном» характере предмета договора НИОКР, включая в его содержание как сами работы, так и предполагаемый заказчиком результат [2, с. 170]. Действительно, стороны согласовывают в тексте соглашения определённый перечень работ, ведущих к конкретному

принципиально новому результату. Кроме того Соответственно, в силу договорной регламентации интерес для заказчика составляют работы, а также их положительный или отрицательный результат. Исходя из этого, предметом договора НИОКР является «выполняемая исполнителем работа, предусмотренная техническим заданием заказчика, а также влекущая создание соответствующего «продукта» - результата работ», договор (ст. 769 ГК РФ).

Результатом научно-исследовательской работы выступает новое научное знание, определённое в материальной форме (в виде патента, концепции, монографии, законопроекта, корпуса научных текстов в соответствии с условиями договора). Можно сделать вывод, что предмет договора НИОКР – это полученная в результате проведённых исполнителем исследовательских работ информация, определённая конкретным материальным носителем и имеющая охрану как результат интеллектуальной деятельности. Требование научной новизны предполагает создание нового результата исследовательской (опытно-конструкторской) деятельности, не предполагающей плагиата. Таким образом, исследовательская работа охватывает широкий спектр аспектов, от теоретических концепций до практических приложений имеющих потенциальную ценность для науки и техники. Непременным условием успешности таких проектов является соблюдение этических норм, что исключает заимствование чужих идей и трудов без должного оформления и указания авторства.

Кроме того, согласимся с А. В. Осьмаковой, которая относит к содержанию предмета данного обязательства также и информацию, которая «объективирована в материальном носителе, но для которой не предусматривается правовая охрана в соответствии с частью четвёртой Гражданского Кодекса Российской Федерации [5, с. 150]. Как представляется, к такой информации следует относить информацию «общего доступа», публикация которой предусмотрена для некоторых научных конкурсов (например, организуемых на базе государственных образовательных и научных учреждений – предполагается публикация учебных и научных пособий в рамках исполнения гранта, научных статей в журнале открытого доступа, а также иных депонируемых текстов; итогового отчёта об исполнении гранта), результаты работ, режим использования которых (пределы и условия такого использования) определяется самим договором НИОКР. Так, по общему правилу, допускается использование исполнителем результатов работ для собственных нужд, если иное не предусмотрено договором.

Договор может предусматривать исключительный режим использования полученного результата только заказчиком при невозможности коммерческого применения таких результатов исполнителем. Это особенно важно при дальнейшей научной и коммерческой апробации результатов научно-технических исследований, когда какая-то полученная в результате работы над первоначальным договором концепция или разработка может получить своё «развитие» и стать основой для аналогичных договоров с другими организациями. Вопрос о «принадлежности» какой-то новой разработки на основе уже имеющейся часто является предметом для рассмотрения судами при оспаривании действий исполнителя с другими заказчиками. Например, как было определено ВАС РФ, «спорная установка была выполнена в рамках выполнения обязательства по договору на выполнение научно-технических работ, заключённому между истцом и ответчиком»; кроме того, была установлена обязанность использовать оспариваемое изобретение по патенту первоначального заказчика [4]. Как представляется, при исследовании судом таких обстоятельств требуется не только исследование вопросов заключения и исполнения договоров, но и обязательная техническая экспертиза, позволяющая установить «неразрывную связь» между новым образцом и изделием, которое было выполнено по договору НИОКР и стало собственностью заказчика.

Ю.П. Свит, Н.И. Капинус и А.В. Ишин отмечают, что в отличие от большинства гражданско-правовых договоров, где предмет обладает признаком «определённости», для договоров НИОКР характера определимость предмета не возможна. «Определимость», по

мнению данных исследователей, означает, что на момент заключения договора невозможность полностью определить результат, а также пути его достижения [7, с. 71]. При этом отметим, что договорами НИОКР, связанными с исполнением грантовых конкурсов различного уровня, потенциальными исполнителями указываются действия, планируемые для достижения цели и задач по теме гранта, а также методология исследования, что в свою очередь, является одним из критериев оценки [3]. Данная особенность предмета позволяет говорить о творческом характере договора. Исходя из этого, необходимо более чётко прорабатывать вопросы взаимных обязанностей и ответственности сторон, поскольку прогнозируемый результат может быть не достигнут в полной мере или не достигнут в принципе, в том числе и при недобросовестном исполнении условий соглашения.

Принципиальным признаком является исполнимость предполагаемой по договору работы, а также возможность избежать негативных обстоятельств, влияющих на конкретный, желаемый заказчиком, результат. В соответствии со ст. 775 ГК РФ, если обнаруживается невозможность достичь предусмотренные договором результаты по обстоятельствам, которые не зависят от исполнителя, на заказчика возлагается обязанность оплатить стоимость уже произведённых работ. Однако ограничивается размер такого «возмещения» сумма не должна превышать соответствующей части цены работ, которая указывалась в изначальном договоре. Исполнитель должен своевременно уведомить заказчика о невозможности или нецелесообразности отдельных условий по договору; предусматривается и возможность одностороннего отказа от договора. В свою очередь, при наличии вины исполнителя, он, вне зависимости от своего статуса, несёт ответственность перед исполнителем за нарушение взятых на себя договорных обязательств (по смыслу п. 1 ст. 401 ГК РФ). Интересной представляется норма п. 2 ст. 777 ГК РФ, в соответствии с которой допускается возможность предусмотреть в договоре взыскание, в том числе и упущенной выгоды. При этом не указывается особый статус исполнителя, поскольку творческий характер работ, а также невозможность предусмотреть хотя бы приблизительный размер такой выгоды (не только в силу принципиальной инновационности результата работ, но и рыночной конъюнктуры его предполагаемого использования), может поставить в затруднительное финансовое положение исполнителя – пусть и при наличии его вины. Представляется в этой связи оставить ответственность исполнителя только в пределах реального ущерба, внося соответствующие изменения в текст статьи 777 ГК РФ.

Таким образом, договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ занимают важное место в системе современных гражданско-правовых соглашений, опосредующих цели и требования научно-технического прогресса, перспективных отраслей народного хозяйства, новых направлений научного знания. Уникальная специфика предмета данного вида обязательств обуславливает более тщательный и дифференцированный подход к определению обязанностей и ответственности сторон. Договоры НИОКР не только создают правовую основу для взаимодействия исследовательских и производственных усилий, но и формируют условия для внедрения инноваций, способствующих прогрессу. В этом контексте важно учитывать не только ясность и четкость формулировок, но и необходимость гибкости в интерпретации условий, грамотное оформление таких договоров является неотъемлемым элементом для реализации идей, способствующих научно-техническому прогрессу.

1. Белоусов, В. Н. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ / В. Н. Белоусов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 11. – С. 91–95.
2. Белькова, Е. Г. Результат в договоре на выполнение научно-исследовательских работ / Е. Г. Белькова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V Международной научно-практической конференции / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. Иркутск: РГУП, 2016. – С. 169–174.
3. Конкурсная документация на проведение открытого публичного конкурса на получение грантов Российского научного фонда по приоритетному направлению деятельности Российского научного

- фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российского научного доступа. Режим доступа: <https://rscf.ru/upload/iblock/8af/d7ozbtjnoszo0cjedm1dt1ukfxubv4xs.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Определение ВАС РФ от 17 июня 2009 г. № ВАС-7671/09 по делу № А41-9868/08 [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2023).
 5. Осьмакова, А. В. Договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Общая характеристика и отличия от смежных договоров / А. В. Осьмакова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – № 6-2. – С. 150–154.
 5. Романец, Ю. В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. / Ю. В. Романец. – М.: Норма; Инфра-М, 2013. – 496 с.
 6. Свит, Ю. П., Капинус, Н. И., Ишин, А. В. Пути совершенствования правового регулирования отношений по договору на выполнение проектных и изыскательских работ / Ю. П. Свит, Н. И. Капинус, А. В. Ишин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 7. – С. 69–78.
 7. Суханов Е. А. Гражданское право России: учебник. Том второй: обязательственное право / Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2015. – 1124 с.

Бегалиев Э.А.

Проблема защиты прав несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции

*Ошский государственный университет
(Кыргызстан, Ош)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-378

Аннотация

В данной научной статье автором исследуется и анализируется проблемы защиты прав несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции.

Ключевые слова: Конституция Кыргызской Республики, доктрина «*parens patrie*», ребенок, несовершеннолетний, ювенальная юстиция, «Кодекс КР о детях», правосудия, несовершеннолетний.

Abstract

In this scientific article, the author explores and analyzes the problems of protecting the rights of minors in the juvenile justice system.

Keywords: the Constitution of the Kyrgyz Republic, the doctrine of "*parens patrie*", child, minor, juvenile justice, the Code of the Kyrgyz Republic on Children, justice, minor.

Актуальность выбранной темы научной статьи «Проблема защиты прав несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции» обусловлена тем, что на сегодняшний день обстановка с несовершеннолетними в Кыргызстане вызывает особую озабоченность общества и государственных институтов, в Кыргызстане зарегистрировано 83 тысяч детей, чьи родители уехали на заработки [1] в другие страны, это статистика идет на увеличение с каждым днём, и это значит, что эти дети входят в группу риска, так как они остались без родительского присмотра и чаще всего подвергаются к сексуальному или физическому насилию со стороны своих родственников или посторонних лиц, также эти дети чаще всего не получают достаточного внимания, недоедают, многие болеют.

Начиная с древней римской цивилизации фундаментом системы в государственной ювенальной политике существовало понятие доктрины «*parens patrie*», означавшей, что государство возлагает на себя обязанности близких родителей и становится для детей попечителем и ответственным лицом, государство берёт, на себя обязанности и функции родителей несовершеннолетних, предохраняет от опасного поведения и ближнего окружения [2, с.8].

Фактов бесчеловечного обращения с детьми становится с каждым годом все больше, например, в Джети-Огузском районе Иссык-Кульской области погиб трёхлетний мальчик от систематических побоев со стороны своих же родственников.

На протяжении всего этапа развития человеческого общества дети и подростки не интересовали общество и государство, поэтому к ним проявляли жестокость и бесчеловечность [2, с.14].

Сегодня в Кыргызстане происходят социально-экономические законодательные реформы, и проблемы несовершеннолетних становятся основной заботой государства и общества. Соответственно общество требует от государства необходимых мер по обеспечению защиты детей и подростков, и соответственно необходимая поддержка государства для семей, находящихся в очень плачевном экономическом положении.

Вершиной государственной социальной политики в области ювенальной юстиции является создание таких условий для детей и подростков, которые ни в чём не нуждались и могли свободно развиваться в обществе [3, с.8].

Первыми попытками Кыргызстана в принятии норм международных стандартов в области ювенальной юстиции Кыргызстана в национальное законодательство стала разработка и принятие в августе 2006 года первого варианта «Кодекса Кыргызской Республики о детях», впервые в Кыргызстане дано было понятие ювенальной юстиции, в ст. 5 «Кодекса о детях Кыргызской Республики» даётся понятие, что ювенальная юстиция – это система мероприятий в отношении детей, находящихся в конфликте с законом, включающая в себя вопросы профилактики правонарушений, отправления правосудия, социальной реабилитации и интеграции с учетом половозрастных и психических особенностей и развития [4, с.97].

В Кыргызской Республики по оценкам международных и отечественных экспертов наблюдается процесс криминальной активности со стороны несовершеннолетних, по анализу совершаемых преступления можно сказать, что преступления совершаемые несовершеннолетними практически не отличаются от преступлений взрослых лиц [5, с.97].

Ювенальная юстиция происходит от лат. и буквально означает «юношеский», «правосудие», то есть это правовая основа системы учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними[6].

В ст. 5 Кодекса КР «О детях» [7] дается понятие кто такие несовершеннолетние - несовершеннолетний - ребенок, не достигший 18-летнего возраста.

В соответствии ст. 86 Кодекса КР «О детях» под ювенальной юстицией в Кыргызстане понимается система мероприятий в отношении детей, находящихся в конфликте с законом, мероприятия включают в себя вопросы профилактики правонарушений, отправления правосудия, реабилитацию и социальную реинтеграцию с учетом половозрастных, умственных, физических и психических особенностей развития несовершеннолетних.

Итак, под системой ювенальной юстиции законодатель рассматривает систему организованных мероприятий уполномоченными государственными органами, в нее могут входить сеть учреждений и организаций вместе с работающими несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом, в этих учреждениях могут быть милиция, суды, прокуроры, пенитенциарные учреждения, служба пробации и управления исправительных учреждений для несовершеннолетних.

Таким образом, возраст несовершеннолетнего не является так сказать универсальным, во многих странах - это 18 лет, особенно в странах бывшего Советского

Союза, но есть практика, где совершеннолетними лицами становятся в 15, 20, 21 лет. Для этого в международных правовых документах установлен ограничительный возраст 18 лет, но пишется оговорка если не «установлен иной возраст национальным законодательством». Так, определяют возраст несовершеннолетия «Минимальные стандартные правила ООН», касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила ООН 1984 г.) [8].

Сам термин «несовершеннолетний» буквально означает в соответствии законодательству лицо, не достигшее совершеннолетнего возраста, то есть — это лицо не может иметь право пользоваться определенными гражданскими и политическими правами.

В 2004 году представители Кыргызстана выступали с периодическим докладом в Комитете ООН по правам ребенка, после выступления Кыргызстан получил рекомендации по правам ребенка.

Началом создания в Кыргызстане системы ювенальной юстиции можно считать принятие международных норм в области защиты прав и интересов детей и подростков в национальное законодательство, и в последующем начался процесс разработки в национальном законодательстве первого варианта «Кодекса о детях» в 2006 году.

С принятием «Кодекса Кыргызской Республики «О детях»» была введена в Кыргызстане понятие ювенальной юстиции, так в разделе IV. «Ювенальная юстиция», Главе 11. «Особенности защиты детей, находящихся в конфликте с законом», есть ст. 86 «Кодекса КР о детях»» дается понятие ювенальной юстиции в Кыргызстане, под ювенальной юстицией понимается система мероприятий в отношении детей, находящихся в конфликте с законом, включающая в себя вопросы профилактики правонарушений, отправления правосудия, реабилитации и социальной реинтеграции с учетом половозрастных, умственных, физических и психических особенностей их развития.

Таким образом, в настоящее время в Кыргызстане нет полноценной системы ювенальной юстиции, но есть передовой опыт ювенальной юстиции в зарубежных странах. Отраслевая специфика возрастных подгрупп есть во всех отраслях права, например, возраст уголовной ответственности в Кыргызстане 14 - 16 лет. Если мы проведем анализ всех международных правовых документов, например, «Конвенция ООН по правам ребёнка» 1989 года то под ребенком понимается возраст до 18 лет. Итак, «Конвенция ООН по правам ребёнка» создает такую возрастную группу несовершеннолетних, в которую входят не только дети.

1. https://24.kg/obschestvo/195823_novyiy_kodeks_odetyah_kto_zaschitit_prava_rebenka/.
2. Абдуразаков Х.К. Абдипаттаев Т. Махмудов А.Н. Некоторые особенности специфических принципов ювенальной юстиции. ИЗВЕСТИЯ ВУЗОВ КЫРГЫЗСТАНА, № 4, 2022. С. 7-9.
3. Абдуразаков Х.К. Махмудов А.Н. Сейитбек кызы К. Некоторые исторические предпосылки зарождения ювенальной юстиции. Известия Вузов Кыргызстана, №4, 2022. С. 13-15.
4. Абдуразаков Х.К. Абдипаттаев Т. Махмудов А.Н. Некоторые особенности специфических принципов ювенальной юстиции. ИЗВЕСТИЯ ВУЗОВ КЫРГЫЗСТАНА, № 4, 2022. С. 7-9.
5. Абдуразаков Х.К., Кадырбаев Э.А. Некоторые особенности становления ювенальной юстиции в Кыргызской Республике. Известия Вузов Кыргызстана № 12, 2017. С. 97-98.
6. Валуйсков Н.В. Ювенальная уголовно-правовая политика: тенденции и проблемы / Н.В. Валуйсков // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 1 (56). С. 3-7.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Ювенальная_юстиция
8. КОДЕКС КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О ДЕТЯХ от 10 июля 2012 года № 100 (В редакции Закона КР от 27 апреля 2017 года № 64, 33, 24 апреля 2019 года № 56, 1 августа 2020 года № 109)
9. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml

Беляй Д.А., Гусакова Ю.С.

Современные правовые проблемы государственной социальной помощи в России

*Белгородский государственный национальный исследовательский
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-379

Аннотация

Статья посвящена вопросам государственной социальной помощи и социальной поддержки в России. Автор рассматривает проблемы нормативного регулирования социальной помощи, анализирует законодательные акты и делает выводы о необходимости реформирования текущей системы. Особое внимание уделяется противоречиям в законодательстве и необходимости разработки единого федерального закона, который будет учитывать интересы малоимущих граждан и иных категорий населения, нуждающихся в социальной поддержке.

Ключевые слова: социальная помощь, законодательство, поддержка, реформы, помощь, минимальный доход.

Abstract

The article is devoted to the issues of state social assistance and social support in Russia. The author examines the problems of regulatory regulation of social assistance, analyzes legislative acts and draws conclusions about the need to reform the current system. Particular attention is paid to contradictions in legislation and the need to develop a unified federal law that will take into account the interests of poor citizens and other categories of the population in need of social support.

Keywords: social assistance, legislation, support, reforms, assistance, minimum income.

Проблемы, с которыми сталкивается государственная социальная помощь на современном этапе развития России, чрезвычайно важны. Согласно отчетам, за первые шесть месяцев 2015 года около 21,7 миллиона человек в России жили за чертой бедности.

Для начала необходимо уточнить терминологию, связанную с государственной социальной помощью. Как указано в статье 1 Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ "О государственной социальной помощи", закон предусматривает предоставление социальных пособий, доплат к пенсиям, субсидий, а также предоставление необходимых услуг и товаров малообеспеченным семьям и одиноким малообеспеченным гражданам. Кроме того, это распространяется на другие определенные категории граждан в соответствии с настоящим законом. Однако включение этих дополнительных групп нарушает концептуальную и оперативную согласованность государственной социальной помощи, традиционно предназначенной исключительно для лиц и семей, находящихся в неблагоприятном экономическом положении [3].

В развитие Федерального закона № 178 отмечается, что к "иным категориям граждан" относятся, в частности, ветераны Великой Отечественной войны, инвалиды, дети-инвалиды и другие (статья 61). Тем не менее, для этих групп термин "государственная социальная помощь" может быть не совсем подходящим. Вместо этого "социальная поддержка" выделяется в отдельную категорию в рамках системы социального обеспечения. Эта точка зрения подтверждается законодательными текстами Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ "О ветеранах" и № 1996-ФЗ "О защите прав ветеранов". 181-ФЗ от 24 ноября 1995 года "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации". Эти законы дают право ветеранам, инвалидам и другим конкретным группам населения на ежемесячную финансовую поддержку и другие меры нефинансовой социальной поддержки, которые не зависят от их экономического статуса.

Таким образом, предоставление социальной поддержки этим лицам, независимо от их финансового положения, существенно отличается от традиционной системы

государственной социальной помощи, что свидетельствует о раздвоении подхода к мерам социального обеспечения в рамках правового дискурса Российской Федерации. Это раздвоение подчеркивает необходимость переоценки и уточнения определений и границ государственной социальной помощи и поддержки, чтобы лучше соответствовать меняющимся потребностям и категориям получателей [3].

В законодательной базе часто не проводится четкого различия между категориями социальных услуг и государственной социальной помощью. Социальные услуги включают меры поддержки, предоставляемые независимо от финансового положения, ориентированные на конкретные группы, такие как ветераны и инвалиды, а не только на граждан с низкими доходами. Такая неправильная классификация привела к путанице как среди федеральных, так и региональных властей Российской Федерации. Например, несмотря на надписи на директивах, Министерство здравоохранения и социального развития издало приказ № 195 от 16 ноября 2004 года, в котором говорится о ведении Федерального реестра лиц, имеющих право на получение государственной социальной помощи, и Приказ № 665 от 18 сентября 2006 года, который касается обеспечения лекарствами по рецепту в рамках дополнительной бесплатной медицинской помощи — не государственной социальной помощи, а мер адресной социальной поддержки.

Это объединение привело к значительным законодательным расхождениям и на региональном уровне. Наглядным примером является законодательство, принятое Свердловской областью 29 октября 2007 года в соответствии с Законом № 126-ОЗ, который ошибочно относит реабилитированных лиц и жертв политических репрессий — группы, имеющие право на социальную поддержку, — к государственной социальной помощи, направленной на малообеспеченные слои населения. Аналогичным образом, региональный закон Ленинградской области от 27 декабря 2013 года (№ 108-оз), закрепляет эту ошибку, распространяя на этих лиц действие положений о государственной социальной помощи, основанных на статусе малоимущих. Такие законодательные неточности подрывают специфику, требуемую в рамках социальной поддержки, что приводит к систематическому неправильному использованию ресурсов, предназначенных для отдельных категорий граждан [4].

Для повышения сложности и глубины обсуждения структурных реформ, необходимых в российском федеральном законодательстве, регулирующем социальную поддержку, необходима переоценка существующей законодательной базы. Настоящая организация в рамках Федерального закона №. Статья 178, в частности глава 2, озаглавленная "Государственная социальная помощь, оказываемая в форме предоставления гражданам набора социальных услуг", как представляется, не соответствует специальным потребностям, предусмотренным действующими законами, такими как "О ветеранах" и "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации". Такое несоответствие предполагает кардинальный сдвиг: исключение главы 2 из Закона № 178 и непосредственная интеграция ее положений в эти более адресные законы могли бы более эффективно упорядочить и адаптировать социальную поддержку.

Забегая вперед, можно сказать, что перспектива разработки единого федерального закона "О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Российской Федерации" представляется логичным продолжением. Такая консолидация могла бы упростить правовую базу, сделав меры социальной поддержки более доступными и понятными как для администраторов, так и для бенефициаров.

С точки зрения политики, основная цель государственной социальной помощи должна быть направлена на увеличение доходов граждан с низкими доходами как минимум до уровня прожиточного минимума, обеспечивая удовлетворение их основных потребностей. В связи с этим предлагается внести изменения в статью 11 Федерального закона № 178. Нынешняя формулировка, которая передает определение размеров социальной помощи на усмотрение региональных властей, должна быть пересмотрена. Более справедливым подходом было бы стандартизировать помощь, установив ее как

разницу между региональным прожиточным минимумом и фактическим доходом граждан с низкими доходами. Такая перекалибровка не только укрепила бы справедливость, но и повысила бы оперативность реагирования систем социальной поддержки на экономические реалии, с которыми сталкиваются наиболее уязвимые слои населения [5].

В отсутствие эффективных законодательных положений многие люди и домохозяйства с низкими доходами, за исключением пенсионеров, в настоящее время сталкиваются с трудностями в обеспечении прожиточного минимума в различных регионах Российской Федерации. Примечательно, что Ханты-Мансийский автономный округ - Югра выделяется в отдельный случай в связи с вступлением в силу Закона № 197-оз от 24 декабря 2007 года, с последующими изменениями от 27 сентября 2015 года. Этот закон, озаглавленный "О государственной социальной помощи и дополнительных мерах социальной поддержки населения Ханты-Мансийского автономного округа - Югры", в первую очередь направлен против малообеспеченных семей и отдельных лиц.

Законодательство определяет, что поддержка реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий, осуществляется посредством мер социальной помощи, предусмотренных нормативно-правовой базой Автономного округа, о чем говорится в пункте 2 статьи 3. Кроме того, в статье 4 того же закона сформулированы положения о государственной социальной помощи, количественно определяемые расхождением между прожиточный минимум в данном конкретном регионе и доход соответствующей семьи или отдельного лица.

Однако реализация закона имеет ряд недостатков. Прежде всего, он ограничивает государственную социальную помощь денежными выплатами, такими как социальные пособия, что находится в прямом противоречии со статьей 12 Федерального закона № 178. Кроме того, хотя статья 5 местного закона устанавливает максимальный срок выплаты социальных пособий, в ней не рассматриваются источники финансирования этих выплат, что оставляет неясным вопрос о финансовом обеспечении малообеспеченных семей и граждан в промежуточные периоды без пособий по социальному обеспечению. Кроме того, закон предусматривает ряд выплат, которые по своей сути являются мерами социальной поддержки, как подробно описано в статьях 6 и 7.

Классификация государственной социальной помощи требует дальнейшей доработки. Согласно статьям 1, 12 и 121 Федерального закона № 178, такая помощь должна включать денежные выплаты (включая социальные пособия и субсидии), обеспечение товарами (например, топливом, продуктами питания, одеждой, обувью, медикаментами) и дополнительную социальную надбавку к пенсии. Примечательно, что уникальная форма помощи, выделенная в статье 81 Федерального закона № 178, предполагает предоставление поддержки на основании социального контракта. Эти многогранные виды помощи подчеркивают сложность механизмов социального обеспечения, указывая на острую необходимость всесторонней переоценки и совершенствования существующей законодательной базы для более эффективного удовлетворения разнообразных потребностей уязвимых групп населения [1].

Указанные формы социального обеспечения, перечисленные в настоящем документе, предоставляются без обязательного отнесения получателей (или их семей) к категории экономически неблагополучных, что исключает их из сферы государственной социальной помощи. Налоговые льготы, бесплатные юридические консультации и субсидии на образование, как отмечает Д. Муратова, наряду с финансовой поддержкой студентов из семей с ограниченными экономическими возможностями, не следует смешивать с последними видами помощи. В таких случаях правовые отношения выходят за рамки традиционных механизмов социальной защиты. И наоборот, определенные выплаты по своей сути связаны с государственной социальной помощью в силу положений, регулирующих их выдачу. Примечательно, что к этой категории относится пособие, указанное в статье 16 Федерального закона № 81-ФЗ от 19 мая 1995 года, первоначально обозначенное как "ежемесячное пособие на ребенка", а с 1 января 2016 года переименованное в "пособие на ребенка".

Дальнейшее изучение выявляет дополнительные пробелы в законодательстве, регулирующем государственную социальную помощь. Например, статья 1 Федерального

закона от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" исключает супругов из списка членов семьи. Более того, название статьи 6 этого закона, касающейся учета величины прожиточного минимума при оказании социальной поддержки в субъектах Российской Федерации, неверно характеризует ее содержание, которое более точно относится к государственной социальной помощи. Кроме того, статья 3 Федерального закона № 122-ФЗ "О социальной защите населения Российской Федерации". В статье 178 подчеркивается цель повышения точности оказания адресной социальной поддержки нуждающимся лицам. [2]

Кроме того, в статье 3 Федерального закона от 5 апреля 2003 года № 44-ФЗ, касающейся порядка учета доходов и расчета среднедушевого дохода семей и одиноких граждан для признания их экономически неблагополучными и получения права на получение государственной социальной помощи, в частности, отсутствуют какие-либо упоминания о лицах, состоящих в супружеских союзах в рамках Федерального закона от 5 апреля 2003 года № 44-ФЗ. процесс подачи заявки на получение такой помощи.

Так, необходимо изъять из Федерального закона № 178 положения, касающиеся набора социальных услуг, и перераспределить их в законодательство о социальной поддержке. Также целесообразно разработать единый федеральный закон, который систематизирует все нормы, касающиеся государственной социальной помощи, и устранил выявленные противоречия и недостатки.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных федеральным конституционным законом от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6933.
2. О государственной социальной помощи: федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3699; 2024. – № 8. – Ст. 1048.
3. Потапова, О. Н. Социально-правовые аспекты организации психологической помощи в России / О. Н. Потапова // Актуальные проблемы науки и техники. 2024 : Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 19–21 марта 2024 года. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2024. – С. 108-109.
4. Стец, М. Б. Социальное государство в Российской Федерации: проблемы становления и пути формирования / М. Б. Стец // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 22–23 апреля 2021 года. – Барнаул: Алтайский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. – С. 455-457.
5. Шадрин, Ф. Проблемы, связанные с предоставлением услуг в Центрах социальной помощи / Ф. Шадрин, Г. Асатрян // Использование ИКТ в обучении, в период пандемии COVID-19 : Сборник статей по материалам круглого стола, Москва, 10 декабря 2021 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Мир науки", 2022. – С. 128-134.

Белый Д.А., Земляченко Я.В.

Защита прав граждан потребителей в торговом обслуживании

*Белгородский государственный национальный исследовательский
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-380

Аннотация

Статья посвящена вопросам защиты прав потребителей в торговом обслуживании в Российской Федерации. Рассмотрены этапы формирования потребительского законодательства, его особенности и существующие проблемы. Особое внимание уделяется правоприменительной практике и ключевым механизмам защиты потребителей, включая законодательные пробелы и пути их решения.

Ключевые слова: потребитель, право, торговля, законодательство, защита.

Abstract

The article is devoted to the issues of consumer protection in trade services in the Russian Federation. The stages of formation of consumer legislation, its features and existing problems are considered. Special attention is paid to law enforcement practice and key consumer protection mechanisms, including legislative gaps and ways to solve them.

Keywords: consumer, law, trade, legislation, protection.

Изучение прав человека и гражданских свобод в сфере защиты прав потребителей представляет собой многогранную и сложную тему, требующую пристального внимания ученых. Несмотря на значительный объем исследований в области права, рамки этого института еще предстоит полностью прояснить. Эта область изобилует нерешенными проблемами и спорными спорами, особенно в области применения защитных мер для потребителей. Важность этих дискуссий подчеркивается потенциальными последствиями игнорирования возникающих проблем в этом секторе, что подчеркивает настоятельную необходимость эффективного решения проблем в сфере торговых услуг.

В Российской Федерации защита прав потребителей в сфере торговых услуг является относительно молодой отраслью юридической науки. Создание единой кодифицированной правовой базы, призванной регулировать защиту прав потребителей, относится к концу 1980-х годов. Однако эти первоначальные законодательные усилия не привели к достижению поставленных целей. В основном предлагаемый кодекс касался качества товаров и услуг, и лишь отдельный раздел был посвящен интересам потребителей, чего было недостаточно для удовлетворения всесторонних потребностей в области защиты прав потребителей. Несмотря на то, что он так и не был принят, появление такого законодательного предложения стало поворотным моментом в прогрессивном развитии законодательства о защите прав потребителей [3].

В 1991 году в СССР был принят Закон "О защите прав потребителей". Этот закон стал первым всеобъемлющим кодифицированным законом в советское время, охватывающим широкий спектр потребительских отношений, связанных с товарами, работами и услугами. Он устанавливал рамки для защиты прав потребителей, вводя механизмы, отсутствовавшие в предыдущих советских кодификациях гражданского права. Этот закон не только ознаменовал собой критическую эволюцию законодательных мер по защите прав потребителей, но и ознаменовал сдвиг в сторону адаптации правовой базы в соответствии с экономическими преобразованиями, происходящими в то время.

Историческое развитие законодательства о защите прав потребителей в России показывает сложность и эволюционирующий характер правовых мер по защите прав потребителей. Это подчеркивает необходимость постоянного совершенствования и адаптации законодательства для адекватного решения динамичных задач, связанных с экономическими и социальными изменениями, обеспечивая надежную защиту потребителей на развивающемся рынке.

Эволюция российского законодательства о защите прав потребителей, явно отстававшего от зарубежных аналогов, начала формироваться только в начале XX века, и к концу столетия оно стало стремиться к приведению в соответствие с мировыми стандартами. Нормативно-правовая база до 1992 года была явно не согласована с международными нормами, ярким примером чего является "Руководство по защите прав потребителей", единогласно принятое 19 апреля 1985 года. Первоначально расхождение было явно выражено в упущении некоторых прав потребителей, таких как право на информацию, которые, хотя и были признаны во всем мире, были либо неадекватно закреплены в законодательстве, либо не имели надежных механизмов обеспечения их соблюдения внутри страны, что делало их в основном теоретическими [1].

Советская правовая база в области защиты прав потребителей, которой препятствовали различные трудности и системные ограничения, в течение длительного периода оставалась явно неразвитой по сравнению с ее международными аналогами. Этот

пробел был в конечном счете устранен с принятием 7 февраля 1992 года "Закона о защите прав потребителей", что ознаменовало собой кардинальный сдвиг в направлении инкорпорации международных правовых принципов в национальное законодательство.

В нынешней правовой среде было издано более двадцати подзаконных актов, призванных облегчить исполнение закона 1992 года, тем самым всесторонне регулируя правовые отношения, связанные с потребителями, во всех отраслях права. Это также стало катализатором появления разнообразной судебной практики в этой области. Несмотря на отсутствие общепринятого определения понятия "потребитель" в правоприменительных кругах, тщательный анализ существующих законодательных актов свидетельствует о согласованных законодательных усилиях по определению этого термина. В соответствии с Законом Российской Федерации № 2300-1 "О защите прав потребителей" от 7 февраля 1992 года, потребитель определяется как гражданин, который выражает намерение заказать, приобрести или использовать товары для личных, семейных, хозяйственных или иных некоммерческих целей, что разъясняет четкое законодательное намерение разграничить границы идентичности потребителя и защитить их права в рамках закона.

Вместе с тем в указанном нормативном правовом акте упоминается о шести категориях субъектов, которые в той или иной мере участвуют в рассматриваемых отношениях. В их число входят 1) потребитель; 2) изготовитель; 3) исполнитель; 4) продавец; 5) уполномоченная изготовителем (продавцом) организация или уполномоченный изготовителем (продавцом) индивидуальный предприниматель; 6) импортер.

При изучении законодательной базы, определяющей статус потребителя, важно проводить различие между личными и предпринимательскими целями покупки. Согласно толкованию законодательства, потребитель определяется исключительно как физическое лицо, которое приобретает товары или услуги для удовлетворения личных некоммерческих потребностей. Это определение исключает физических лиц, совершающих покупки от имени организаций или с намерением интегрировать эти товары в производственный процесс, направленный на получение прибыли.

И наоборот, закон предусматривает сценарии, при которых гражданин, несмотря на приобретение услуг в производственных целях, все равно может классифицироваться как потребитель, если эти услуги по своей сути являются личными. Эта тонкость подчеркивает многогранный характер потребления: покупки могут совершаться исключительно для личного пользования, для ведения домашнего хозяйства или для сочетания того и другого. Таким образом, более широкое толкование оправдано, когда потребитель является как непосредственным покупателем, так и конечным пользователем продукта.

Это подробное определение имеет решающее значение, поскольку права потребителей неразрывно связаны с обязательствами производителей, продавцов и подрядчиков. Эти права и обязательства создаются и поддерживаются на основе взаимности благодаря тщательному соблюдению обязанностей всеми вовлеченными сторонами. Ссылаясь на обширные судебные прецеденты, следует отметить, что потребители имеют право требовать компенсации за возврат некачественного товара, компенсации, достаточной для покрытия стоимости аналогичного товара, даже если его цена возросла с момента первоначальной покупки [3].

Анализ постановлений, в частности, вердикта Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 2019 года по делу № 4-КГ19-31, иллюстрирует целенаправленность законов о защите прав потребителей. В частности, в пункте 4 статьи 24 излагаются механизмы, которые защищают интересы потребителей, обеспечивая им адекватные возможности для замены товаров в условиях колебаний рыночных цен. Такие судебные толкования обеспечивают всестороннее понимание средств правовой защиты, доступных потребителям, подчеркивая

динамичную взаимосвязь между правами потребителей и более широким законодательным контекстом.

Прерогатива добиваться правовой защиты в случае нарушения прав потребителей закреплена в статьях 40, 44 и 45. Это право распространяется на различные организации, включая федеральные регулирующие органы, органы местного самоуправления и группы защиты прав потребителей, что позволяет им возбуждать судебные иски против производителей, подрядчиков, продавцов и других уполномоченных организаций, когда они совершают незаконные действия, затрагивающие широкий круг потребителей.

В условиях глобального кризиса, вызванного пандемией, важность законодательной базы для защиты прав потребителей стала особенно очевидной. Юридические заключения, вынесенные Верховным Судом Российской Федерации 21 и 30 апреля 2020 года, сыграли ключевую роль в формировании судебных подходов к обеспечению соблюдения законодательства, направленного на противодействие распространению нового коронавируса. Эти постановления подчеркивают важнейшую роль судебной власти в защите прав потребителей во время беспрецедентных чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения.

Требуется дальнейшее изучение механизмов защиты прав потребителей в Российской Федерации. Торговый баланс, имеющий жизненно важное значение для поддержания равновесия спроса и предложения на рынке, в значительной степени зависит от надежной защиты прав потребителей. Статья 12 Гражданского кодекса определяет несколько законных методов, доступных для защиты гражданских прав, хотя необходимо признать, что не каждый из перечисленных методов может быть реально применен в сфере услуг потребительской торговли.

Согласно Закону о защите прав потребителей, в частности, пункту 1 статьи 18, потребитель, получивший товар низкого качества, имеет несколько возможностей для обращения за помощью. Они включают в себя право потребовать замены на идентичный товар или товар другой марки с соответствующей корректировкой цены, снижением цены пропорционально дефектам или устранением дефектов без дополнительной оплаты. В качестве альтернативы потребители могут расторгнуть договор купли-продажи и потребовать полного возврата денег. По желанию продавца дефектный товар должен быть возвращен за его счет.

Эта система не только подчеркивает правовые пути, доступные потребителям в случае нарушения их прав, но и подчеркивает практические проблемы, связанные с исполнением этих законов, что требует постоянного изучения и адаптации мер правовой защиты в соответствии с меняющимися требованиями динамики рынка и благосостояния потребителей [2].

В случаях, когда товары имеют дефекты, потребители имеют право либо отклонить сделку, либо настоять на возврате денег, уплаченных за такие товары. В качестве альтернативы они могут потребовать замены на идентичные товары той же или другой торговой марки, что потребует корректировки покупной цены. Этой возможностью необходимо воспользоваться в течение пятнадцати дней с момента получения потребителем товара. Это право закреплено в статье 45 Закона "О защите прав потребителей", которая также позволяет потребителям создавать общественные объединения. Эти группы становятся все более популярными в России и, как ожидается, станут влиятельным и эффективным средством защиты интересов потребителей в условиях происходящих социальных изменений.

Несмотря на эти положения, нынешний этап экономического развития России показывает, что существующее законодательство о защите прав потребителей имеет ряд недостатков. В частности, оно не в полной мере удовлетворяет потребности потребителей в защите прав потребителей, что потенциально затрудняет правоприменительную деятельность. Существенной проблемой является нарушение права потребителей на получение достоверной информации. В настоящее время маркировка продукции служит

единственным источником информации для потребителей, позволяющим им делать осознанный выбор. Тем не менее, производители нередко намеренно используют слишком мелкий, неразборчивый шрифт, тем самым намеренно скрывая важную информацию о качестве и безопасности продукции. Кроме того, законодательное требование к продавцам и производителям предоставлять информацию на родных языках народов Российской Федерации не предусматривает необходимости перевода этой информации на русский язык. Кроме того, большинство потребителей не обладают необходимыми навыками для того, чтобы отличать достоверную информацию от недостоверной, что напрямую связано с их правами на получение точной информации и соответствующих образовательных возможностей. Этот недостаток усугубляется широко распространенной правовой неграмотностью населения, что делает его особенно уязвимым для обмана в соответствии с законами о защите прав потребителей.

В целом, российское законодательство о защите прав потребителей требует совершенствования и устранения существующих недостатков, таких как недостаточная информированность граждан и сложности в правоприменении. Усиление ответственности продавцов и производителей за предоставление недостоверной информации может существенно повысить уровень защиты потребителей в торговле.

1. Большакова, Д. А. Защита прав потребителей в интернет-торговле / Д. А. Большакова, А. Д. Хусаинова // Юридический процесс в России : Материалы Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23 декабря 2022 года. – Нижний Новгород: Российский государственный университет правосудия, 2023. – С. 187-189.
2. Галыгин, Р. А. Актуальные проблемы защиты прав граждан-потребителей в торговом обслуживании / Р. А. Галыгин // Россия и мир в новых реалиях: изменение мирохозяйственных связей : материалы XII Евразийского экономического форума молодежи, Екатеринбург, 26–29 апреля 2022 года / Уральский государственный экономический университет. Том 1. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. – С. 124-126.
3. Гитенис, А. В. Актуальные проблемы защиты прав потребителей в России / А. В. Гитенис, О. А. Сарилова // Социальное и экономическое развитие АТР: проблемы, опыт, перспективы : материалы научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 20–28 апреля 2023 года. – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2023. – С. 10-16.

Береза К.Ю.

Статистический учет под призмой уголовного законодательства

*Российский государственный университет правосудия
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-381

Аннотация

В статье рассматривается взаимодействие статистического учета под призмой уголовного законодательства. Анализируются правовые акты, регулирующие деятельность по ведению статистического учета. На конкретном примере делается вывод о привлечении должностного лица к дисциплинарной ответственности за внесение заведомо ложных сведений в карточки статистического учета.

Ключевые слова: статистический учет, карточки, уголовная ответственность, дисциплинарная ответственность, должностные лица.

Abstract

The article examines the interaction of statistical accounting under the prism of criminal law. The legal acts regulating the activities of statistical accounting are analyzed. Using a specific example, a conclusion is drawn about bringing an official to disciplinary responsibility for entering deliberately false information into statistical accounting cards.

Keywords: statistical accounting, cards, criminal liability, disciplinary liability, officials.

Правовые основы учета преступлений и иных объектов учета заложены Федеральным законом от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [2].

Официальный статистический учет в Российской Федерации осуществляется субъектами официального статистического учета в соответствии с федеральным планом статистических работ, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 671-р [3], согласно которому МВД России является субъектом официального статистического учета и выполняет ежемесячные работы по формированию официальной статистической информации о состоянии преступности и результатах расследования преступлений, в том числе по субъектам Российской Федерации и видам преступлений.

Для анализа оперативной обстановки и разработки адекватных мер реагирования на ее изменения немаловажное значение играет четко налаженная система сбора, обработки и выдачи информации о состоянии преступности и результатах борьбы с ней.

С целью обеспечения функционирования государственной системы учета преступлений, единообразия и полноты отражения в формах государственного статистического наблюдения сведений о состоянии преступности Генеральной прокуратурой Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России 29.12.2005 утвержден совместный приказ № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» (далее - Совместный приказ) [4].

Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденным названным Совместным приказом, определен единый и обязательный для всех органов, осуществляющих дознание, предварительное следствие и судебное производство по уголовным делам, порядок учета преступлений и иных объектов учета.

Учету подлежит каждое лицо, совершившее преступление (на основе его юридической квалификации по конкретной норме Уголовного кодекса Российской Федерации), по факту совершения которого независимо от времени его совершения возбуждено уголовное дело, вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, вынесен обвинительный приговор по делу частного обвинения.

Учет подозреваемых, обвиняемых и осужденных лиц играет немаловажную роль для информационного обеспечения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых правоохранительными органами при расследовании уголовных дел.

Обеспечение достоверности формирования показателей статистической отчетности зависит от того, насколько правильно заполнены учетные документы следователем (дознавателем), а также от организации прокурором работы в сфере уголовно-правовой статистики.

Достоверный учет сведений о лицах, совершивших преступление, позволяет разработать и применить эффективные меры профилактического характера, направленные на исправление таких лиц и борьбу с «повторной» преступностью.

Рассмотрим пример: следователь отдела полиции Г. для искусственного улучшения своих показателей в работе внесла в статистические карточки преступлений Ф.1.1 по двум уголовным делам сведения о прекращении уголовного дела. Однако уголовные дела были приостановлены за неустановлением лица подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Учитывая вышеизложенное, возникает вопрос – составляет ли внесение ложных сведений в карточки статистического учета объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ [1]?

Диспозиция ст. 292 УК РФ предусматривает наступление уголовной ответственности за служебный подлог, то есть внесение должностным лицом, а также

государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности.

Для более точного выявления юридического содержания общественно опасного деяния необходим состав преступления. В науке уголовного права состав преступления определяется как совокупность объективных и субъективных признаков, закреплённых в уголовном законе, которые определяют общественно опасное деяние как преступление, при этом элементами состава преступления являются: объект, субъект, объективная сторона и субъективная сторона.

Основной объект преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ нормальная деятельность публичного аппарата власти и управления в сфере обращения с официальными документами.

Предметом преступления является официальный документ - письменный или иной документ, исходящий от государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, управленческих структур Вооружённых Сил РФ, других войск

и воинских формирований РФ, предоставляющий определённые права, возлагающий обязанности или освобождающий от них либо удостоверяющий юридически значимые факты или события. То есть официальный документ - это документ, который порождает определённые юридические последствия.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, может быть выполнена одним из следующих действий: внесением в официальный документ заведомо ложных сведений или внесением в официальный документ исправлений, искажающих его действительное содержание.

Внесение в официальный документ заведомо ложных сведений имеет место в случае, когда в подлинный по своей форме документ вносятся

не соответствующие действительности сведения. Также данное деяние может выражаться в нанесении на документ ложных реквизитов, например, проставлении даты, не соответствующей фактической дате составления документа, либо в подделке подписи на документе.

Внесение в официальный документ исправлений, искажающих его действительное содержание, то есть подчистки, дописки подлинного текста, совершение иных действий, в результате которых меняется содержание, информативная нагрузка документа.

Внесение в официальный документ ложных сведений или исправлений с целью дальнейшего его использования для совершения тяжкого или особо тяжкого преступления образует совокупность служебного подлога и приготовления к соответствующему тяжкому или особо тяжкому преступлению.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, выражена виной в виде прямого умысла. Виновный осознает, что вносит в официальный документ ложные сведения или исправления, искажающие его действительное содержание, и желает совершить такие действия. Если служебный подлог совершается в отсутствие корыстной или иной личной заинтересованности, то речь может идти только о дисциплинарной, но не уголовной ответственности.

Субъект преступления специальный. Им может быть как должностное лицо, так и государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, не являющийся должностным лицом.

Исходя из положений, предусматривающих составление статистических карточек, они (статистические карточки) являются формой первичного учета выявленных преступлений и лиц, их совершивших, и служат целям контроля за своевременностью

поступления первичной учетной документации, подбора отдельных сведений о преступности, результатах расследования по делу и иным справочным сведениям.

В соответствии с п. 18 (Приложение №3) приказа Генпрокуратуры России №39, МВД России №1070, МЧС России №1021, Минюста России №253, ФСБ России №780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России №399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов)», статистическая карточка формы №1.1 отражает результаты расследования преступления и заполняется в случаях:

- 1) установления лица, совершившего преступление, когда:
 - уголовное дело окончено производством и направлено в суд в порядке ст. ст. 222, 226 УПК РФ;
 - с согласия руководителя следственного органа, прокурора по основаниям, предусмотренным ст. ст. 25, 27, 28, ч. 1 ст. 427 УПК РФ, уголовное дело прекращено;
 - уголовное дело прекращено либо в его возбуждении отказано по основаниям, предусмотренным пп. 3, 4 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ;
 - уголовное дело прекращено за отсутствием события (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), состава (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) преступления;
 - в отношении подозреваемого (обвиняемого) имеется неотменное постановление органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).
- 2) принятия одного из решений:
 - о приостановлении предварительного следствия (дознания), когда: лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); обвиняемый (подозреваемый) скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); место нахождения обвиняемого (подозреваемого) известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); временное тяжелое заболевание обвиняемого (подозреваемого), удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных или иных процессуальных действиях (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);

Изложенное позволяет сделать вывод, что статистические карточки учета не предоставляют определенные права, не возлагает обязанности и не освобождает от них, а также не удостоверяет юридически значимые факты или события.

Кроме того, исходя из анализа судебной практики, Верховный суд Российской Федерации не относит статистические карточки к официальным документам, поскольку они не устанавливают каких-либо юридических фактов и не влекут правовых последствий.

Таким образом, статистические карточки носят информационный характер и как документы первичного учета преступлений применяются только для решения ведомственных задач, они не являются официальными документами, а также не могут являться предметом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, а, следовательно, внесение ложных сведений в карточки статистической отчетности не образует объективную сторону указанного преступления.

Учитывая, что состав преступления образуется при наличии всех необходимых элементов и если не хватает хотя бы одного элемента, то состав преступления отсутствует.

Таким образом, по результатам проведения проверки по факту противоправных действий Следователя Г., направленных на внесение в карточки статистического отчета ложных сведений, в возбуждении уголовного дела надлежит отказать по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием в деянии Следователя Г. состава преступления.

Вместе с тем, в соответствии с п. 6 приказа Генпрокуратуры России №39, МВД России №1070, МЧС России №1021, Минюста России №253, ФСБ России №780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России №399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов)» (зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 №7339), лицо, производившее расследование уголовного дела, заполняет статистическую карточку, подписывает и передает ее в регистрационно-учетное подразделение для внесения сведений в Единый журнал и последующего направления в ИЦ. Выставление статистических карточек, в частности по форме №1.1 (Ф1.1), входит в должностные обязанности следователя (дознателя), следовательно, за непредставление или представление заведомо недостоверных и неполных сведений в статистических карточках учета по уголовным делам устанавливается дисциплинарная ответственность.

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#I0 (дата обращения: 21.11.2024);
2. Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» от 29.11.2007 № 282-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102118486> (дата обращения: 21.11.2024);
3. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 671-р «Об утверждении Федерального плана статистических работ» (вместе с «Федеральным планом статистических работ») // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/6388294/> (дата обращения: 21.11.2024);
4. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&link_id=3&nd=102155306 (дата обращения: 21.11.2024).

Богачев Н.И.

Проблема применения судебного прецедента как источника экологического права

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-382

Научный руководитель: Митякина Н.М.

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются проблемы применения судебного прецедента как источника экологического права. Были обозначены как общие проблемы, связанные с действующей в Российской Федерации романо-германской правовой семьей, так и частные, которые непосредственно обусловлены деятельностью определенных судебных органов в Российской Федерации. По итогам работы были выделены основные плюсы и минусы применению судебного прецедента как источника экологического права.

Ключевые слова: судебный прецедент, правовая семья, источник экологического права, судебная практика, толкование, разъяснение.

Abstract

This article examines the problems of applying judicial precedent as a source of environmental law. Both general problems related to the Romano-German legal family operating in the Russian Federation and private ones, which are directly caused by the activities of certain judicial bodies in the Russian Federation, were identified. Based on the results of the work, the main advantages and disadvantages of using judicial precedent as a source of environmental law were highlighted.

Keywords: judicial precedent, legal family, source of environmental law, judicial practice, interpretation, explanation.

Судебный прецедент – это решение суда той или иной инстанции по тому или иному делу, которое признается общеобязательными, т.е. содержит в себе правовые нормы, либо изменяет и отменяет уже существующие.

Вопрос применения судебного прецедента как источника экологического права стоит не столь остро, как в других отраслях права. В первую очередь это связано с комплексным характером данной отрасли права. Она включает в себя правовые нормы ряда других отраслей права, в которых вопрос применения судебного прецедента в качестве источника права является более значимым (например, в гражданском праве). Также это обусловлено и тем фактом, что в области экологического права ещё не возникало каких-либо резонансных ситуаций, связанных с фактическим применением судебного прецедента. Но, несмотря на это, проблема применения судебного прецедента как источника экологического права является весьма значимой, решение которой позволит регламентировать данный вопрос раз и навсегда. По своей сути, использование судебного прецедента в качестве источника экологического права приведет к упрощению рассмотрения правовых споров, так как он выступает гибким механизмом по устранению правовых неточностей.

Правовая семья Российской Федерации относится к романо-германской правовой семье. В качестве источников права в ней признаются нормативно-правовые акты. Судебный прецедент здесь не обладает нормативно-правовой силой. Такое признание характерно для англо-саксонской правовой семьи. Там судебный прецедент выступает одним из ключевых источников, которые распространяются на все отрасли права без исключения. Однако, исходя из сложившейся практики, можно сказать о том, что Российская Федерация находится на стадии перехода к новой правовой семье. На данный момент, её можно охарактеризовать как смешанную.

Судебные прецеденты существуют различных видов. При решении нашей проблемы, необходимо рассматривать судебные прецеденты по степени обязательности. Они бывают:

- судебные прецеденты обязательного характера
- судебные прецеденты необязательного характера

Судебные прецеденты обязательного характера характерны для стран англо-саксонской правовой семьи и в нашем случае не имеют никакого значения. Нас интересуют прецеденты необязательного характера, которые носят разъясняющий характер. На данный момент, в Российской Федерации судебные прецеденты разъясняющего характера издают два суда: Верховный и Конституционный. Ранее к их числу относился Высший арбитражный суд РФ, который был упразднён в 2014 году. Необходимо рассмотреть право на судебные прецеденты двух имеющихся судов. Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений [1]. Таким образом, опираясь на данное положение, можно сделать вывод о том, что решения конституционного суда обязательны к исполнению. Толкование закона высшими

судебными, по общему правилу, фактически - исходя из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов - является обязательным для нижестоящих судов на будущее время [2]. Это свидетельствует нам о том, что акты толкования действующего законодательства, издаваемые Верховным судом Российской Федерации, носят обязательный характер для нижестоящих судов.

Исходя из вышесказанного, можно было бы сказать, что решения Конституционного и Верховного суда носят характер источника права, но нет. Их решения не вводят никаких новых правовых норм, а лишь раскрывают (толкуют) уже действующие. Цель этих актов не создать новые правила поведения, а уточнить порядок уже существующих. Безусловно, акты данных судебных органов оказывают воздействие на принятие решения судами, но они не меняют нормы законодательства, которой руководствуется суд нижестоящей инстанции. Таким образом, можно сделать вывод о том, что решения перечисленных прежде судов не является источником экологического права. Источники экологического права – есть внешняя форма выражения эколого-правовых норм, а в решениях этих судебных органов нет никаких новых норм. Но, проблему создает положение из пункта 3.4 Постановления Конституционного Суда РФ, которое было указано нами прежде. Там говорится о том, что в связи с толкованием, допускается отмена и пересмотр решений, которые были приняты на основании истолкованных норм. Получается, что решения высших судебных органов не являются источником права, не устанавливают правовых норм, но с опорой на них возможен кардинальный перелом дела, который может повлечь за собой отмену или пересмотр принятого решения. Именно это также является одной из проблем использования судебных прецедентов как источников права. Юридически, за актами толкования данных органов не закреплено права вводить правовые нормы, но фактически они вводятся и оказывают реальное воздействие на принятие судебных решений нижестоящими инстанциями. В качестве примера можно привести п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. N 21 «Судам следует иметь в виду, что незаконно добытые объекты животного мира, их части и выработанная из них продукция составляют неосновательное обогащение добывшего их лица (статья 1102 ГК РФ)» [3]. Это положение является одним из примеров, когда фактически устанавливается эколого-правовая норма.

Стоит отметить ещё одну ключевую проблему использования судебного прецедента как источника экологического права. Она касается принятия ко вниманию мировыми судами, судами общей юрисдикции, арбитражными судами, а также приравненными к ним иными судами судебной практики по схожим решениям в сфере реализации экологического права. На данный момент, такие ситуации не свидетельствуют о том, что судебные прецеденты на обозначенном уровне выступают в качестве источников экологического права. Судья добровольно прибегает к изучению судебной практики для того, чтобы более детально ознакомиться с исследуемым вопросом и более корректно принять решения [4]. Нормативно закреплённой обязательности такого действия не существует.

Таким образом, необходимо подвести итоги. Проблема использования судебного прецедента как источника экологического права в Российской Федерации на данный момент является крайне актуальной. Отрасль экологического права динамично развивается, очень стремительно прогрессирует. Ввиду этого, она должна своевременно пополняться себя новыми правовыми нормами, которые законотворческие органы не всегда способны издавать оперативно. Это свидетельствует о необходимости признания судебного прецедента в качестве источника экологического права. Однако, законодатель должен подойти к данному вопросу основательно и четко регламентировать перечень судебных органов, которым будет предоставлена возможность на реализацию своих судебных решений как источников права. Признание в качестве источника права решения всех судебных органов является недопустимым. При таком раскладе будет нарушен

принцип единообразия толкования действующего законодательства, а также будут допущены многочисленные пробелы в экологическом праве. Экологическое право является относительно молодой отраслью права, которая стремительно развивается и требует динамично развивающихся источников права. Федеральное и региональное законодательство не всегда отвечает данному требованию. Ввиду этого, признание отдельных судебных прецедентов в качестве источников экологического права приведет к прогрессу в области правоприменения уже действующих норм.

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. N 13. Ст. 1447.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 N 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Производственное объединение "Берег", открытых акционерных обществ "Карболит", "Завод "Микропровод" и "Научно-производственное предприятие "Респиратор» // Российская газета, 2010. N 27.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета, 2012. N 251.
4. Шубин Ю.П. Судебный прецедент как источник экологического права // Ленинградский юридический журнал. 2014. №1 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-pretседent-kak-istochnik-ekologicheskogo-prava> (дата обращения: 25.10.2024).

Божедомова А.В.

Особенности нормативно-правового регулирования ВРТ (вспомогательных репродуктивных технологий) в странах с разной демографической ситуацией

*Сеченовский Университет
Институт клинической медицины (ИКМ) им. Н.В. Склифосовского
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-383

Научный руководитель: Бобровская О.Н.

Аннотация

Бесплодие в браке на сегодняшний день одна из самых важных медико-социальных проблем во всем мире. Согласно эпидемиологическим исследованиям ВОЗ бесплодием страдают около 8-22% населения. Данная статья посвящена сравнению организаций, регулирующих деятельность клиник ЭКО и репродуктивной медицины в Российской Федерации и Индии, а также показаниям к применению ВРТ, источникам их финансирования и законам о суррогатном материнстве. Показано, что особенности правового обеспечения ВРТ связано с различиями демографической ситуацией двух стран: В России большая часть программ ВРТ делается за счет средств государства, в то время в Индии ВРТ оплачиваются за счет средств супружеских пар (кроме военнослужащих).

Ключевые слова: ВРТ, ЭКО, ИКСИ, ВМИ, бесплодный брак, бесплодие, репродукция, демография.

Abstract

Infertility in marriage is currently one of the most important medical and social problems worldwide. According to WHO epidemiological studies, about 8-22% of the population suffers from infertility. This article is devoted to the relevant organizations regulating the activities of IVF and reproductive medicine clinics in the Russian Federation and India, as well as the circumstances of the use of ART, sources of their funding and laws on surrogacy. It is shown

that the specifics of the legal support for ART are associated with differences in the demographic situation in the two countries: In Russia, most ART programs are carried out at the expense of the state, while in India ART is paid for by married couples (except for military personnel).

Keywords: ART, ICF, ICSI, IUI, infertility, reproduction, population.

Диагноз бесплодие ставится в том случае, если зачатие не было на протяжении года регулярных половых актов без использования методов контрацепции. По данным Всемирной Организации Здравоохранения (далее - ВОЗ) бесплодием страдает около 17,5% взрослого населения, то есть каждый шестой житель нашей планеты. Эти данные только подтверждают необходимость легкодоступных методов лечения всем нуждающимся пациентам. Медицинская помощь должна включать в себя профилактику, диагностику и непосредственно само лечения бесплодия. К сожалению, в странах с низким или средним уровнем дохода такой подход к решению проблемы не развит, нет необходимых технологий и специалистов. Согласно современным данным более 186 миллионов пар страдают бесплодием, при этом большинство из них проживает в развитых странах(1). В Российской Федерации бесплодием страдают около 15% или 4-6 миллионов пар(2). Абсолютное и относительное количество женщин с диагнозом бесплодие продолжает расти с каждым годом, одновременно с этим “мужской фактор” невынашиваемости беременности тоже растет. Это связано с заинтересованностью мужской стороны в беременности и детях и развитием диагностики мужского бесплодия в России.

В индийской культуре способность к деторождению считается главной задачей любой женщины, особенно молодой. Поэтому проблемы с зачатием влияют на психическое, эмоциональное, физическое и сексуальное здоровье. Считается, что выносить и родить здорового ребенка это обязанность, которую должна выполнить любая замужняя женщина. Невозможность забеременеть влияет не только на психоэмоциональное состояние самой девушки и ее самооценку, но и на отношения с партнером, социальный статус, а иногда может привести и к финансовым проблемам в семье. В Индии диагноз первичное бесплодие стоит у 12% молодых девушек(3). Считается, что на сегодняшний день в Индии от 3 до 14% бесплодных пар. В связи с вышеперечисленными проблемами и осуждением, с которым сталкиваются такие пары, только половина из них обращается к специалистам. Это также объясняется незнанием людей о возможности лечения бесплодия, существовании узкоспециализированных врачей и программ Вспомогательных Репродуктивных Технологий (далее - ВРТ). Многие из них обращаются за специализированной медицинской помощью только после того, как воспользовались другими альтернативными методами лечения, например обратились за помощью к религиозным лидерам, шаманам, травникам. Такое поведения объясняется неосведомленностью, низким уровнем образования и социальной культурой в целом.

Для решения этой проблемы в Индии был создан Национальный комитет по ВРТ и суррогатному материнству (National Board of ART and Surrogacy). Так как с каждым годом сфера вспомогательных репродуктивных технологий расширяется и становится еще востребованнее, необходимы новые нормативно-правовые структуры, которые будут контролировать соблюдение законов, обновлять базу данных и включать новые разработки для дальнейшего внедрения в программу ВРТ.

Нормативно-правовая база

Когда в России говорят о порядках и нормах проведения ВРТ, всегда обращаются к Клиническим Рекомендациям “Вспомогательные Репродуктивные Технологии и Искусственная Инсеминация”, разработанные в соответствии со статьей 76 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”. Министерство Здравоохранения Российской Федерации пересматривает протокол лечения не реже одного раза в три года. Также существует приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.07.2020 № 803н "О порядке использования

вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" (Зарегистрирован 19.10.2020 № 60457). Помимо этого, все практикующие врачи и средний медицинский персонал должны быть ознакомлены с еще тремя законами. Первый - Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «Об обращении лекарственных средств»; второй - Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; третий - Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 18.04.2018) «О защите прав потребителя». Более того, о своих правах должны знать и пациенты, которые обратились за помощью к специалистам ВРТ.

На территории Индии так же были разработаны принципы и законы, регулирующие проведение ВРТ. Основным регулирующим органом считается Индийский совет по медицинским исследованиям (ICMR - Indian Council of Medical Research). В связи с увеличением количества клиник ВРТ и необходимостью контроля их функционирования от 20 декабря 2021 года был принят Закон «О применении вспомогательных репродуктивных технологий» (The Assisted Reproductive Technology (Regulation) Act). Согласно которому ведется контроль за работой клиник, занимающихся репродуктивной медициной, и банков, в которых хранится биологический материал пациентов. При соблюдении этих законов улучшится контроль и функционирование медицинских организаций, а также их лицензирование и, что немаловажно, закон затрагивает суррогатное материнство, а значит обеспечивает защиту прав суррогатных матерей (более подробно в пункте 5). Национальный комитет по ВРТ и суррогатному материнству (National Board of ART and Surrogacy) тоже затрагивает правовые аспекты работы узкоспециализированных ВРТ центров и предоставляемые ими медицинские услуги, в частности суррогатное материнство. Соблюдение всех правил, законов и нормативно-правовых актов важно не только для улучшения качества работы медицинских организаций, но и для достижения результатов в лечении диагноза бесплодие.

Показания к применению ВРТ

Как мы писали ранее в ВРТ входят три метода лечения. Первый и самый узнаваемый - экстракорпоральное оплодотворение (далее - ЭКО), второй - внутриматочная искусственная инсеминация (далее - ВИИ) и третий - Интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида (далее - ИКСИ). Почему доктор выбирает тот или иной метод лечения в этой статье обсуждаться не будет. Далее мы затронем показания к проведению ВРТ (в частности ЭКО) в Российской Федерации и Индии.

В России вне зависимости от причин диагноз бесплодие ставится всем парам, у которых зачатия не было на протяжении года регулярной половой жизни и отсутствии контрацепции. Считается, что метод ЭКО - последний этап лечения бесплодия, то есть до него должны быть опробованы другие методы, например ВИИ, ИКСИ. Если же беременность не наступила, тогда врач направляет пару на процедуру ЭКО. Для этого должны быть следующие показания согласно приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.07.2020 № 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению"

- Неэффективность лечения бесплодия в течение 12 месяцев при возрасте женщины до 35 лет или в течение 6 месяцев 35 лет и выше.
- Состояния, при которых эффективность лечения бесплодия при применении программы ЭКО выше, чем при применении других методов лечения
- Наследственные заболевания, для предупреждения которых необходимо преимплантационное генетическое исследование, независимо от статуса фертильности

- Сексуальная дисфункция, препятствующая выполнению полового акта (при неэффективности ИИ)
- ВИЧ-инфекция у дискондартных партнеров, независимо от статуса фертильности

При наличии хотя бы одного пункта из пяти врач имеет право дать направление на программу ЭКО.

Теперь рассмотрим показания к проведению процедуры ЭКО в Индии. На 2021 год Индийским национальным реестром клиник репродуктивной медицины и банков биологического материала (National Registry of ART Clinics and Banks in India) было зарегистрировано 580 центров репродуктивной медицины(4). С каждым годом этот список пополняется, так как эти клиники и услуги, которые они предлагают, становятся все востребованнее не только среди местного населения, но и среди граждан других стран. Это может быть связано с более простыми условиями одобрения на процедуру, поэтому пары, которые не получили квоту или одобрение от врачей на проведение ЭКО в своей стране приезжают в Индию. Для проведения процедуры ЭКО в Индии, паре нужно иметь диагноз “бесплодной пары”, то есть женщина не смогла забеременеть в течение года при отсутствии контрацепции. Помимо этого, ей должно быть от 21 до 50 лет, а мужчине от 21 до 55 лет. Пара должна быть официально в браке. Услуга ЭКО предоставляется молодым и одиноким женщинам от 20 до 50 лет. Одиноким мужчинам, а также людям, состоящим в однополых отношениях, как и в нашей стране ЭКО и другие услуги ВРТ центров запрещены (5).

Источники финансирования ВРТ

К счастью, у россиян в Российской Федерации есть возможность бесплатно получить квоту на ЭКО. Существуют два вида квот: федеральные и региональные. Первые оплачивают проведение ЭКО за счет средств федерального бюджета, вторые - за счет средств регионального бюджета. На самого пациента и ход проведения процедуры ЭКО это никак не влияет. Важно помнить, что такие квоты выделяются государством в ограниченном количестве и далеко не каждый желающий может их получить. Согласно Министерству здравоохранения Новосибирской области на 1 октября 2024 года в очереди на проведение ЭКО по квоте стоит 854 человека(6). На 2 октября 2024 года по данным Министерства здравоохранения Московской области в очереди на получение и одобрения квоты для проведения ЭКО по ОМС ожидают 313 человек (7). Только полагаясь на эти данные можно сказать, что спрос в нашей стране огромен и далеко не каждая пара, желающая стать родителями, сможет получить квоту. Поэтому большое количество центров и клиник ВРТ предоставляют платные услуги лечения бесплодия, начиная от сдачи анализов и заканчивая проведением ЭКО, ИИ или ИКСИ.

Но что же делать пациентам, с поставленным диагнозом бесплодие, согласно приказу Министерства здравоохранения России №803н от 31 июля 2020 года, которые не могут оплатить услуги ВРТ клиник? Им необходимо направить в комиссию при Департаменте здравоохранения заявление, выписку с диагнозом, заключение о целесообразности проведения экстракорпорального оплодотворения, а также результаты анализов и обследований. Помимо этого, нужно предоставить личные данные (паспорт, СНИЛС, полис ОМС каждого супруга или партнера). В течение 10 дней должен прийти ответ о выделении квоты или ее отсутствия, а также список медицинских организаций, готовых выполнить процедуру. К сожалению, далеко не с первого раза можно получить квоту, но с каждым годом их количество увеличивается, что дает парам шанс стать счастливыми родителями.

В Индии нет возможности получить направление от врача на бесплатное проведение ЭКО, ИИ или других услуг ВРТ центров. Существует только платное лечение бесплодия. Государство не выделяет квоты, поэтому граждане Индии могут обратиться за помощью в частные медицинские организации. Можно предположить, что в связи с высокой плотностью населения 439.2 человека на квадратный километр и общей

численностью населения 1 443 721 994 человека на начало 2024 года, государство не считает нужным выделять квоты на процедуру ЭКО (https://countrysmeters.info/ru/India#population_density). Есть исключение: военнослужащим в Индии предоставляется бесплатное лечение ЭКО через региональные военные госпитали(8). В Российской Федерации плотность населения составляет всего 8.5 человека на квадратный километр, что почти в 52 раза меньше, чем плотность населения в Индии. Общая численность населения в РФ - 146 142 959 человек. Согласно этим данным, можно понять, что Российское Здравоохранение, выделяя квоты на такие высокотехнологичные и дорогостоящие услуги, как экстракорпоральное оплодотворение, делает все возможное для увеличения численности населения в России и дает больше шансов родиться желанным детям.

Суррогатное материнство

В Российской Федерации суррогатное материнство контролируется согласно приложению N 11 приказа Министерства здравоохранения России №803н от 31 июля 2020 года. “Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского для нее эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения (далее - генетическая мать и генетический отец), либо одинокой женщиной (далее также - генетическая мать), для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по следующим медицинским показаниям:

- а. отсутствие матки;
- б. деформация полости или шейки матки, когда коррекция невозможна или не дает эффекта;
- в. патология эндометрия (синехии, облитерация полости матки, атрофия эндометрия), когда коррекция невозможна или не дает эффекта;
- г. заболевания (состояния), включенные в Перечень противопоказаний;
- д. отсутствие беременности после повторных попыток переноса эмбрионов (3 и более попытки при переносе эмбрионов хорошего качества);
- е. привычный выкидыш, не связанный с генетической патологией.

Противопоказанием для переноса эмбрионов суррогатной матери является наличие у нее заболеваний (состояний), включенных в Перечень противопоказаний. Женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга. Суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки. Для оплодотворения в цикле суррогатного материнства не допускается одновременное использование донорских ооцитов и донорской спермы в отношении мужчины и женщины, являющихся потенциальными родителями, или донорских ооцитов для одинокой женщины, являющейся потенциальной матерью, а также использование донорских эмбрионов, не имеющих генетического родства с мужчиной и женщиной (потенциальными родителями) или одинокой женщиной (потенциальной матерью), для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям, согласно пункту 70 настоящего Порядка.” Цитата из Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.07.2020 № 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению". Суррогатной мамой в Российской Федерации может стать женщина от 20 до 35 лет, незамужняя, имеющая гражданство РФ, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья и отсутствии противопоказаний к вынашиванию и рождению

ребенка, а также она должна дать письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство.

В Индии Национальный комитет по ВРТ и суррогатному материнству (National Board of ART and Surrogacy) — это онлайн-система, благодаря которой постоянно обновляется список медицинских организаций, оказывающих ВРТ услуги, банков, в которых хранится биоматериал пациентов, проводится криоконсервация сперматозоидов, яйцеклеток и эмбрионов, а также центров предоставляющих услуги суррогатного материнства (<http://registry.artsurrogacy.gov.in>). Благодаря ему ведется постоянный контроль за медицинской деятельностью, а значит и за качеством предоставляемых услуг. Это очень важно, так как Индия становится с каждым годом все популярнее для граждан других стран, которые хотят воспользоваться медицинскими услугами узкоспециализированных клиник. Но несмотря на высокий спрос суррогатное материнство разрешено только в государственных медицинских центрах. Далее мы будем рассматривать основные положения оказания услуги суррогатное материнство согласно Национальному руководству по аккредитации, контролю и регулированию деятельности клиник репродуктивной медицины в Индии (National Guidelines for Accreditation, Supervision & Regulation of ART Clinics in India). Парам, которые хотят воспользоваться данной услугой, необходимо соблюсти следующие обязательные условия:

- Пара должна быть в браке не менее 5 лет с диагнозом бесплодие, поставленным узкоспециализированным специалистом (гинеколог, уролог, репродуктолог)
- У женщины есть показания от гинеколога о невозможности самостоятельного вынашивания ребенка
- Жена в возрасте от 23 до 50 лет, муж от 26 до 55 лет
- Отсутствие здоровых и живых детей

Обязательные условия для суррогатных матерей: женщина, которая хочет стать суррогатной мамой должна быть обязательно в браке, не старше 45 лет, у нее должен быть хотя бы один живой и здоровый ребенок, она может быть связана родственными связями с генетической матерью. В Индии запрещена реклама суррогатного материнства любыми медицинскими организациями, а также специалистами, занимающимися услугами ВРТ. Поэтому поиском суррогатной мамы занимается исключительно сама пара, привлекая как знакомых людей и родственников, так и малознакомых. Материальное обеспечения суррогатной матери, а также оплата за предоставляемую ею услугу в виде вынашивания генетически чужого ей ребенка полностью ложится на пару, которая решила воспользоваться такой услугой. По медицинским показаниям суррогатная мама перед заключением договора должна пройти полное обследование у гинеколога, предоставить анализы на отсутствие антител против ВИЧ инфекции, отсутствии в анамнезе переливания крови и употребления наркотических веществ, а также убедиться в отсутствии как у себя, так и у мужа внебрачных отношений. В Индии нельзя быть суррогатной матерью более трех раз(9).

Вывод

В России и в Индии бесплодной парой считается та, у которой в течение года отсутствует беременность без использования любой контрацепции. Как в странах с низкой рождаемостью, так с высокой рождаемостью есть пары, для преодоления бесплодия которых требуются высокотехнологичные репродуктивные технологии (ВРТ). В России ВРТ используются чаще, чем в Индии. Причин этого несколько. В-первых, по эпидемиологическим данным бесплодие встречается чаще в России, чем в Индии: 17-20% и 3-14% соответственно. В России большая часть программ ВРТ делается за счет средств

государства, в то время в Индии ВРТ оплачиваются за счет средств супружеских пар (кроме военнослужащих). Различия государственной политики в отношении ВРТ объясняется принципиально разной демографической ситуацией в России и Индии: в РФ низкая рождаемость и демографический кризис, поэтому рождение детей является острой медико-социальной проблемой. В Индии первая страна по численности населения с высокой рождаемостью, поэтому рождение детей частная задача каждой бесплодной пары. Важность применения ВРТ, для решения демографической проблемы в РФ, отражено в национальном проекте «Демография».

1. Department of Gynecology-Andrology, Cliniques Universitaires Saint-Luc, 1200 Brussels, Belgium.
- a. Gynecology-Andrology Unit, Medical School, Institut de Recherche Expérimentale et Clinique, Université Catholique de Louvain, 1200 Brussels, Belgium; Department of Gynecology-Andrology, Cliniques Universitaires Saint-Luc, 1200 Brussels, Belgium. Electronic address: christine.wyns@uclouvain.be.
2. Статистика в РФ
3. Ramaraju GA, Sanni Prasada Rao Muvvala, Access to infertility care and ART treatment in India: A clinician's perspective, Best Practice & Research Clinical Obstetrics & Gynaecology, Volume 86, 2023, 102302, ISSN 1521-6934.
4. https://main.icmr.nic.in/sites/default/files/art/Updated_list_of_Approved_ART_Clinics04082021.pdf
5. Issues for Consideration: Assisted Reproductive Technology (Regulation) Bill, 2021; Background to the Bill <https://prsindia.org/billtrack/prs-products/issues-for-consideration#:~:text=Eligibility%20criteria%20for%20donors%20A,may%20be%20retrieved%20from%20her>
6. Реестр ЭКО. https://zdrav.nso.ru/sites/zdrav.nso.ru/wodby_files/files/document/2024/10/documents/reestr_eko_01.10.2024.xlsx
7. Проведение экстракорпорального оплодотворения для жителей Московской области в 2024 году. <https://mz.mosreg.ru/download/document/16603292>
8. Ramaraju GA, Sanni Prasada Rao Muvvala, Access to infertility care and ART treatment in India: A clinician's perspective, Best Practice & Research Clinical Obstetrics & Gynaecology, Volume 86, 2023, 102302, ISSN 1521-6934, <https://doi.org/10.1016/j.bpobgyn.2022.102302>.
9. https://main.icmr.nic.in/sites/default/files/art/ART_Pdf.pdf
10. Индия заняла первое место в мире по численности населения. <https://tass.ru/obschestvo/20571651>

Борисов Д.А.

Правовая природа безналичных денег

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-384

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовой природы безналичных денег. Автор в результате исследования приходит к выводу, что статья 140 ГК РФ подразумевает под собой деньги в юридическом смысле, а статья 128 ГК РФ перечисляет виды имущества, которые потенциально могут исполнять функции денег. Деньги согласно статье 140 ГК РФ - это денежная единица и она не связана с формой носителя, на которой закреплена. Автор считает, что деньги являются предметом денежного обязательства и проявляют себя только в обязательственном праве.

Ключевые слова: электронные деньги, юридическая фикция, безналичные деньги, банковская система, кредитные организации.

Abstract

The article is devoted to the study of the legal nature of non-cash money. As a result of the research, the author comes to the conclusion that Article 140 of the Civil Code of the Russian Federation implies money in a legal sense, and Article 128 of the Civil Code of the Russian

Federation lists the types of property that can potentially perform the functions of money. According to Article 140 of the Civil Code of the Russian Federation, money is a monetary unit and it is not related to the form of the carrier on which it is fixed. The author believes that money is the subject of a monetary obligation and manifests itself only in the law of obligations.

Keywords: electronic money, legal fiction, non-cash money, banking system, credit organizations.

Регулирование безналичных расчетов осуществляется большим перечнем правовых источников различного характера. К ним относятся Гражданский кодекс РФ, устанавливающий общие положения о расчетных обязательствах и осуществляющий правовое регулирование проведения безналичных расчетов в отдельных формах; федеральное законодательство, устанавливающее правовые основы организации и функционирования платежной системы РФ, Банка России, а также основы банковской деятельности и деятельности кредитных организаций; правовые акты, издаваемые ЦБ РФ по отнесенным к его компетенции вопросам о правилах осуществления расчетов в Российской Федерации.

Рассмотрим правовое основание возникновения безналичных расчетов на примере аккредитивного обязательства.

Бесспорным является утверждение о том, что основной договор между плательщиком и получателем денежных средств является главенствующим основанием возникновения аккредитивного обязательства банка-эмитента перед бенефициаром, т.к. чем конкретнее и полнее условия аккредитива будут согласованы между контрагентами в тексте договора, тем больше вероятности правильного и своевременного его исполнения. Именно в договоре устанавливается, что расчёты между указанными лицами по существующему между ними договорному обязательству будут производиться в форме аккредитива; устанавливаются и различные условия аккредитива, требования, предъявляемые к документам, по предъявлении и проверке которых, бенефициару банком-эмитентом будет осуществлен платёж, а также устанавливаются информация о банках, которые будут принимать участие в аккредитивном расчёте: банк-эмитент, банк получателя денежных средств, исполняющий, авизирующий, рамбурсирующий и подтверждающий банки. Внесение в текст договора информации о последних, основывается на предварительном согласовании с банками, клиентами которых являются стороны основного договора.

Наличие у плательщика и получателя денежных средств банковских счетов, на открытие и обслуживание которых между банками и их клиентами заключается договор банковского счета, при проведении расчетных операций в форме аккредитива является также необходимым основанием возникновения расчетных аккредитивных правоотношений. Так, например, в применяемых при проведении внутрироссийских расчетов в форме аккредитивов локальном правовом акте ПАО «Сбербанк» «Условия ОАО «Сбербанк России» по осуществлению расчетов аккредитивами, открытыми по поручению физического лица в пользу физического или юридического лица», установлено, что платежи по аккредитивам совершаются в случае, если плательщик и получатель средств по аккредитиву являются клиентами ОАО «Сбербанк России». В указанной ситуации счетами плательщика (физического лица) может являться только текущий счет. В соответствии с п. 2.2. Инструкции Банка России от 30.06.2021 N 204-И (ред. от 10.04.2023) «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)», текущие счета открываются физическим лицам банками в валюте РФ и иностранных валютах для совершения операций, не связанных с предпринимательской деятельностью или частной практикой.

В случае осуществления платежа в форме аккредитива получателю – юридическому лицу, его счетом может являться только расчетный счет, который, в соответствии с Инструкцией ЦБ РФ от 30.06.2021 № 204-И, открываются юридическим

лицам, не являющимся кредитными организациями, а также индивидуальным предпринимателям или физическим лицам, занимающимся в установленном законодательством РФ порядке частной практикой, для совершения операций, связанных с предпринимательской деятельностью или частной практикой. Приведенные положения правовых актов подтверждают точку зрения, рассматривающую договор банковского счета в качестве одного из правовых оснований возникновения расчетных правоотношений по аккредитиву.

Кроме основного договора, расчеты по которому предусмотрены в форме аккредитива, а также договора банковского счета к правовому основанию возникновения аккредитивного обязательства также следует рассматривать ранее упомянутое направляемое банку плательщиком распоряжение об открытии аккредитива. Несмотря на то, что такое распоряжение дается в рамках договора банковского счета, Гражданский кодекс РФ закрепляет, что основанием возникновения обязанности у банка-эмитента по осуществлению расчета в форме аккредитива будет являться направленное ему от плательщика поручение об открытии аккредитива. При поступлении такого документа банку становятся известны конкретные условия аккредитива, предусмотренные п. 6.7 Положения Банка России от 29.06.2021 № 762-П. Значение распоряжения плательщика об открытии аккредитива в качестве правового основания возникновения расчетных отношений по аккредитиву также подтверждается положениями Унифицированных правил и обычаев для документарных аккредитивов (UCP 600).

Таким образом, основание возникновения аккредитивного обязательства имеет сложный, комплексный характер и состоит из таких юридических фактов, как

1. заключенный между плательщиком и получателем денежных средств коммерческий договор, предусматривающий в качестве способа осуществления расчетов между контрагентами аккредитив;
2. наличие у участников такой сделки договоров с банками о ведение банковских счетов, между которыми будет осуществляться перечисление денежных средств;
3. распоряжение приказодателя об открытии аккредитива в отношении бенефициара, т.к. без поступления такого распоряжения банк-эмитент, являющийся должником в аккредитивном обязательстве, в соответствии с гражданским законодательством, не может начать проведение расчетной операции по аккредитиву.

Суммируя существующие подходы к правовой природе безналичных денег можно выделить два основных. Первый подход основывается на вещно-правовой природе безналичных денег. Последователем данных взглядов, в частности, является О. Олейник. О. Олейник и другие сторонники данной теории говорят о том, что лишенные материальной оболочки безналичные деньги имеют форму учета в виде записи на банковском счёте. Поскольку вне счёта данный вид денег существовать попросту не может, допустимо говорить об особых бестелесных вещах. В результате юридической фикции мы получаем особый вид вещей.

К.Т. Трофимов утверждает, что безналичные деньги представляют форму существования одного объекта права. Главным доводом этого ученого в пользу распространения на безналичные деньги вещно-правового режима служит устранения необходимости выяснения юридической конструкции безналичных денег. Отсутствие признания права собственности на безналичные деньги дестабилизирует природу денег как всеобщего средства обмена товаров и средства обращения, резюмирует К.Т. Трофимов. Сложно поспорить с тем, что отнесение безналичных денег к вещам устранило бы все вопросы и не требовало бы таких усилий в изучении и установлении природы такого явления современного гражданского оборота. Однако если признать безналичные денежные средства особой разновидностью вещей, то впору ставить вопрос о возможности залога безналичных денежных средств, находящихся на счете.

Сторонники второго подхода рассматривают безналичные деньги как право требования клиента к банку и относят это к обязательственно-правовой природе. Такого мнения придерживаются Е.А. Суханов, Л.А. Новоселова, В.А. Белов и другие ученые. Мы так же разделяем данную точку зрения. Безналичные деньги, на наш взгляд, ничего более, чем способ расчёта, который не влияет на вещественную суть денег.

Обратимся к законодательству. Действительно, статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации разделяет деньги на наличные и безналичные. В свою очередь, наличные деньги относятся к вещам, а безналичные к иному имуществу, но и те, и другие являются имуществом. Статья 140 ГК РФ под названием «Деньги» приравнивает к деньгам законное платёжное средство, коим в Российской Федерации является рубль. Абзац второй первого пункта вышеуказанной статьи гласит, что платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчётов. Таким образом, вырисовывается довольно ясная картина. Деньги как общая категория гражданского права не имеет видов. Понятие безналичные деньги носит скорее бытовой характер, чем юридический. Сам законодатель указывает на виды расчётов, а не денег. Соответственно и дискуссий по поводу юридической конструкции безналичных денег быть не должно.

1. Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П (ред. от 03.08.2023) «О правилах осуществления перевода денежных средств» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2021 N 64765) // Вестник Банка России, N 62, 08.09.2021.
2. Инструкция Банка России от 30.06.2021 N 204-И (ред. от 10.04.2023) «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2021 N 64669) // Вестник Банка России, N 61, 01.09.2021.
3. Артамонникова С.В. Банковская ячейка, аккредитив и депозит нотариуса как правовые механизмы минимизации рисков в электронных сделках // Нотариальный вестник. 2024. N 5. С. 46 - 52.
4. Астапова Т.Ю. Способы обеспечения исполнения договорных обязательств в предпринимательских отношениях: учебное пособие. Москва: Проспект, 2022. -128 с.
5. Белов В.А. Гражданское право. В 4 т. Том II. Общая часть. В 2 кн. Книга 1. Лица, блага: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2022. С. 409.
6. Гражданское право. В 4 т. Т.1: Общая часть: учебник / Суханов Е.А. – Волтерс Клувер, 2006. С. 534.
7. Иншакова, А. О., Квициния, Н. В. Правовая природа договора выкупного лизинга: вопросы применения заемной конструкции и судебного толкования // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7 (164). — С. 73–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.073-085
8. Квициния Н. В. Перспективы развития договора эскроу в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 51–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.6>
9. Мансуров Г. З. Инновация аккредитивного права как результат рецепции актов Международной торговой палаты // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 6. – С. 52.
10. Новоселова Л.А. О правовой природе средств на банковских счетах / Л.А. Новоселова // Хозяйство и право, 1996. - №7. С. 85.
11. Олейник О.М. Основы банковского права: Курс лекций / О.М. Олейник. - М., 1997. С. 265.
12. Трофимов К.Т. Правовая природа денег. Очерк сравнительного правоведения / К.Т. Трофимов // Ленинградский юридический журнал, 2007. - №2. С.141.
13. http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/banks/uploaded_szb/files/s_kreditom.pdf

Борисов Д.А.

Правовой статус криптовалюты

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-385

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов правового статуса криптовалюты. Автор приходит к выводу, что сегодня в законодательстве России отсутствует определение понятия «криптовалюта», отсутствуют и нормы, в которых указана ответственность за проведения операций с криптовалютой. В это же время законодательства все большего числа государств пополняются нормами, которые регулируют вопросы, связанные с криптовалютой. Поэтому автор считает необходимым в ближайшее время доработать Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» и определить круг лиц, которые смогут участвовать в системах криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, смарт-контракты, децентрализованные финансовые сервисы, технология блокчейн, биткойн, цифровая валюта, электронные средства платежа, майнинг, криптовалютные биржи, цифровая транзакция.

Abstract

The article is devoted to the study of the legal status of cryptocurrencies. The author concludes that today there is no definition of the concept of "cryptocurrency" in Russian legislation, and there are no norms that specify responsibility for conducting transactions with cryptocurrency. At the same time, the legislation of an increasing number of states is replenished with norms that regulate issues related to cryptocurrency. Therefore, the author considers it necessary to finalize the Federal Law of July 31, 2020 in the near future. No. 259-FZ "On digital financial assets, digital currency and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" and determine the circle of persons who will be able to participate in cryptocurrency systems.

Keywords: cryptocurrency, smart contracts, decentralized financial services, blockchain technology, bitcoin, digital currency, electronic means of payment, mining, cryptocurrency exchanges, digital transaction.

Использование криптографии с целью проведения конфиденциальных платежей началось в 1990 в системе DigiCash, которая обанкротилась уже в 1998 году. Данная платежная система не являлась децентрализованной.

Криптовалютную систему можно понимать как совокупность взаимосвязанных элементов, необходимую для выпуска токенов и предназначенных для использования в качестве средства обмена общего или ограниченного назначения. На таком фоне термин «криптовалюта» в единственном числе может означать токен, предназначенный для использования в качестве средства обмена общего или ограниченного назначения, выпущенный через криптовалютную систему.

Привычное понимание термина «криптовалюта» выглядит следующим образом: криптовалюта – это цифровая валюта, предназначенная для работы в качестве средства обмена через компьютерную сеть, которая не зависит от какого-либо центрального органа власти, такого как правительство или банк, для ее выпуска или поддержки.

Биткойн, впервые выпущенный в качестве программного обеспечения с открытым исходным кодом в 2009 году, является первой децентрализованной криптовалютой.

Рост популярности криптовалют и их внедрение финансовыми учреждениями побудили правительства некоторых стран оценить, необходимость регулирования криптовалют для защиты пользователей.

Так, в 2021 году 17 штатов приняли законы и резолюции, касающиеся регулирования криптовалют. 17 февраля 2022 года министерство юстиции Китая назначило Ын Ен Чоя первым директором Национальной группы по борьбе с криптовалютами для оказания помощи в выявлении и борьбе со злоупотреблением криптовалютами и другими цифровыми активами.

В Китае Цюаньго Жэньда — высший законодательный орган (парламент) 18 мая 2021 года запретил финансовым учреждениям и платежным компаниям предоставлять услуги, связанные с криптовалютными транзакциями. Это привело к резкому падению цен на крупнейшие криптовалюты с доказательством работы. Например, Биткойн подешевел на 31%, Эфириум подешевел на 44%, Binance Coin подешевел на 32%, а Dogecoin — на 30%. В сентябре 2021 года китайское правительство объявило все транзакции с криптовалютами любого рода незаконными, завершив борьбу с криптовалютой.

Переход на цифровые технологии дает компаниям большие преимущества. Цифровые транзакции экономят время и деньги, что приводит к повышению прибыли. Также улучшается качество обслуживания клиентов (удобство создания цифрового контракта по сравнению с необходимостью распечатать контракт, подписать его, а затем отправить по почте или факсу). А цифровые транзакции улучшают возможности отслеживания, что помогает уменьшить количество ошибок.

На данный момент криптовалюта не регулируется гражданско-правовым законодательством. Криптовалюта не является объектом гражданских прав, которые перечислены в статье 128 ГК РФ. Но СМИ с определенной периодичностью пишут о том, что парламентарии рассматривают возможность внести поправки в ГК РФ, которые включают в законодательное определение криптовалюты и признают цифровые валюты объектами гражданских прав.

С точки зрения закона мы не можем приравнивать криптовалюту к аналогично той, чем является российский рубль, потому что ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и ст. 75 Конституции РФ гласят, что «денежной единицей в стране является рубль, а введение других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещено». Определенные мнения по этой проблеме были оглашены органами ФНС России в письме от 3 октября 2016г. № ОА-18- 17/1027 и Банком России в информационном письме «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)». Данные источники говорят о рисках выпуска и обращения криптовалют.

Смарт-контракты являются одним из главных преимуществ нынешних криптовалют и благодаря им технология блокчейн настолько популярна в мире.

Хоть смарт-контракты и являются одной из причин эксплуатации технологии блокчейн, но в полноценном раскрытии своего потенциала они сыграли малую роль. Главные факторы, на основе которых выбирают ту или иную платформу для заключения смарт-контрактов – это скорость и стоимость. Благодаря усовершенствованию данных факторов станет возможным появление полностью децентрализованной финансовой индустрии.

DeFi (децентрализованные финансовые сервисы) проекты сделали смартконтракты востребованными. Сегодня мы только начинаем осознавать потенциал смарт-контрактов. И уже сегодня многие компании и государства экспериментируют с потенциальными возможностями, которые открывают смарт-контракты. На данный момент такие технологии, как блокчейн используют во многих задачах, как, например, хранение данных, управление цепочками поставок, цифровая идентификация, страхование, и многое другое.

Несмотря на быстрое развитие относительно новой сферы в цифровой индустрии и появление все большего количества сервисов децентрализованных финансов, не стоит забывать о таких факторах, как волатильность и высокий кредитный риск.

Вышеописанные технологии являются весьма перспективными и полезными не только в корпоративном мире, но и в жизни обычных людей, но не стоит забывать о том, что ничего из этого не имеет правовую природу в России сегодня.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» гласит, что на тех, кто занимается майнингом (добычей) криптовалюты и непосредственно владельцев криптовалюты распространяются нормы налогового права. Но налоговым органам затруднительно облагать налогами участников транзакций, ведь все переводы средств являются анонимными и не подотчетны никакому регулятору.

Помимо налогообложения анонимных транзакций остро стоит вопрос о налогообложении непосредственно выпуска криптовалюты. За майнинг майнеры (добытчики криптовалюты) получают определенное количество криптовалюты. Интересным являются те обстоятельства, когда в определенных ситуациях криптовалюта использовалась непосредственно как платежное средство. Получается, что добытчики криптовалюты получают определенной доход.

Министерство финансов на сегодняшний день разъяснило вопрос налогообложения биткоинов следующим образом: ввиду того, что на данный момент нет

специального законодательства, которое регулировало налогообложения биткоинов, на криптовалюту распространяются общие положения по уплате налога на доходы физических лиц. Как гласит статья 41 Налогового Кодекса РФ: «доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц», «Налог на прибыль организаций» настоящего Кодекса».

На сегодняшний день в различных государствах имеется возможность совершать приобретение недвижимой собственности, автомобилей и даже выплаты заработной платы в криптовалюте. Это следствие отсутствия криминализации криптовалюты или законодательного закрепления такого рода сделок.

В России же закон устроен следующим образом: в случае заключения сделок, в которых в качестве оплаты фигурирует криптовалюта, покупатель рискует просто потерять свои цифровые средства. Для заключения таких сделок и необходимы смарт-контракты, которые не позволяют какой-либо стороне сделки совершить обман.

Мы пришли к следующему выводу: В России необходимо создать систему контроля за оборотом криптовалюты. Данная система должна включать в себя определенный орган, который имеет полномочия отслеживать операции, связанные с криптовалютой, регистрировать операторов криптовалютных бирж, а также отслеживать деятельность майнеров и в случае нарушения закона применять к ним санкции.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства РФ, N 31, 03.08.1998, ст. 3824.
4. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, N 28, ст. 2790.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5018
6. Гармашев М.А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // *Legal Bulletin*. 2023. N 2. С. 77 - 87.
7. Дерюгина Т.В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024. N 2. С. 274 - 288.
8. Иншакова, А. О., Квициния, Н.В. Защита персональных данных, полученных от граждан при обращении к сервисам MedTech / А. О. Иншакова, Н. В. Квициния // *Современное право*. – 2024 – № 3. – С. 81-87.
9. Квициния Н. В. Перспективы развития договора эскроу в России // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 51–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.6>
10. Матыцин Д. Е., Квициния Н. В. Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 34–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.4>
11. Нагородская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. -128 с.
12. Сафонова Т.Ю. Криптовалюта и порядок ее налогообложения // *Финансы*. 2022. N 4. С. 29 - 35.
13. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-17/doj-amps-up-crypto-scrutiny-naming-head-of-new-enforcement-team>
14. <https://www.reuters.com/technology/chinese-financial-payment-bodies-barred-cryptocurrency-business-2021-05-18/>
15. <https://www.tradingview.com/news/cointelegraph:6ede9e6eb094b:0-bitcoin-price-retains-8-gains-as-attention-switches-to-ethereum-comeback/>

Борченко П.А., Лемешова С.С.
История развития экологического права

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-386

Научный руководитель: Митякина Н.М.

Аннотация

Научная статья посвящена проведению анализа истории становления и развития отрасли экологического права в отечественном государстве. Для достижения поставленной цели представлен ретроспективный анализ развития экологического права в дореволюционный, советский период, а также в современной России. В статье сделаны авторские выводы и приведены аргументы по вопросу детерминантов и условий развития экологического права в Российской Федерации.

Ключевые слова: экологическое право, отрасль экологического права, история экологического права, история развития.

Abstract

The scientific article is devoted to the analysis of the history of the formation and development of the branch of environmental law in the Russian state. To achieve this goal, a retrospective analysis of the development of environmental law in the pre-revolutionary, Soviet period, as well as in modern Russia is presented. The article draws the author's conclusions and provides arguments on the issue of determinants and conditions of the development of environmental law in the Russian Federation.

Keywords: environmental law, branch of environmental law, history of environmental law, history of development.

Экологическое право можно назвать правовой отраслью современности, поскольку вопросы защиты окружающей среды приобрели особую значимость для общества лишь во второй половине XX в. Дело в том, что концептуальные подходы по определению общечеловеческих ценностей менялись на протяжении всего существования, и на различных этапах исторического развития отношения к проблемам защиты окружающей среды было неодинаковым, что как следствие отражалось на состоянии природоохранного законодательства. С целью обоснования указанного довода необходимо проследить, как менялись концептуальные подходы правового регулирования защиты окружающей среды в отечественном законодательстве, чем обусловлено появление системы природоохранных норм, и каково современное состояние отрасли экологического права.

В праве дореволюционного периода экологическая среда не рассматривалась в качестве целостного объекта правовой охраны. Кроме того, правоохранная функция в нормах природоохранного права рассматриваемого периода имела различную направленность в сравнении с современным периодом. Так, в период правления Петра I предусматривались нормы, направленные на сохранение лесов и лесных массивов. Между тем, лес рассматривался в качестве стратегического объекта, а не природного. Элементом природоохранного законодательства в Царский период также следует назвать запрет, предусматривающий недопустимость сбывания мусора в реки. Позднее был установлен запрет на охоту в местах, не отведенных для этого, а также массовое убийство животных.

В советский период первоначально наблюдалось потребительское отношение к окружающей среде. Советская власть до 1960 г. не уделила внимание экологическим проблемам, экологическое законодательство не развивалось. Знаковым событием советского периода стало принятие Закона РСФСР от 27.10.1960 «Об охране природы в

РСФСР». Однако принятие указанного нормативного правового акта вовсе не ознаменовывает начало принципиально нового этапа, связанного с повышением заботы государства об окружающей среде.

Прежде всего, в советский период земля, природные ресурсы рассматривались в качестве материальной основы для производственной деятельности и развития хозяйства. Однако же, нормы комментируемого закона предусматривали необходимость сохранения полезных свойств почв, предотвращения загрязнения и истощения поверхностных и подземных вод, охраны лесов как естественной среды обитания животных и др. Таким образом, принятие Закона РСФСР от 27.10.1960 «Об охране природы в РСФСР» хотя и не стало экологической революцией в рассматриваемый исторический период, однако явилось переходным периодом для дальнейшего развития экологического права и природоохранного законодательства.

По нашему мнению, на формирование экологического права как современной российской правовой отрасли оказали влияние международная деятельность в области окружающей среды и правовое регулирование основного правового статуса личности в нормах международного права.

Так, в международной практике внимание к проблемам защиты окружающей среды стали обращаться вначале XX в., однако они имели частный или локальный характер. Например, первая международная конференция по проблемам защиты исчезающих видов животных состоялась в 1913 году в Берне.

Следующий важный этап развития природоохранного международного права приходится на 1960-1989 г. Особенность данного исторического развития правовой отрасли на международном уровне состоит в том, что изменился концептуальный подход в понимании предмета отрасли: нормами международного права стали охраняться не только вымирающие виды животных, а любые природные ресурсы.

Принятый Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах закрепил обязательство стран-участников Пакта обеспечивать условия для достижения наивысшего уровня физического здоровья, для чего принимаются меры «улучшения всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности». В современных научных публикациях, посвященных анализу исторического аспекта развития экологического права, также отмечается о том, что «решения международных организаций оказали глубоко отразились на содержании российского экологического права. Наибольшее влияние имели такие крупные события, как Международные конференции ООН в Стокгольме (1972), Рио-де-Жанейро (1992) и Йоханнесбурге (2002), конференция ООН «Рио+20» (2012), а также Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше будущее» (1987)». На международном уровне возросла активность международных организаций в сфере охраны окружающей среды, пополнялось количество международных документов, принятие которых должно было способствовать решению экологических проблем.

Детерминантами прогрессивного развития отрасли экологического права в современной России стало, прежде всего, переосмысление системы основных (конституционных) прав и свобод человека и гражданина, ориентирование на международные правовые стандарты в области защиты прав человека и иных благ. Так, право на благоприятную окружающую среду заняло место в системе конституционных прав личности (ст. 42 Конституции России). Стали приниматься профильные нормативные правовые акты, например, такие как Федеральный закон 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а также иные законы и акты подзаконного характера, затрагивающие различные аспекты в сфере охраны окружающей среды. На сегодняшний день отрасль экологического права – комплексная правовая отрасль, нормы которой сосредоточены в нормативных правовых актах различного уровня.

Более детально экологические обязанности и права граждан России прописаны в принятом в новой редакции 10 января 2002 г. Законе РФ "Об охране окружающей

природной среды", который прописывает определяющие принципы природоохранной деятельности и является основным источником экологического права в России, главным природоохранным законодательным актом прямого действия. В соответствии со статьей 64 данного закона в области охраны окружающей среды в РФ осуществляется три вида экологического контроля – государственный, производственный и общественный.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно в своих правовых позициях выражал точку зрения о том, что правовые основы государственной политики в сфере охраны окружающей среды предопределены ценностью сохранения природы и окружающей среды.

Таким образом, еще раз можно сделать вывод, что экологическое право Российской Федерации является одной из молодых прогрессивно развивающихся правовых отраслей в системе права Российской Федерации. Природоохранные нормы стали частью правовой реальности Российской Федерации, учитывающие ценность и значимость сохранения окружающей среды в условиях, возросшей хозяйственной и иной производственной деятельности, рисков техногенных катастроф и др. В современных условиях развития окружающая среда рассматривается в качестве естественной среды обитания, сохранение которой ценно не только с точки зрения обеспечения здорового физического развития человека, но и понимания окружающей среды как целостного объекта правовой охраны.

1. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об охране природы в РСФСР» (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. №40. Ст. 586.
2. Коржова Т.А., Чуева Т.А. Развитие экологического права России: история, современность, перспективы // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-8. С. 8-10.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17(1831).
4. Ушакова А.П. Монографическое исследование динамики развития экологического права // Аграрное и земельное право. 2021. № 7 (199). С. 83-87.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 № 5-П // СПС Гарант (дата обращения: 30.20.2024).

Борченко П.А., Лемешова С.С.

Проблемы квалификации преступлений, связанных с доведением до самоубийства

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-387

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

В статье исследованы актуальные проблемы квалификации преступлений по факту доведения до самоубийства и содействия самоубийству в Российской Федерации. В частности, была подробно проанализированы статьи 110 и 110.1 Уголовного Кодекса РФ, выявлены недостатки и предложена новая редакция статьи, в результате которой можно снизить уровень преступлений по данному виду деяний.

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, содействие самоубийств, способы доведения до самоубийства, кибербуллинг, совершенствование норм уголовного законодательства.

Abstract

The article examines the actual problems of qualification of crimes on the fact of incitement to suicide and assistance to suicide in the Russian Federation. In particular, articles 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation were analyzed in detail, shortcomings were identified and a new version of the article was proposed, as a result of which it is possible to reduce the level of crimes for this type of acts.

Keywords: suicide, incitement to suicide, promotion of suicides, methods of suicide, cyberbullying, improvement of criminal legislation.

Прямой обязанностью государства является защита жизни человека и гражданина, поскольку в настоящее время жизнь человека признана высшей ценностью. Одним из проявлений реализации этой защиты является установление уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийств в ст. 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Проблема ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, к сожалению, является на сегодняшний день актуальной в России, поскольку количество самоубийств растет, а квалифицировать преступление как доведение до самоубийства представляется сложным. Сложность квалификации такого преступления заключается в том, что в действительности самоубийство – это исключительное решение человека. После его смерти доказать ряд действий, направленных на содействие суициду, представляется сложным ввиду невозможности дачи показаний главным свидетелем – самоубийцей. Кроме того, проблема такого вида преступления заключается в отсутствии законодательного понятия «самоубийство», «доведение до самоубийства», «содействие самоубийству». В ст. 110.1 УК РФ перечислены только способы совершения данных деяний, однако определения понятий и условия, по которым можно квалифицировать данные виды преступления, отсутствуют. В результате в судебной практике возникают противоречия при квалификации данного вида преступления.

Согласно толкового словаря С.И. Ожегова: «Под самоубийством (суицидом) понимается намеренное лишение себя жизни» [6]. В России в последнее время наблюдается рост количества граждан, которые решили лишить себя жизни. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в 2021 году Россия находилась на семнадцатом месте по количеству случаев суицида за год [9]. Согласно официальным данным, в 2021 году в Российской Федерации было осуждено 9 человек по ст. 110 УК РФ, по ч. 2 – 10 человек, по ст. 110.1 УК РФ – 1 человек, по ч. 3 ст. 110.1 УК РФ – 3 человека, по ст. 110.2 УК РФ – 2 человека [7]. Можно сделать вывод, что по данному виду преступления имеется незначительное количество осужденных лиц. По нашему мнению, такая статистика сложилась в результате несовершенства уголовно-правовых норм законодательства Российской Федерации, вследствие чего возникает сложность при квалификации данных видов преступлений.

На принятие решения о самоубийстве человека могут сподвигнуть психологические, экономические, социальные и другие проблемы. Сущность этих проблем заключается в том, что, по мнению человека, который пришел к решению уйти из жизни, данные проблемы являются несовместимыми с жизнью. Однако причиной могут послужить также и третьи лица, которые либо действуют на человека негативно, что сподвигает его к самоубийству, либо бездействуют. Бездействие, по своей сути, не является преступлением. Квалифицировать бездействие как преступление, повлекшее за собой смерть человека, достаточно тяжело, поскольку третье лицо могло не знать о существующей психологической проблеме человека. Однако воздействие на человека, преднамеренное или нет, может квалифицироваться как преступление. По нашему мнению, некоторые из таких действий можно рассматривать как убийство, которое было

совершено руками потерпевшего. В результате, многие преступники остаются безнаказанными, что подтверждает статистика осужденных лиц по ст. 110.1 УК РФ.

В настоящее время человек может принять решение уйти из жизни не в результате воздействия каких-либо проблем, а в результате развития цифровых технологий и сети Интернет. В результате такого развития появилось понятие «кибербуллинг», под которым понимается травля или оскорбление людей в Интернете. Крайней стадией кибербуллинга является кибербуллицид, под которым понимается принятие решения уйти из жизни в результате травли или оскорблений в Интернете [4]. Основным объектом кибербуллинга являются несовершеннолетние дети, поскольку их психика находится на стадии формирования. Подростки считаются наиболее подверженной категорией лиц, склонных к суициду. Примером может послужить группа в социальной сети ВКонтакте, созданная еще в 2012 году, под названием «Синий кит». Участниками этой группы в большей степени являются подростки. Причина вступления подростков в группу – любопытство. Каждый участник группы должен выполнить 50 заданий, которые, по своей сути, воздействуют негативно на психику ребенка. Последним заданием является суицид. По сей день подростки играют в эту игру, известны случаи самоубийств детей (например, в 2022 году в п. Ровеньки Белгородской области скончались две девочки в возрасте 11-12 лет по предварительной причине – игра в «Синий кит») [8].

В ч. 1 ст. 110 УК РФ указано, что доведение до самоубийства – это угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего [1]. Как считает Д.К. Амирова и Д.М. Гараева, «подобное законодательное ограничение способов совершения этого преступления несправедливо ограничивает возможность квалифицировать общественно опасные деяния по исследуемой норме, в том случае если преступление совершено с применением иных способов: обещания, обмана, уговоров и др., применение которых побудило лицо к принятию решения о совершении самоубийства» [2, с. 294]. В действительности, можно наблюдать критику данной позиции и в работе другого автора [3]. Мы полагаем, что необходимо расширить перечень способов доведения до самоубийства предложенными способами Д.К. Амировой и Д.М. Гараевой, поскольку обман и шантаж во многих случаях являются весомыми причинами для совершения суицида.

Во многих странах мира, таких как Дания, Австрия, Швейцария, Норвегия, Япония, Турция, существует подобная проблема меньшей степени конкретизации способов доведения до самоубийства. Как считают Д.К. Амирова и Д.М. Гараева, «законодатели перечисленных зарубежных стран исходят из того, что рамки правового поля не позволяют предусмотреть законом все потенциальные пути, способы и формы доведения лица до самоубийства» [2, с. 295]. С данным мнением можно согласиться, поскольку каждый случай доведения до самоубийства зависит от многих факторов, в частности, от психического состояния потерпевшего. У одних людей определенные негативные действия (обман, шантаж, невыполнение обещаний и т. д.) не вызовут никакой реакции, в то время как другие люди могут заикнуться на этом и, в конечном итоге, принять решение уйти из жизни.

В следственной практике выделяют два вида самоубийств: завершённые и незавершённые. В первом случае наступает наиболее тяжкое последствие – смерть. Во втором случае потерпевший остается живым. В случаях, если выясняется, что был факт доведения до самоубийства, по нашему мнению, необходимо ужесточить наказание за деяние, в результате которого наступила смерть человека вследствие доведения до суицида. Таким образом, можно предложить разделить виды наказаний в первом случае и во втором, на две части в ст. 110 УК РФ.

По нашему мнению, в ст. 110 УК РФ необходимо ужесточить наказание в случаях, если был выявлен факт доведения до самоубийства несовершеннолетнего и виновный знал о возрасте потерпевшего. Это необходимо сделать по причине того, что в условиях развития цифровых технологий многие подростки подвержены риску кибербуллинга.

Кроме того, организаторы групп в социальных сетях имеют сведения о возрасте подписчиков.

Целесообразно также расширить перечень способов доведения до самоубийства и включить в законодательство формулировку «... и иные аморальные или противоправные действия». В таком случае необходимо объединить составы статей 110, 110.1, 110.2 УК РФ и установить форму наказания в рамках одной нормы.

По нашему мнению, целесообразно добавить в название статьи 110 УК РФ формулировку «или попытки самоубийства», поскольку нынешнее название «Доведение самоубийства» является более узким, чем содержание статьи. В статье устанавливается ответственность не только за доведение до самоубийства, но и за покушение на самоубийство [1].

В результате, можно предложить следующую редакцию ст. 110 УК РФ:
«Статья 110. Доведение до самоубийства или попытки самоубийства.

1. Доведение до попытки самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего и иных аморальных или противоправных действий – наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо лишением свободы на тот же срок.
2. Доведение до самоубийства, если это повлекло наступление смерти потерпевшего, путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего и иных аморальных или противоправных действий – наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет либо лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.
3. Деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, совершенное:
 - а. в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;
 - б. в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
 - в. в отношении двух или более лиц;
 - г. группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
 - д. в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), – наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет либо пожизненным лишением свободы».

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 08.12.2022) : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
2. Амирова Д.К., Гараева Д.М. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на него / Д.К. Амирова, Д.М. Гараева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – №3 (41). – С. 292-296.
3. Аюпов В.Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) / В.Ш. Аюпов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2. С. 12-16.
4. Краснова К.А. Противодействие кибербуллице как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних / К.А. Краснова // Юрист-Правоведь. – 2017. – № 3. – С. 78-84.

5. Куликов А.В., Макаревская Д.С. Криминализация деяний суицидальной направленности в России: историко-правовое исследование / А.В. Куликов, Д.С. Макаревская // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – №4. – С. 18-26.
6. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegovterm-30859.htm>, свободный (дата обращения: 01.04.2024).
7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. № 10-а за 12 месяцев 2021 года // Официальный сайт Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>, свободный (дата обращения: 01.04.2024).
8. РИА «Новости»: две умершие девочки в Ровеньках состояли в «группе смерти» // Официальный сайт Бел.ru. – URL: <https://bel.ru/news/2022-08-09/ria-novosti-dve-umershie-devochki-v-rovenkah-sostoyali-v-gruppe-smerti-1091668> (дата обращения: 05.04.2024).
9. Число зарегистрированных самоубийств на 100 000 населения // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: <http://www.who.int/ru/>, свободный (дата обращения: 26.03.2024).

Борченко П.А.

Особенности правового статуса супругов как субъектов предпринимательских отношений

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-388

Научный руководитель: Федорященко А.С.

Аннотация

Актуальность рассмотрения особенностей правового статуса супругов как субъектов предпринимательских отношений обусловлена тем, что в законодательстве Российской Федерации супруги не признаются единым субъектом предпринимательской деятельности. Целью настоящей статьи является рассмотрение доктринальных подходов и правоприменительных решений по вопросу о разделе имущества, используемого супругами в предпринимательской деятельности. Результат статьи: в современной правовой системе прослеживается приоритет норм семейного права над нормами гражданского и корпоративного права при разрешении вопроса о распоряжении и разделе имущества, используемого в предпринимательской деятельности, что деформирует правовую природу предпринимательских правоотношений. Для целей оптимизации правового регулирования требуется двусторонняя синхронизация семейного права и гражданского и корпоративного права для обеспечения максимального баланса интересов участников предпринимательских отношений, связанных семейно-правовыми отношениями.

Ключевые слова: предпринимательство супругов, субъекты предпринимательских отношений, семейный бизнес, общее имущество супругов, предпринимательское право, семейное право.

Abstract

The relevance of considering the features of the legal status of spouses as subjects of entrepreneurial relations is due to the fact that in the legislation of the Russian Federation spouses are not recognized as a single business entity. The purpose of this article is to consider doctrinal approaches and law enforcement decisions on the issue of the division of property used by spouses in business activities. The result of the article: in the modern legal system, the priority of the norms of family law over the norms of civil and corporate law is traced in resolving the issue of disposal and division of property used in entrepreneurial activities, which deforms the legal nature of entrepreneurial legal relations. For the purposes of optimizing legal regulation,

two-way synchronization of family law and civil and corporate law is required to ensure the maximum balance of interests of participants in business relations related to family law relations.

Keywords: entrepreneurship of spouses, subjects of entrepreneurial relations, family business, common property of spouses, business law, family law.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года были заложены важные базовые характеристики российского государства, определены направления его развития, которые существенно отразились на дальнейшем формировании правового статуса личности в Российской Федерации. В частности, одним из аспектов конституционной характеристики российского государства стала гарантия свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34). Предпринимательская и иная хозяйственная деятельность в настоящее время занимает удельную часть в рыночной экономике. В осуществление указанного вида деятельности вовлечено большое количество субъектов.

Вместе с тем, в силу законодательного регулирования предпринимательская деятельность сопряжена с большим количеством рисков для самих лиц, принявших решение осуществлять такой вид деятельности. Задача законодателя в области предупреждения правовых рисков состоит в обеспечении четкого определения правового статуса субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности.

Так, например, в России весьма популярным является ведение совместного (семейного) бизнеса супругами. Супружеские пары нередко способны вырастить маленький или средний бизнес до «экономического гиганта». Однако никогда не исключается возникновение спорных ситуаций между супругами, расторжение брака и как следствие решение вопроса о разделе совместного бизнеса. Дело в том, что предпринимательское законодательство Российской Федерации не предусматривает супругов как единого субъекта предпринимательской деятельности. По сути установлено только два вида субъектов предпринимательской деятельности – это граждане без образования юридического лица и юридические лица (ст. 23 ГК РФ). Возникновение правового статуса индивидуального предпринимателя за одним из супругов не является основанием для признания предпринимателем другого супругов.

Однако большинство споров сводятся к тому, что предпринимательская деятельность ведется супругами совместно, а лишь один из супругов зарегистрирован в качестве субъекта предпринимательства. Возникновение споров о разделе имущества, используемого для предпринимательской деятельности, нередко ведет к комплексному применению российских отраслей права, которыми регулируются не только предпринимательские отношения, и определяется режим имущества супругов.

В научной статье Н.В. Летовой поднимается проблема определения правового статуса лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, и одновременно имеющие семейно-правовой статус супруга. По мнению автора, субъекты предпринимательской деятельности, также являющиеся супругами, слабо защищены в имущественной сфере, учитывая, что статус супруга автоматически налагает сложности при применении норм семейного права. Автор комментирует, что наличие семейно-правового статуса оказывает значимое влияние на осуществление предпринимательской деятельности, более того, в условиях реформирования семейного законодательства в части определения режима общего имущества супругов, что является поводом для обсуждения возможных направлений гражданского и корпоративного законодательства, с одной стороны, и семейного законодательства с другой стороны.

Далее следует остановиться на некоторых аспектах семейно-правового регулирования супругов режима имущества супругов. Законодатель, учитывая все возможные обстоятельства, предусмотрел, в отношении каких видов имущества действует режим совместной собственности супругов, а в отношении других – режим личной собственности каждого из супругов. В силу ст. 34 СК РФ, доходы от

предпринимательской деятельности являются общими, а также иное имущество, приобретенное за счет общего имущества супругов, является их совместной собственностью. Фактически с правовой точки зрения в период брака все доходы и имущество, приобретенное на доходы от бизнеса, является совместной собственностью супругов вне зависимости от того, кто из супругов имеет статус предпринимателя в установленном законом порядке. Изложенное также говорит о том, что несмотря на то, что правовой статус предпринимателя определяется нормами гражданского права, итоговое значение для супругов, один из которых является участником предпринимательских отношений, будут иметь нормы не указанной отрасли, а нормы семейного права, в том числе при разделе имущества, используемого для ведения бизнеса.

В контексте рассматриваемой проблемы также следует поднять и вопрос о том, что с точки зрения законодательного регулирования «бизнес» или «семейный бизнес» не является объектом гражданского права в контексте содержания ст. 128 ГК РФ. Корреспондирующая норма ст. 34 СК РФ также определяет виды имущества, которые могут быть самостоятельным объектом гражданских прав. Следовательно, при ведении совместного бизнеса супругами и в случае расторжении брака и разделе имущества, супруги-предприниматели не смогут прямо заявить требование о разделе бизнеса, который не признается как таковой законодателем самостоятельным объектом гражданских прав. Разделу подлежат имущество, используемое в предпринимательской деятельности, а также доходы от него. Об ошибочности выводов о том, что суды могут разделить совместный бизнес супругов-предпринимателей отмечал Верховный Суд Российской Федерации, признавая выводы судов первой инстанции необоснованными, положенных в основу принятия решений об удовлетворении требований о таком разделе.

Т.В. Белова и Д.И. Докучаева в своей научной публикации также справедливо затрагивают проблему распоряжения имуществом одним из супругов при реализации им корпоративного права. Ст. 35 СК РФ предписывает случаи, когда один из супругов должен получать согласие супруги на совершение действий, связанных с отчуждением имущества из имущества совместной собственности супругов. В частности, комментируемая норма устанавливает презумпцию согласия супруга на совершение сделки, но только в том случае, если второй этого не оспаривает. В отношении сделок, в отношении которых законом предусмотрен порядок государственной регистрации или совершения в нотариальной форме, необходимо согласие супруга, удостоверенного нотариусом.

Обоснованно возникает проблема, когда один из супругов реализует корпоративные права, например, при отчуждении доли в установленном капитале юридического лица. Следует сказать, что по данному вопросу сформировалась многолетняя практика высших судебных инстанций. Общая позиция Верховного Суда и Конституционного Суда в данном вопросе, следует сказать о том, что судебные инстанции признали распространение юридического режима совместной собственности супругов на доли в уставном капитале, однако это вовсе не предполагает, что реализация корпоративных прав, в том числе при отчуждении решается только по взаимному согласию супругов. Наличие спорных вопросов в практике разрешения споров с участием супругов в предпринимательских отношениях свидетельствует о том, что в законодательстве Российской Федерации прослеживается слабая взаимосвязь и приоритет правовых отраслей при разделе имущества супругов, являющихся субъектами предпринимательства.

Таким образом, в правовой системе Российской Федерации супруги-участники предпринимательских отношений не признаются в качестве единого или целостного субъекта предпринимательской деятельности, даже в том случае, если они ведут бизнес совместными усилиями. Наиболее сложным для правоприменительной практики является решение вопроса о разделе между супругами имущества, используемого в

предпринимательской деятельности, а также о порядке распоряжения таким имуществом. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что осложнение статуса субъекта предпринимательской деятельности семейно-правовым положением требует применение норм семейного права в части определения режима имущества супругов, используемого в предпринимательской деятельности. На наш взгляд в современной правовой системе прослеживается приоритет норм семейного права над нормами гражданского и корпоративного права при разрешении вышеуказанного вопроса, что деформирует правовую природу предпринимательских правоотношений. Для целей оптимизации правового регулирования требуется двусторонняя синхронизация семейного права и гражданского и корпоративного права для обеспечения максимального баланса интересов участников предпринимательских отношений, связанных семейно-правовыми узами.

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 16.
2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Летова Н.В. Проблемы обеспечения защиты прав супругов при осуществлении ими семейного бизнеса (семейного предпринимательства) // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 1. С. 84-90.
4. Определение Верховного Суда РФ №. 81-кГ19-2 от 26 марта 2019 года // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.11.2024).
5. Белова Т.В., Докучаева Д.И. Пределы реализации прав супругов (бывших супругов) в корпоративных правоотношениях // Экономические преобразования: теория и практика. 2023. № 1 (7). С. 57-65.
6. Определение КС РФ от 03.07.2014 № 1564-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.11.2024).

Босова А.С., Шрамкова А.А.

Понимание беспомощного состояния в уголовном праве Российской Федерации

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-389

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

Постоянный рост уровня преступности, ухудшение криминогенной ситуации в стране и значительное количество потерпевших вызывают необходимость более глубокого и детального изучения такого явления, как преступность. Зачастую преступления направлены против людей, неспособных самостоятельно защититься от противоправных посягательств преступника ввиду своего беспомощного состояния. Беспомощные потерпевшие постоянно находятся в зоне риска ввиду сравнительно более легкого совершения любых преступлений против них. В данной статье мы подробно рассмотрим понятие и особенности такого признака, как беспомощное состояние, с точки зрения уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, беспомощное состояние, преступление, психические или физиологические особенности.

Abstract

The constant increase in the crime rate, the deterioration of the criminogenic situation in the country and a significant number of victims necessitate a deeper and more detailed study of the phenomenon of crime. Crimes are often directed against people who are unable to defend themselves against illegal encroachments of a criminal due to their helpless condition. Helpless victims are constantly at risk due to the relatively easier commission of any crimes against them.

In this article, we will consider in detail the concept and features of such a sign as helplessness from the point of view of the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, helpless state, crime, mental or physiological characteristics.

Криминогенная ситуация в Российской Федерации остается на высоком уровне, а сами преступления имеют тревожную тенденцию к повышению уровня жестокости при их совершении и характеризуются направленностью на те категории граждан, которые имеют меньшие шансы защититься от противоправных посягательств. Это самые уязвимые в социальном отношении граждане, к которым относятся лица, страдающие физическими или психическими недостатками, малолетние и престарелые.

Государственный механизм направлен на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, в том числе лиц, которые в силу своего беспомощного состояния не могут защититься от преступного посягательства самостоятельно. Проблема защиты таких граждан стоит перед правоохранительными органами наиболее остро, так как практика показывает, что в их отношении может быть совершено любое преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, и посягающее на жизнь, здоровье, достоинство и личную собственность, а сам механизм, обеспечивающий эффективную защиту прав беспомощных потерпевших, порой действует неудовлетворительно, что может выражаться в повышении недоверия граждан к правоохранительным органам страны. Сами же преступления, направленные против таких лиц, могут быть связаны с умышленным приведением жертвы преступления в беспомощное состояние либо с использованием уже существующего беспомощного состояния потерпевшего.

В юридической науке отсутствует четкое и официально принятое определение беспомощного состояния, что существенно затрудняет работу правоохранительных органов по защите прав лиц, находящихся в таком состоянии, квалификацию и оценку преступных действий в отношении них. Различные юристы и ученые-правоведы дают разные понятия такого состояния, что вызывает острые дискуссии и, на наш взгляд, необходимость его легального определения.

В настоящее время определение беспомощного состояния формулируется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве», который толкует указанное состояние как неспособность лица в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая преступное посягательство, осознает это обстоятельство [1]. Данное определение представляется нам слишком широким и не конкретизированным, в результате чего на практике могут возникать сложные ситуации при квалификации деяния.

Э. А. Саркисова к числу факторов, создающих беспомощное состояние при убийстве, относит тяжелое заболевание, невменяемость либо иное состояние (в частности, сон, алкогольное или наркотическое опьянение сильной степени). Таким образом, автор полагает, что в результате определенных физиологических процессов или опьянения человек, может быть, не в состоянии защититься от противоправных посягательств самостоятельно, что позволяет характеризовать его как лицо, находящееся в беспомощном состоянии.

Начальник уголовно-судебного управления Прокуратуры Кемеровской области – Кузбасса Панова С. В., в своем разъяснении беспомощного состояния также конкретизирует ситуации такого состояния, а именно – беременность, физическое недоразвитие, очевидное отсутствие навыков выживания в конкретных условиях и уточняет, что этот список не является исчерпывающим [2]. На наш взгляд, данное уточнение является важным для понимания беспомощного состояния, используемого в уголовном законодательстве, так как вызывает необходимость индивидуального рассмотрения каждого случая преступного посягательства со стороны

правоприменителей и всесторонней оценки возможной беспомощности лица в момент совершения в отношении него преступления.

Дифференцируя индивидуальные особенности человека (в том числе и психические), влияющие на степень переживаемых им страданий и используемые при учете меры переносимых страданий, Т. Будякова, прежде всего, называет болезнь, наличие увечья, преклонный возраст и другие подобные признаки, отражающие параметры беспомощности человека, наличие которых всегда усиливает нравственные или физические страдания, и в силу этого они, безусловно, должны учитываться при любых обстоятельствах [3, С. 15-20].

Как мы убедились, мнения учёных и практических работников различны и в вопросах видовых проявлений беспомощности, и по поводу определения понятия «беспомощное состояние», которое требует учёта демографического, медицинского, психологического, правового и уголовно-правового содержания указанной категории.

При определении беспомощного состояния следует разграничивать его с бессознательным, так как эти понятия отличаются друг от друга, а бессознательное состояние в свою очередь входит в понятие беспомощного состояния, являясь его видом. При беспомощном состоянии потерпевший может (физическая беспомощность) или не может (психическая беспомощность) осознавать окружающую действительность, но в силу беспомощного состояния не может препятствовать преступному посягательству в отношении него и защищать свои жизнь и здоровье. При бессознательном состоянии человека его сознание и воля полностью заблокированы (например, при обмороке), и он не может принять мер к самосохранению.

Рассматривая более подробно состояние беспомощности потерпевшего следует выделить его основные виды, которыми являются физическая и психическая беспомощности. К физической беспомощности относится невозможность воспрепятствования потерпевшего преступному посягательству ввиду причин, связанных с развитием и жизнедеятельности организма, к которым относятся болезнь, старость, младенчество и другие. Под психической же беспомощностью следует считать неспособность потерпевшего осознавать окружающую реальность, угрозу для жизни и здоровья и саму опасность совершаемых в отношении него преступных посягательств ввиду обратимых или необратимых изменений в коре его головного мозга. К таким изменениям относятся различные опьянения, психические заболевания, препятствующие осознанию человеком окружающей реальности, а также бессознательное состояние.

Таким образом, беспомощное состояние потерпевшего представляется сложным явлением, при котором он может или не может осознавать происходящее, оценивать окружающую обстановку и опасность для жизни, здоровья и имущества, но не может самостоятельно защититься от преступных посягательств. Виды беспомощного состояния не урегулированы действующим законодательством Российской Федерации и их список может дополняться ввиду особенностей ситуации и совершенного преступления. Преступления довольно часто являются направленными против лиц, находящихся в данном состоянии и поэтому одной из важнейших задач правоохранителей является комплексная и плановая защита прав таких лиц.

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2024).
2. Уголовная ответственность за оставление в опасности. Прокуратура Кемеровской области Кузбасса. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=49762941 (дата обращения 05.11.2024).
3. Будякова, Т. Индивидуальные особенности потерпевшего как критерий степени нравственных физических страданий / Т. Будякова // Российская юстиция. — 2003. — № 2. — С. 15–20.
4. Игнатов, А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / А. Н. Игнатов. — М.: Норма-Инфра, 2002. — 450 с.

5. Кобзева, Е. В. Оценочные признаки в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 2002 / Кобзева Е. В.; СГЮА. — Саратов, 2002. — 18 с.
6. Меркушев, А. Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ / А. Е. Меркушев // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 6. — С. 50.
7. Плаксина, Т. А. Уголовная ответственность за убийство. Часть 2. Квалифицированные виды убийств со специальным потерпевшим (п. «а» - «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / под ред. С. В. Землюкова. М.: Норма-Инфра, 2000. — 250 с.
8. Семернёва, Н. К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие / Н. К. Семернёва. — М.: Проспект, 2010. — 380 с.
9. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Конспект лекций / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. — М.: Норма-Инфра, 2002. — 495 с.

Бочарникова В.О., Боев Д.В.

Координация органами прокуратуры деятельности по борьбе с преступностью

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-390

Аннотация

В статье рассматривается роль органов прокуратуры в координации деятельности правоохранительных структур по борьбе с преступностью в Российской Федерации. Акцент сделан на нормативно-правовом регулировании данной функции прокуратуры, ее практическом значении и существующих проблемах. Исследуются основные направления взаимодействия между прокуратурой и другими правоохранительными органами, такие как обмен информацией, совместное проведение оперативных мероприятий и разработка единых стратегий борьбы с преступностью. Особое внимание уделено современным вызовам, связанным с ростом киберпреступности, организованной преступности и экономических правонарушений, а также анализу эффективности межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: координация, прокуратура, правоохранительные органы, борьба с преступностью, нормативное регулирование, киберпреступность, организованная преступность.

Abstract

The article deals with the role of prosecutor's office in coordinating the activities of law enforcement structures to combat crime in the Russian Federation. Emphasis is placed on the normative-legal regulation of this function of the prosecutor's office, its practical significance and existing problems. The main directions of interaction between the prosecutor's office and other law enforcement agencies, such as information exchange, joint operational activities and the development of common strategies to combat crime are studied. Particular attention is paid to modern challenges related to the growth of cybercrime, organized crime and economic offences, as well as to the analysis of the effectiveness of inter-agency cooperation.

Keywords: coordination, prosecutor's office, law enforcement, crime control, normative regulation, cybercrime, organized crime.

В современных условиях противодействие преступности остается одной из ключевых задач обеспечения правопорядка и безопасности в Российской Федерации. Уровень преступности оказывает непосредственное влияние на социальную стабильность, доверие граждан к государственным институтам и качество жизни населения. Прокуратура, как надзорный орган, играет центральную роль в координации действий правоохранительных структур, направленных на профилактику, выявление и пресечение преступлений.

Однако, с учетом динамичных изменений в преступной среде, включая появление новых форм правонарушений, в том числе киберпреступности, а также усложнение механизмов уклонения от правосудия, возникает необходимость совершенствования координационной деятельности прокуратуры. Это требует разработки эффективных стратегий взаимодействия между различными органами, задействованными в борьбе с преступностью.

Координация деятельности по борьбе с преступностью органами прокуратуры в Российской Федерации является одной из ключевых задач в обеспечении законности и правопорядка. Прокуратура выполняет важную роль в объединении усилий различных правоохранительных органов, направленных на предотвращение, раскрытие и расследование преступлений. Современные реалии, характеризующиеся ростом киберпреступности, организованной преступности и экономических правонарушений, требуют усиления межведомственного взаимодействия и совершенствования нормативной базы, регламентирующей координационную деятельность [1, с. 178].

Согласно ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1

«О прокуратуре Российской Федерации», прокуратура является единой федеральной централизованной системой органов, которая осуществляет надзор за исполнением законов, прав и свобод человека и гражданина, а также координирует деятельность правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью. В рамках этой функции прокуратура обязана обеспечить согласованность действий таких ведомств, как полиция, Следственный комитет, Федеральная служба безопасности, а также других структур, задействованных в борьбе с преступностью.

Практика показывает, что эффективность координации во многом зависит от четкой регламентации взаимодействия на уровне законодательства и от организации совместной работы правоохранительных органов. Например, в соответствии с Постановлением Генерального прокурора РФ № 1 от 01.01.2019 года, прокуратура обязана организовывать и проводить координационные совещания, на которых обсуждаются проблемы противодействия преступности, планируются совместные действия и оценивается их результативность. Такие совещания включают в себя анализ оперативной обстановки, рассмотрение проблемных вопросов взаимодействия и разработку рекомендаций для улучшения координации [2, с. 123].

Примером успешной координации является борьба с наркопреступностью. В рамках Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» прокуратура организует взаимодействие между МВД, ФСБ и Росгвардией для пресечения каналов поставок наркотиков. В 2023 году, по данным МВД РФ, было раскрыто более 220 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Из них около 80% составили преступления, выявленные благодаря межведомственному взаимодействию. Это свидетельствует о высокой эффективности совместных мероприятий, координируемых прокуратурой.

Однако в процессе координации возникают определенные проблемы. Одной из основных является недостаточное информационное взаимодействие между ведомствами. Например, на региональном уровне часто наблюдается отсутствие единой системы обмена оперативной информацией, что приводит к замедлению расследования преступлений. Примером может служить случай в 2022 году в Приволжском федеральном округе, когда несогласованность действий привела к уходу преступной группировки из-под надзора правоохранительных органов. В результате прокуратурой был инициирован пересмотр механизмов информационного взаимодействия, что позволило существенно улучшить координацию.

Особое внимание уделяется киберпреступности, которая в последние годы демонстрирует устойчивый рост. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2023 году число зарегистрированных киберпреступлений увеличилось на 15% по сравнению с предыдущим годом. В этой сфере прокуратура организует взаимодействие между МВД,

ФСБ и специализированными подразделениями, такими как Центр информационной безопасности. Одним из примеров эффективного взаимодействия стало пресечение деятельности международной хакерской группировки в 2023 году, что стало возможным благодаря координации действий на межведомственном уровне [3, с. 120].

Важной частью координационной деятельности является надзор за исполнением законодательства в ходе оперативно-розыскной деятельности. Прокуратура проверяет законность действий правоохранительных органов, чтобы исключить превышение полномочий и обеспечить защиту прав граждан. Например, в 2023 году прокурорами было выявлено более 2 тысяч нарушений в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, что позволило устранить проблемы в работе отдельных ведомств и предотвратить ущемление прав граждан.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются органы прокуратуры в координации деятельности по борьбе с преступностью, обусловлены как недостатками организационного характера, так и пробелами в законодательной и технической сферах. Одной из наиболее значимых проблем является отсутствие единой интегрированной системы информационного обмена между правоохранительными органами, что затрудняет оперативное взаимодействие. Например, нередко данные о преступлениях или подозреваемых задерживаются из-за использования устаревших методов передачи информации. Это приводит к тому, что преступные группы могут избегать преследования благодаря временным разрывам в действиях правоохранительных структур [4, с. 105].

Еще одной серьезной проблемой является дублирование функций между различными ведомствами, что вызывает неэффективное использование ресурсов. Например, при расследовании экономических преступлений может возникать ситуация, когда одновременно несколько ведомств проводят параллельные проверки одних и тех же объектов. Это не только снижает общую эффективность, но и создает дополнительные барьеры для быстрой и скоординированной работы.

Проблемы кадрового обеспечения также оказывают негативное влияние на координационную деятельность. Недостаток квалифицированных специалистов, особенно в сфере кибербезопасности и финансовых преступлений, ограничивает возможности прокуратуры и других правоохранительных органов. Кроме того, в ряде регионов наблюдается нехватка современных технических средств, что особенно остро ощущается при расследовании высокотехнологичных преступлений.

Для решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий несколько направлений. Во-первых, следует внедрить единую цифровую платформу для информационного обмена между всеми правоохранительными органами. Такая платформа должна обеспечивать доступ к базам данных в режиме реального времени, что позволит ускорить процесс принятия решений и повысить эффективность расследований. В качестве примера можно привести опыт создания платформы «Электронный прокурор» в некоторых регионах РФ, которая показала свою эффективность в обработке данных и координации действий.

Во-вторых, необходимо пересмотреть законодательство, регулирующее координационную деятельность. Следует четко разграничить функции различных ведомств, чтобы избежать дублирования задач. Например, можно разработать единые стандарты взаимодействия и прописать их в нормативных актах, что упростит организацию совместных действий.

Важным направлением является повышение квалификации кадров. Следует организовать регулярные обучающие программы и тренинги, направленные на развитие профессиональных навыков, особенно в области высокотехнологичных преступлений. Также стоит обратить внимание на привлечение молодых специалистов, которые обладают современными знаниями и готовы внедрять новые подходы в работу.

Кроме того, требуется увеличить финансирование технического оснащения правоохранительных органов, что особенно актуально для регионов. Обеспечение

современным оборудованием, включая средства киберзащиты и аналитические системы, позволит повысить эффективность как отдельных ведомств, так и всей координационной деятельности прокуратуры.

Решение проблем дублирования функций и низкой эффективности также возможно через проведение регулярных координационных совещаний. На таких совещаниях должны анализироваться результаты совместной работы, выявляться слабые места и разрабатываться рекомендации по их устранению. Примером может служить опыт Приволжского федерального округа, где подобные мероприятия позволили существенно улучшить взаимодействие между правоохранительными органами [5, с. 121].

Таким образом, координация органами прокуратуры деятельности по борьбе с преступностью является важным инструментом обеспечения законности и правопорядка в Российской Федерации. Несмотря на существующие проблемы, такие как недостаток информационного обмена и сложность межведомственного взаимодействия, практическая деятельность прокуратуры демонстрирует высокую эффективность. Усиление координационной роли прокуратуры, совершенствование нормативной базы и внедрение современных методов взаимодействия способны значительно повысить уровень безопасности в обществе.

1. Карпович Д.А. Координация органами прокуратуры деятельности по борьбе с преступностью / Д.А. Карпович // Молодой ученый. – 2021. – № 46 (388). – С. 178–179.
2. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: учебное пособие / под ред. В.И. Рохлина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – 320 с.
3. Таджибов З.А. Прокуратура как координирующее звено в борьбе с преступностью / З.А. Таджибов // Молодой ученый. – 2021. – № 42 (384). – С. 120–121.
4. Черчесов Т.А. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / Т.А. Черчесов // Молодой ученый. – 2023. – № 32 (479). – С. 103–108.
5. Шевченко А.В. Роль прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / А.В. Шевченко // Молодой ученый. – 2022. – № 24 (446). – С. 120–122.

Бузов И.В.

Оказание помощи осужденным как направление по предупреждению рецидивов

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-391

Научный руководитель: Кислицина И.Н.

Аннотация

В статье рассматривается оказание помощи осужденным как направление по предупреждению рецидивов. Проводится анализ существующего комплекса мер, направленного на помощь осужденным. Кроме того, рассмотрены нормативно-правовые положения, которые вступят в силу с 2025 года. Делается вывод о необходимости развития нормативно-правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: рецидивы, оказание помощи, предупреждение рецидивов.

Abstract

The article considers the provision of assistance to convicts as a direction for the prevention of recidivism. An analysis of the existing set of measures aimed at helping convicts is being carried out. In addition, the regulatory provisions that will come into force in 2025 have been considered. The conclusion is made about the need to develop regulatory regulation in this area.

Keywords: relapses, care, prevention of relapses.

Предупреждение рецидивной преступности выступает важным направлением государственной политики, направленной на предотвращение совершения преступлений лицами, которые были ранее осуждены. В связи с этим действующее законодательство предусматривает комплекс мер, целью которых является коррекция поведения и помощь осужденным. Однако количество рецидивов продолжает расти с каждым годом. Специалисты отмечают, что лицами, ранее осужденными, совершается до 60 % расследуемых преступлений. В связи с этим возникает вопрос об эффективности существующих мер по оказанию помощи осужденным.

Оказанию помощи осужденным посвящена глава 22 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что в данной главе закреплены преимущественно меры, направленные на оказание помощи осужденным именно в учреждениях, исполняющих наказания. Осуществление данных мер возложено на администрации учреждений, исполняющих наказания. Основными направлениями деятельности администрации названных учреждений являются:

- 1) проведение воспитательной работы и разъяснение прав и обязанностей осужденного;
- 2) уведомление профильных государственных органов (служба занятости, органы в сфере охраны здоровья и др.) о статусе осужденного, в частности, его потребности в жилье, необходимости лечения, назначения пенсии и др.
- 3) обеспечение продуктами питания, одеждой, выдача единовременного денежного пособия.

Следует отметить несколько значимых мер по пенитенциарной помощи осужденным. Во-первых, воспитательные работы должны проводиться с осужденным на протяжении всего срока его отбывания наказания. Такая работа должна включать психологическую помощь осужденному и помощь в социальной адаптации. Это подтверждает исследование, проведенное Г. А. Майстренко, которое проводилось в течение 6 месяцев в одном из учреждений, исполняющих наказание. На этот период с группой осужденных проводилась воспитательная работа, учитывающая перечисленные выше элементы. Результаты исследования показывают, что такая работа является эффективным инструментом профилактики рецидивизма. По сравнению с другой группой осужденных, с которыми не проводилась подобная работа, экспериментальная группа показывала меньшую склонность к повторному совершению преступлений. Во-вторых, значимой частью помощи выступает взаимодействие администраций учреждений, исполняющих наказания с иными государственными органами, так как это позволяет обеспечить возможность нормальной жизни осужденных после освобождения. Кроме того, практика показывает, что ФСИН России готов активно сотрудничать с конкретными учреждениями и предприятиями по трудоустройству осужденных.

Особое внимание как в теории, так и на практике уделяется постпенитенциарной помощи осужденным. До недавнего момента в России не были нормативно закреплены комплексные меры по оказанию помощи осужденным, после их освобождения. Только в ст. 182 УИК РФ устанавливалось право освобожденных осужденных на социальную помощь. В 2024 году вступил в силу Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Данный закон призван установить систему пробации осужденных, которая включает в себя оказание различной помощи осужденным. При этом реализация закреплённых мер производится как во время отбывания наказания, так и после освобождения осужденных. К постпенитенциарной пробации осужденных, в частности, относятся:

- 1) социальная реабилитация;
- 2) консультирование по социальным и правовым вопросам;
- 3) содействие в получении образования;
- 4) содействие в получении медицинской помощи.

Важной составляющей оказания постпенитенциарной помощи выступает создание специальных центров пробации. Такие центры могут создаваться некоммерческими организациями с целью оказания помощи осужденным. На данный момент такие центры еще не осуществляют свою деятельность. Связанно это с тем, что внедрение пробации было разделено на несколько этапов. Первый этап включает в себя оказание помощи осужденным в период отбывания наказания. Данный этап начался с 1 января 2024 г., а второй этап, который начнется с 1 января 2025 года, охватывает постпенитенциарную помощь, то есть после освобождения осужденных. Поэтому центры пробации начнут свою деятельность только в 2025 году.

Говоря о первом этапе реализации пробации следует отметить, что её целью является именно работа в учреждениях, исполняющих наказания, а именно создание индивидуальных программ ресоциализации осужденных. Такая мера является также немаловажной, в связи с чем Г. А. Майстренко отмечает её эффективность в своем исследовании. Однако Г.А. Майстренко считает, что о результатах первого этапа говорить еще рано, так как прошло достаточно мало времени для понимания эффективности реализуемых мер. Однако, очевидным является необходимость изменения подхода к помощи осужденным. В. Г. Громов подчеркивал, что принятие ФЗ «О пробации в Российской Федерации» стало важным шагом в развитии уголовно-исполнительной системы, так как перечень мер по оказанию помощи осужденным расширился. Одновременно с этим автор критикует некоторые положения данного закона.

Таким образом, на данный момент идет активное внедрение новых комплексных мер, направленных на оказание помощи осужденным как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный период. Эффективность новой системы мер будет возможно оценить только через несколько лет. Однако необходимость в развитии системы помощи была давно, и развитие данного направления в России следует однозначно оценивать положительно.

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 11.10.2024).
2. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О пробации в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения: 11.10.2024).
3. Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 184-191.
4. Ефремова И. А., Варыгин А. Н. Оказание помощи осужденным как основа эффективной работы по предупреждению рецидивной преступности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2023. № 1. С. 12-18.
5. Майстренко Г. А. Профилактика рецидивной преступности и воспитательная работы с осужденными // Образование и право. 2023. № 5. С. 339-343.

Булавин Д.А., Ткаченко В.В.

О некоторых проблемных вопросах организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России на транспорте

*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-392

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России на транспорте, а также возможные пути их решения.

Ключевые слова: подразделения по делам несовершеннолетних, органы внутренних дел на транспорте, организация деятельности, транспортная безопасность.

Abstract

The article discusses the problematic issues of organizing the activities of the juvenile affairs units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in transport, as well as possible ways to solve them.

Keywords: juvenile affairs units, internal affairs bodies in transport, organization of activities, transport security.

Современная реальность характеризуется важностью участия государства в создании условий, обеспечивающих высокий уровень транспортной безопасности. Это связано, в первую очередь, с тем, что объекты транспорта и транспортная инфраструктура в целом являются важной частью хозяйственной деятельности в стране, выступая связующим звеном между субъектами экономики. Кроме того, специфика функционирования железнодорожного, воздушного и водного транспорта обуславливает высокую опасность для жизни и здоровья людей при несоблюдении определенных требований. Важно отметить, что значительной опасности подвержены несовершеннолетние, которые в силу психических, психологических особенностей своего возраста могут не полноценно воспринимать и соблюдать требования транспортной безопасности, а также иные законодательные нормы, что в итоге может повлечь создание угрозы как для жизни и здоровья, так и для нормального их развития и становления как личности. В целях профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав, профилактики травматизма на транспорте, а также для иных, установленных нормативными актами целей созданы и функционируют подразделения по делам несовершеннолетних в структуре территориальных органов МВД России на рассматриваемых видах транспорта.

Организация деятельности данных подразделений не лишена проблем, которые оказывают негативное влияние на эффективность их функционирования. К таким проблемам, в первую очередь, необходимо отнести отсутствие отдельного нормативно-правового регулирования деятельности данных подразделений. Необходимость такого регулирования обуславливается тем, что данные подразделения, осуществляя работу на территории оперативного обслуживания – объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, имеют большое количество особенностей, тем самым специфика их деятельности в значительной степени отличается от подобных подразделений в иных территориальных органах МВД России на районном уровне [1]. Например, значительная часть проводимых мероприятий нацелена на формирование у несовершеннолетних четкого понимания и осознания требований транспортной безопасности, правил безопасного поведения на тех или иных объектах транспорта. Кроме того, по данному направлению осуществляется взаимодействие с рядом иных государственных органов, например, с государственной инспекцией по маломерным судам МЧС России. Важно отметить, что на территории обслуживания рассматриваемых подразделений, как правило, нет жилых домов, образовательных учреждений, что влечет отсутствие необходимости в реализации таких полномочий, как постановка несовершеннолетних на профилактический учет, заведение в отношении них соответствующих дел и карточек и т.п. В основном нормативном акте МВД России, регулирующем деятельность рассматриваемых подразделений – Приказе МВД России от 15 октября 2013 года №845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних ОВД РФ», о специфике работы на транспорте упоминается лишь в п. 34, где указаны 9 отдельных узких направлений деятельности [2]. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно пересмотреть вопрос правового регулирования деятельности рассматриваемых подразделений в направлении создания отдельного акта, в котором бы более подробно излагались порядок и направления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних полиции на транспорте. Кроме того, такой акт должен более подробно раскрывать основные положения о проведении работы в направлении

профилактики травматизма на объектах транспорта, порядка взаимодействия с транспортными организациями по соответствующим вопросам, а также по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, совершаемых на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры.

Еще одной проблемой организации работы рассматриваемых подразделений выступает недостаточность системы повышения квалификации сотрудников по направлению социальной педагогики. Данная сфера научных знаний имеет особую важность при работе с несовершеннолетними, поскольку они имеют определенные психологические, психические и личностные особенности, что делает необходимым применять специальные методы установления психологического контакта в целях донесения до ребенка необходимых сведений и успешного достижения целей профилактической работы [3]. На современном этапе, наличие соответствующего образования не является обязательным требованием для поступления на службу в рассматриваемое подразделение. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно организовывать и проводить курсы повышения квалификации сотрудников на регулярной основе. Такие курсы предполагают изучение сотрудниками основных положений социальной педагогики, относящихся к методам и способам оказания положительного профилактического воздействия на несовершеннолетних различных категорий. Кроме того, сотрудники смогут приобрести качества, необходимые для организации и проведения бесед как с отдельным несовершеннолетним, так и с группами, причем различной социальной направленности.

Таким образом, на современном этапе развития общественных отношений деятельность подразделений по делам несовершеннолетних на транспорте имеет важное значение, поскольку она направлена на предупреждение и профилактику не только правонарушений несовершеннолетних, но и нарушений правил безопасного поведения на объектах транспортной инфраструктуры и транспорта. В настоящее время подразделения по делам несовершеннолетних имеют ряд проблем, связанных с отсутствием отдельного правового регулирования их работы, а также с недостаточной эффективностью системы повышения квалификации по направлению социальной педагогики. Решение данных проблем посредством разработки и принятия ведомственного акта для регулирования основных направлений деятельности и порядка реализации полномочий сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних на транспорте и внедрения системы регулярного проведения профессиональной переподготовки по отдельным дисциплинам, связанным с работой с несовершеннолетними, позволит повысить эффективность работы рассматриваемых подразделений и улучшить качество профилактической работы на транспорте, а также предупредить большое количество правонарушений и происшествий.

1. Павлова Людмила Владимировна О совершенствовании организационных основ предупреждения правонарушений несовершеннолетних подразделениями по делам несовершеннолетних линейных отделов МВД России на транспорте // Уголовно-исполнительное право. 2016. №3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-organizatsionnyh-osnov-preduprezhdeniya-pravonarusheniy-nesovershennoletnih-podrazdeleniyami-po-delam>.
2. Приказ МВД России от 15 октября 2013 года №845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Официальный сайт правовой информации parvo.gov.ru. URL: <https://63.xn--b1aew.xn--p1ai/document/2383828>.
3. Ольга Марковна Дорошенко, Владимир Владимирович Попов, Полина Ивановна Москаленко Технологии социально-педагогической деятельности отдельных субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних в аспекте профессионального образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-sotsialno-pedagogicheskoy-deyatelnosti-otdelnyh-subektov-profilaktiki-pravonarusheniy-nesovershennoletnih-v-aspekte>.

Булдыгеров М.Н.**Проблемы использования показаний свидетелей в уголовном процессе***Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-393

*Научный руководитель: Кислицина И.Н.***Аннотация**

В статье исследуются актуальные проблемы применения свидетельских показаний в качестве доказательственной базы по уголовным делам. Автор рассматривает некоторые научные и правовые подходы ведущих исследователей и правоведов в вопросах получения и использования показаний свидетелей в уголовном процессе. На основе анализа положений действующего законодательства с учетом практических рекомендаций предложены возможные пути разрешения проблем, связанных с достоверностью и допустимостью свидетельских показаний.

Ключевые слова: показания, свидетель, допустимость, уголовный процесс, уголовная ответственность.

Abstract

The article explores the current problems of the use of witness testimony as evidence in criminal cases. The author considers some scientific and legal approaches of leading researchers and legal scholars in the issues of obtaining and using witness testimony in criminal proceedings. On the basis of the analysis of the provisions of the current legislation, taking into account practical recommendations, possible ways of solving the problems related to the reliability and admissibility of witness testimony are proposed.

Keywords: testimony, witness, admissibility, criminal procedure, criminal liability.

В современном уголовном судопроизводстве доказательства имеют первостепенное значение, поскольку именно они позволяют установить существенные обстоятельства уголовного дела, необходимые для изобличения виновного и вынесения справедливого судебного решения. К числу доказательств, обладающих указанными свойствами, относятся, в частности, и показания свидетелей, которые, по нашему мнению, играют ключевую роль в установлении фактических обстоятельств дела. Свидетель представляется центральной фигурой, оказывающей значительное влияние на ход и исход судебного разбирательства.

Существует множество дискуссий относительно порядка приобретения статуса свидетеля. Согласно ч. 1 ст. 56 УПК РФ в качестве свидетеля может выступать: «лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний» [1]. В отличие от потерпевшего, для признания лица свидетелем не требуется вынесение специального постановления. Это порождает трудности на практике в определении этапа производства по делу, на котором лицо приобретает данный статус. Мы поддерживаем точку зрения В.Ю. Стельмаха, согласно которой «свидетель приобретает данный статус в момент начала допроса» [6, с. 110]. Это позволяет более четко определить момент, с которого лицо обязано соблюдать соответствующие процессуальные правила, включая правовую ответственность за дачу ложных показаний.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 188 УПК РФ: «свидетель, потерпевший вызывается на допрос повесткой, в которой указываются, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин. Повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передается с помощью средств связи» [1]. На наш взгляд, существенным упущением

является отсутствие конкретизации видов средств связи, которые могут быть использованы для передачи повестки. В условиях современного уровня информатизации было бы целесообразным допустить возможность уведомления свидетелей о вызове через SMS-сообщения. В связи с этим, представляется необходимым дополнить статью 188 УПК РФ различными способами уведомления свидетелей, включая электронные средства связи, что повысит эффективность и оперативность процесса.

Вместе с тем важно уточнить правовую интерпретацию показаний свидетеля. В соответствии с ч. 1 ст. 79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): «показания свидетеля – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 187 - 191 и 278 настоящего Кодекса» [1]. Несмотря на наличие четкой легальной дефиниции данного понятия, в правоприменительной практике возникает ряд сложностей и проблем, связанных с его интерпретацией и применением.

Так, С.А. Новиков полагает, что буквальное толкование ст. 79 УПК РФ способно породить ошибочное представление о том, что показания свидетеля могут быть получены исключительно в ходе допроса [3, с. 100]. Анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что показания свидетелей могут быть получены не только в ходе допроса, но и посредством других следственных действий, таких как: очная ставка, предъявление для опознания, а также проверка показаний на месте. В связи с этим представляется целесообразным расширить содержание ст. 79 УПК РФ, включив в неё указание на иные следственные действия, посредством которых возможно получение свидетельских показаний.

Для дальнейшего использования показаний свидетеля в качестве доказательства по делу, необходимо соблюдать законный порядок их получения. При нарушении установленного законом порядка, такие доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Например, Советским районным судом в апелляционном порядке было рассмотрено дело по апелляционному представлению помощника прокурора на приговор, вынесенный мировым судом. Согласно материалам дела: «помощник прокурора просит приговор в отношении осужденного изменить, исключив из его описательно-мотивировочной части доказательства – показания свидетелей в части сведений, ставших известными им со слов осужденного. В обосновании апелляционного представления его автор указал, что указанные свидетели являются сотрудниками полиции, в связи с чем их показания об обстоятельствах причастности обвиняемого к инкриминируемым деяниям, ставшие известными со слов последнего, являются недопустимыми доказательствами» [2].

После всестороннего анализа представленных доказательств суд удовлетворил апелляционное представление прокурора, согласившись с доводами о недопустимости использования показаний свидетелей, полученных со слов осужденного.

К числу существенных проблем относятся также ситуации, когда свидетелями преступления выступают лица, страдающие алкоголизмом или наркоманией. При допросе таких свидетелей необходимо учитывать вероятность как умышленного, так и неумышленного искажения информации, обусловленного их психическим и физическим состоянием. Целью умышленного искажения информации является введение следствия в заблуждение [4, с. 16].

Для эффективности проведения допроса данной категории лиц следователю необходимо учитывать психологические особенности личности свидетеля, а также особенности его когнитивных процессов, таких как мышление, память и восприятие и т.д. Это позволит корректно интерпретировать показания и минимизировать риски искажения информации, вызванного состоянием свидетеля [5, с. 122].

Дача достоверных сведений возможна лишь в том случае, если свидетель обладает способностью адекватно запоминать и воспроизводить факты, имеющие значение для дела. Свидетель, находящийся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, теряет способность полноценно запоминать и точно воспроизводить произошедшее. В связи с этим такие показания могут вызывать у суда обоснованное недоверие.

Если следователь приходит к выводу, что показания таких лиц могут существенно повлиять на ход и результаты дела, он обязан назначить проведение судебной экспертизы, целью которой является установление влияния алкогольного или наркотического опьянения на дачу правдивых показаний.

Еще одной значимой проблемой, требующей особого внимания, является лжесвидетельство. В настоящее время случаи привлечения лица к уголовной ответственности за лжесвидетельство являются редкостью, и в большинстве случаев в качестве меры наказания применяется штраф. Мы полагаем, что применение штрафа в качестве меры наказания за лжесвидетельство является нецелесообразным. В связи с этим необходимо внести изменения в ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривая ужесточение ответственности за дачу ложных показаний, особенно в случае, когда такие действия совершены лицами, находящимися в сговоре. На наш взгляд, подобные нововведения способствуют устранению недостоверной информации, полученной в ходе допросов или иных следственных действий, что, в свою очередь, позволит повысить эффективность расследования уголовных дел и укрепить доверие к уголовному процессу.

Интересным аспектом является участие несовершеннолетних лиц в качестве свидетелей по делу. Как правило, несовершеннолетний не предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний, ему лишь разъясняется необходимость говорить правду. В результате этого на практике следователи часто относятся к показаниям несовершеннолетних с определенным скептицизмом. Мы полагаем, что законодателю следует усилить меры ответственности для несовершеннолетних свидетелей, введя более четкие разъяснения о правовых последствиях за ложные показания.

В соответствии с действующим законодательством, законными представителями несовершеннолетних являются их родители. Ввиду этого на них возлагается обязанность по защите прав и интересов подростков. В связи с этим вызов несовершеннолетнего на допрос осуществляется через его законных представителей. Однако следует отметить, родители подростка не несут процессуальной ответственности за дачу ложных показаний последнего. На наш взгляд, данное положение является некорректным и не соответствует правовому статусу законного представителя. Целесообразным было бы установление аналогичной ответственности для родителей несовершеннолетних. В тех случаях, если подросток в возрасте до 16 лет предоставил следствию заведомо ложные сведения, то по отношению к его родителям должны быть применены определенные меры взыскания. Введение такой нормы способствовало бы повышению заинтересованности законных представителей в том, чтобы несовершеннолетние давали правдивые показания, что, в свою очередь, повысит достоверность информации, получаемой в ходе расследования.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно заключить, что действующее законодательство в области показаний свидетелей, как одного из видов доказательств по делу, нуждается в доработке. Для повышения эффективности расследования преступлений, необходимо внести изменения в ст. 79 УПК РФ. Данную норму необходимо дополнить следственными действиями, в рамках которых следователем могут быть получены сведения, имеющие значения для уголовного дела. В качестве таких следственных действий могут выступать: очная ставка, проверка показаний на месте, предъявление для опознания.

Кроме того, следует ужесточить ответственность за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от явки к следователю для дачи показаний. Введение такой ответственности обеспечит более серьезное отношение свидетелей к процессу дачи показаний и устранил возможности для введения следствия в заблуждение, что способствует улучшению качества расследования и судебного разбирательства в целом.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Апелляционное постановление Советского районного суда г. Красноярска № 10-52/2023 от 25 сентября 2023 г. по делу № 10-52/2023. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AsODicwNFK6W/> (дата обращения: 02.11.2024).
3. Новиков, С.А. Институт показаний свидетеля в уголовном процессе России: проблемы совершенствования / С.А. Новиков // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 100-101.
4. Загорьян, С.Г. Некоторые признаки вооруженной организованной группы несовершеннолетних / С.Г. Загорьян // Рос. следователь. – 2008. – № 7. – С. 16-17.
5. Мисник, И.В. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве / И.В. Мисник // Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел: материалы межвуз. науч.-практ. конф. – 2017. – С. 122-123.
6. Стельмах, В.Ю. Некоторые вопросы участия свидетеля в уголовном судопроизводстве / В.Ю. Стельмах // Уголовное право. – 2018. – № 5. – С. 110-113.

Булдыгеров М.Н.

Предпринимательское право в условиях цифровизации

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-394

Научный руководитель: Федорященко А.С.

Аннотация

Статья исследует новации в правовом регулировании, обусловленные цифровизацией, с акцентом на проблемы правового регулирования. Рассмотрены особенности субъектного и объектного состава правоотношений. Проанализированы проблемы урегулирования хозяйственных отношений в условиях цифровизации.

Ключевые слова: предпринимательское право, цифровизация, сеть Интернет, цифровые технологии, экономика.

Abstract

The article investigates the innovations in legal regulation caused by digitalisation, with a focus on the problems of legal regulation. The peculiarities of the subject and object composition of legal relations are considered. The problems of regulation of economic relations in the conditions of digitalisation are analysed.

Keywords: entrepreneurial law, digitalization, Internet, digital technologies, economy.

В современную эпоху цифровые технологии существенно трансформируют взаимодействие между участниками предпринимательской деятельности в различных секторах, таких как банковское дело, розничная торговля, средства массовой информации и пр. В условиях цифровизации экономики возникает необходимость в особом регулировании, которое будет способствовать эффективному и этичному использованию технологий, а также предотвращать возможные злоупотребления. Сущность предпринимательских отношений, в которых одни участники представляют частные интересы, а другие – публичные, требует четкого нормативно-правового регулирования. Оно должно основываться на балансе между государственным контролем и механизмами

саморегулирования, а также предусматривать ограничения предпринимательской свободы в общественных интересах, особенно для защиты законных прав потребителей и наемных работников.

В связи с этим в России начала формироваться система регулирования процессов цифровизации бизнеса. Одним из ключевых шагов в этом направлении стало издание Указа Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы».

«Настоящая Стратегия определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов» [1].

С внедрением новых цифровых технологий возникли определённые сложности, среди которых выделяется необходимость адаптации терминологии, связанной с цифровыми явлениями. Это обусловило пересмотр существующих правовых категорий с целью более чёткого определения границ ответственности за недобросовестную практику в условиях цифровизации [3]. Также возникла необходимость в пересмотре обозначений участников договорных отношений и условий, касающихся правовой достоверности заключаемых соглашений. Ключевым аспектом стало внедрение электронной подписи, что существенно изменило процесс подтверждения согласия сторон при заключении контрактов.

В настоящее время договорные отношения регулируются на законодательном уровне, в частности, Гражданским кодексом Российской Федерации. Кодекс включает перечень условий, определяющих законность договора:

«Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение» [2].

Влияние цифровых технологий на предпринимательскую деятельность и трансформацию экономических отношений в России является предметом активных дискуссий среди юристов и исследователей. Появление концепции «цифровой экономики» стимулирует пересмотр подходов к правовому регулированию. Новые отрасли, такие как телекоммуникации, электронные доверительные услуги и электронная коммерция, приобретают всё большее значение, в то время как традиционные сферы получают электронные аналоги своих услуг, например, в форме электронных финансовых сервисов и платежных систем.

Эти преобразования оказывают значительное влияние на хозяйственные отношения и их правовое регулирование. Классическая структура правоотношений в условиях цифровизации приобретает новые аспекты, что порождает трудности в квалификации новых участников, таких как виртуальные предприятия, и нематериальных объектов, включая веб-сайты, интернет-платформы, искусственный интеллект и ботов. Это ставит перед правоведами задачи по выявлению особенностей договорных связей, разработке условий для обеспечения экономической конкуренции, а также уточнению вопросов ответственности в новых условиях.

Традиционная структура правоотношений включает такие элементы, как субъект, объект и содержание. Анализ учебной литературы для высших учебных заведений позволяет заметить определённые изменения в составе субъектов и объектов предпринимательских правоотношений. Стремительная цифровизация привела к появлению новых категорий участников, например, цифровых платформ и их пользователей, а также новых видов объектов, таких как токены и криптовалюты. В связи с этим М.Н. Конягина приходит к выводу о необходимости пересмотра действующих правовых норм и их адаптации к современным условиям. Впоследствии это потребует

внедрения инновационных правовых механизмов для защиты прав всех участников данных правоотношений [5].

Говоря о государственных органах, отвечающих за процессы цифровизации, следует отметить Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации было создано 15 мая 2018 года указом Президента Российской Федерации № 215 на базе Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Официальное сокращенное наименование ведомства – Минцифры России [4].

Что касается виртуальных предприятий, то они представляют собой группу лиц с переменным составом участников, в которую входят как предприниматели, так и граждане, не имеющие статуса субъекта предпринимательства. Эти группы не обладают организационным единством, как, например, юридические лица, и часто используют один или несколько электронных ресурсов для осуществления электронной коммерции, таких как маркетплейсы. Участники таких отношений имеют определенные обязанности и несут ответственность за нарушения в рамках своей роли, в данном случае – как продавцы.

Цифровые технологии обладают способностью упрощать и улучшать организацию и управление бизнесом. Для достижения этих результатов необходимы определённые факторы, такие как разработка специализированных программ поддержки секторов, связанных с цифровизацией, например, онлайн-торговли – одного из наиболее популярных направлений. Кроме того, продолжение формирования условий для свободной экономической деятельности и защита прав участников бизнес-процессов находят своё отражение в базовом законе, обладающем высшей юридической силой, – Конституции Российской Федерации.

Учитывая тесную взаимосвязь информации и её носителей, а также необходимость обеспечения независимости и энергетической безопасности, можно создать более устойчивую и эффективную правовую среду для предпринимательства в условиях цифровизации [6].

Сложность взаимодействий на цифровых рынках требует комплексного подхода к защите прав потребителей, который должен учитывать как новые цифровые права, так и традиционные аспекты, связанные с качеством, полнотой, ценой товаров и услуг, а также их своевременностью. Важно отметить, что на сегодняшний день не существует единой согласованной системы органов, занимающихся этими вопросами. Каждый из действующих органов функционирует в рамках своих полномочий в отдельных областях, таких как цифровизация, традиционные товары (включая продукты питания) и телекоммуникационные услуги.

Существует настоятельная необходимость в создании эффективного механизма правового регулирования, который учитывал бы трансформации в системе хозяйственных отношений, вызванные цифровизацией. Примером тому служит «кризис доткомов» начала 2000-х годов, который продемонстрировал, что игнорирование изменений и недостаточная реакция со стороны законодательных органов могут привести к серьезным последствиям как для национальной экономики, так и для глобальной экономики в целом [7].

Законодательное регулирование новых форм хозяйственно-правовых отношений должно основываться на принципиально новом подходе к их правовому обеспечению. Традиционные правовые институты уже не способны в полной мере обеспечивать адекватное правовое сопровождение новым отношениям в сфере хозяйствования, которые формируются под воздействием достижений информационно-коммуникационных технологий.

Вовлечение России в процессы глобализации цифровой экономики требует разработки концептуальных основ цифровизации отечественной экономики и создания надлежащего правового обеспечения для отношений, возникающих в процессе формирования и функционирования цифровой экономики. Это включает необходимость создания новых юридических механизмов, адаптации существующих норм и стандартов к реалиям цифрового мира, а также активное сотрудничество с международными организациями для выработки единых правил игры на глобальном уровне.

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 18.11.2024).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.11.2024).
3. Перспективы развития электронного бизнеса и электронной коммерции: Материалы IV Межфакультетской научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 13 декабря 2017 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (экономический факультет), 2018. – 72 с.
4. Указ Президента РФ от 15.05.2018 № 215 (ред. от 21.01.2020) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297953/ (дата обращения: 18.11.2024).
5. Основы цифровой экономики: учебник и практикум для вузов / М. Н. Конягина [и др.]; ответственный редактор М.Н. Конягина. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 235 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-13476-6. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 100 – URL: <https://urait.ru/bcode/543732/p.100> (дата обращения: 18.11.2024).
6. Сулимин, В. В. Цифровизация предпринимательского права / В. В. Сулимин // Умная цифровая экономика. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 82-86.
7. Крах доткомов: как лопнул крупный технологический пузырь и есть ли что-то похожее сегодня // Тинькофф-журнал: [сайт]. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/requiem-for-a-dream/> (дата обращения: 18.11.2024).

Булдыгерев М.Н.

**Некоторые проблемы квалификации превышения должностных полномочий,
совершенного сотрудниками органов внутренних дел**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-395

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

В правоприменительной практике выявляются значительные затруднения, касающиеся квалификации должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. В рамках данной статьи проводится всесторонний анализ ключевых вопросов, связанных с правовой квалификацией превышения должностных полномочий, осуществляемого сотрудниками указанных органов.

Ключевые слова: уголовное право, квалификация, должностное лицо, объективная сторона, действие.

Abstract

Law enforcement practice reveals significant difficulties concerning the qualification of official offences committed by employees of internal affairs bodies. This article provides a

comprehensive analysis of key issues related to the legal qualification of abuse of official powers committed by employees of these bodies.

Keywords: criminal law, qualification, official, objective side, action.

Одним из ключевых направлений современной государственной политики является регулирование отношений, одной из сторон которых выступает публичный орган. Законодатель осуществляет активную разработку и внедрение специализированных механизмов правового регулирования, ориентированных на привлечение должностных лиц к ответственности за превышение ими установленных полномочий. В этом контексте особое внимание акцентируется на уголовно-правовых нормах, устанавливающих ответственность за действия, выходящие за пределы должностных полномочий. Немаловажным аспектом является наличие споров среди правоприменителей относительно квалификации подобных действий. На наш взгляд, для разрешения подобных споров следует осуществить анализ проблем, возникающих у правоприменителей, а также исследовать положения, которые предлагает наука уголовного права.

Одной из наиболее актуальных проблем, возникающих при квалификации деяний, связанных с превышением должностных полномочий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, является установление субъекта преступления. Превышение должностных полномочий в общем виде регламентируется статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Вместе с тем, необходимо точно установить, кто именно относится к категории должностных лиц. Соответствующая дефиниция закреплена в пункте 1 примечаний к статье 285 УК РФ. В соответствии с данным примечанием, должностным лицом признаётся лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях Российской Федерации и органах [4].

Когда речь идёт об установлении факта отнесения сотрудника органов внутренних дел к категории должностного лица, правоприменитель должен опираться на действующее федеральное законодательство. В частности, Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ включает нормативные положения, определяющие правовой статус работников полиции, а также регламентирующие их полномочия и обязанности в системе органов внутренних дел [2].

Исходя из правового статуса сотрудника, можно утверждать, что его полномочия совпадают с полномочиями должностного лица, что позволяет рассматривать сотрудника органов внутренних дел как должностное лицо. Теоретики уголовного права согласны с тем, что сотрудники органов внутренних дел являются должностными лицами. В частности, А.С. Чумичкин в своей научной работе, посвященной исследованию правового статуса сотрудников органов внутренних дел в рамках уголовно-правовых отношений, приходит к выводу о том, что данные сотрудники, обладая статусом должностных лиц, выступают в качестве представителей государственной власти. Они занимают должности в центральном аппарате, территориальных органах и иных подразделениях или учреждениях МВД России, имея при этом звание, служебное удостоверение, форменное обмундирование и иные признаки, идентифицирующие их как должностных лиц [3, с. 130].

Следовательно, сотрудник органов внутренних дел, обладая статусом должностного лица, рассматривается как субъект должностного преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 286 УК РФ. В связи с этим, для привлечения данного сотрудника к уголовной ответственности по указанной статье правоприменитель обязан обосновать то, что обвиняемое лицо действительно является служащим Министерства внутренних дел.

Значительной проблемой, связанной с квалификацией действий сотрудника органов внутренних дел, в контексте превышения должностных полномочий, является необходимость детального определения объективной стороны данного состава преступления. Законодатель в диспозиции статьи обозначает ряд характерных признаков, относящихся к объективной стороне рассматриваемого состава преступления. Отдельно мы хотели бы подчеркнуть важность разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [4]. В представленных разъяснениях акцентируется внимание на различных формах реализации полномочий должностного лица в процессе исполнения им служебных обязанностей. К числу таких форм относятся: исполнение действий, которые входят в компетенцию другого должностного лица (как вышестоящего, так и равного по статусу); совершение действий, требующих наличия особых условий, предусмотренных законом или подзаконными актами; выполнение действий индивидуально, тогда как они должны осуществляться коллегиально или с предварительным согласованием с другим должностным лицом или органом; осуществление действий, которые не допускаются никем и ни при каких обстоятельствах.

В своем научном исследовании В.Ю. Ларин справедливо подчеркивает, что правоприменитель должен точно определить не только объем полномочий сотрудника органов внутренних дел как должностного лица, но и установить, какие конкретные нормативные положения были нарушены посредством превышения должностных полномочий [5, с. 207].

Анализ судебной практики по делам о превышении должностных полномочий, в том числе со стороны сотрудников органов внутренних дел, свидетельствует о невозможности совершения данного преступления в форме бездействия. В одном из кассационных определений Верховного Суда Российской Федерации судебная коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что невыполнение должностным лицом полномочий, установленных федеральным законодательством, не влечет за собой ответственность за превышение должностных полномочий [6]. Интересной представляется позиция А.С. Лимарь и И.А. Михайловой, согласно которой правоприменитель не принимает во внимание материальный характер объективной стороны преступления [7, с. 40]. Авторы отмечают, что превышение должностным лицом своих полномочий считается окончанным лишь при наличии общественно опасных последствий, указанных в диспозиции соответствующей статьи.

Ключевым аспектом, затрагивающим законность и обоснованность квалификации действий сотрудников органов внутренних дел, является необходимость четкого разграничения составов преступлений, определенных статьями 285 и 286 УК РФ. Известно, что ст. 285 УК РФ регламентирует ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, осуществляемое должностными лицами. В процессе исследования указанных норм выявляется значительное количество общих черт и специфических особенностей, что, в свою очередь, затрудняет правовую квалификацию противоправных действий сотрудников органов внутренних дел. И.А. Гааг и Е.Н. Разыграева также акцентируют внимание на данной проблеме в своей научной работе и приходят к выводу о необходимости учета возможности идеальной совокупности преступлений [8, с. 260]. Однако подобная совокупность преступлений возможна лишь в том случае, если одна из приведенных норм полностью поглощает другую. Напротив, на практике довольно часто встречается ситуация, когда совершенное противоправное

деяние квалифицируется по признакам нескольких составов преступлений, предусмотренных различными уголовно-правовыми нормами. В таких случаях правоприменитель обязан руководствоваться общепринятым уголовно-правовым правилом, согласно которому следует избирать специальную норму, устанавливающую ответственность за конкретное преступление. Если действия сотрудника органов внутренних дел не подпадают под действие специальной или общей нормы, то такое деяние должно быть квалифицировано по совокупности преступлений.

В связи с вышеизложенным, можем заключить, что на сегодняшний день на практике возникают определенные сложности, связанные с правильной квалификацией действий сотрудников внутренних дел в случаях превышения ими должностных полномочий. Подобные проблемы на данный момент не требуют законодательной доработки положений, регулирующих ответственность за совершение указанного вида преступления. Напротив, судебная практика и уголовно-правовая теория выработали комплекс правил и требований, которые непосредственно должны учитываться правоприменителем в целях законного привлечения сотрудника органов внутренних дел к уголовной ответственности.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.11.2024).
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 20.11.2024).
3. Чумичкин А.С. Сотрудник органов внутренних дел как участник уголовно-правовых отношений: сущность понятия, его содержание и особенности / А.С. Чумичкин // Закон и право. – 2018. – № 8. – С. 129-133.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 20.11.2024).
5. Ларин В.Ю. Уголовно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел / В.Ю. Ларин // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2(40). – С. 206-215.
6. Кассационное определение ВС РФ № 75-УД16-3 от 07.10.2016 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07092016-n-75-ud16-3/> (дата обращения: 20.11.2024).
7. Лимарь А.С. Особенности квалификации превышения должностных полномочий / А.С. Лимарь, И.А. Михайлова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 39-44.
8. Гаг И.А. Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий / И.А. Гаг, Е.Н. Разыграева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3-1(59). – С. 258-261.

Бульдяева К.А.

Современные методы противодействия экологическим угрозам

Средне-Волжский институт

(ф) Всероссийский государственный университет юстиции

(Россия, Саранск)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-396

Аннотация

В статье рассмотрен институт экологической безопасности, а также ее угрозы на современном этапе. Изучены современные методы противодействия экологическим угрозам как на международном уровне, так и с учетом специфики национального законодательства, с акцентом на правовые, экономические, а также технологические меры, которые способствуют охране окружающей среды и устойчивому развитию.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологические угрозы, международное сотрудничество, экономические меры, экологическое право, национальное законодательство.

Abstract

The article examines the institute of environmental safety, as well as its threats at the present stage. Modern methods of countering environmental threats have been studied both at the international level and taking into account the specifics of national legislation, with an emphasis on legal, economic, as well as technological measures that contribute to environmental protection and sustainable development.

Keywords: environmental safety, environmental threats, international cooperation, economic measures, environmental law, national legislation.

Экологическая безопасность является одной из ключевых проблем современного мира. Угрозы, связанные с экологическим состоянием планеты, охватывают широкий спектр вопросов: от изменения климата и загрязнения окружающей среды до утраты биоразнообразия и истощения природных ресурсов. Решение экологических проблем требует комплексного подхода, включающего правовые, экономические и технологические меры.

Одним из важнейших методов борьбы с глобальными экологическими угрозами является международное сотрудничество. В последние десятилетия международное экологическое право активно развивается, что связано с осознанием глобальности экологических проблем, которые не могут быть решены силами одной лишь страны. Международные договоры и соглашения играют важную роль в регулировании вопросов охраны окружающей среды [1, с. 108].

Примером такого подхода является Парижское соглашение по климату (2015), цель которого – ограничить глобальное потепление до уровня ниже 2°C по сравнению с доиндустриальным уровнем. Это соглашение требует от стран-участников принятия национальных мер по сокращению выбросов парниковых газов, а также поддержания усилий по адаптации к изменениям климата [2].

Другим важным международным инструментом является Конвенция о биологическом разнообразии (1992), направленная на сохранение биоразнообразия, устойчивое использование его компонентов и справедливое распределение выгод, возникающих из использования генетических ресурсов [3].

На национальном уровне государства разрабатывают и внедряют законодательные меры, направленные на предотвращение и минимизацию экологических рисков. Экологическое законодательство охватывает различные области, включая защиту воздуха, водных ресурсов, лесов, почв, а также контроль за загрязнением.

Законодательство Российской Федерации по борьбе с экологическими угрозами направлено на охрану окружающей среды, предотвращение и минимизацию воздействия негативных факторов на природу и здоровье человека. Оно включает в себя широкий комплекс правовых актов, регулирующих различные аспекты экологической безопасности, защиты природных ресурсов и устойчивого развития.

Среди ключевых нормативных правовых актов следует выделить Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (1991 г.), Федеральный закон «Об экологической экспертизе» (1995 г.), Федеральный закон «О природных ресурсах» (1992 г.), Федеральный закон «О защите атмосферного воздуха» (1999 г.), Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении» (2006 г.),

Федеральный закон «О животном мире» (1995 г.), Федеральный закон «О государственном экологическом контроле» (2000 г.), Федеральный закон «О статусе особо охраняемых природных территорий» (1995 г.), а также законодательство, предусматривающее ответственность за нарушение экологических норм.

Одним из современных методов по противодействию экологическим угрозам является внедрение принципа «загрязнитель платит», который закрепляется в законодательных актах, таких как законы о загрязнении вод и атмосферы. Этот принцип требует, чтобы предприятия, загрязняющие окружающую среду, не только устраняли последствия своих действий, но и несли экономические издержки, связанные с загрязнением [4, с. 88].

Важным элементом национального законодательства являются экологические стандарты и нормативы, такие как допустимые уровни выбросов, содержания токсичных веществ в воде и воздухе. Современные правовые меры включают создание систем экологического мониторинга, а также системы оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), которые позволяют заранее прогнозировать последствия планируемой деятельности [5, с. 99].

Современные методы правозащиты в экологической сфере включают возможность коллективных исков, а также возможность обращения граждан и общественных организаций в суд для защиты экологических прав [6]. Важную роль в этом процессе играет использование экологических правозащитных организаций, которые, в свою очередь, содействуют расследованиям и привлекают внимание общественности к экологическим нарушениям.

Экономические инструменты являются важным дополнением к правовым методам борьбы с экологическими угрозами. Экологическое налогообложение – это система налогов и сборов, направленных на стимулирование экологически чистых технологий и снижение уровня загрязнения. Примером таких налогов являются налоги на выбросы углекислого газа или на использование невозобновляемых природных ресурсов [7].

Снижение выбросов углекислого газа и других парниковых газов – одна из главных задач, стоящих перед человечеством в связи с изменением климата. В этой области активно развиваются новые технологические решения. Например, использование углеродных поглотителей, таких как технологии захвата и хранения углерода (CCS), а также увеличение эффективности энергетических систем, включая возобновляемые источники энергии, такие как солнечная и ветровая энергия [8, 25].

Важным направлением является также переход к экологически чистому транспорту. Развитие электромобилей, автомобилей на водородных топливных элементах и других альтернативных технологий значительно снижает выбросы загрязняющих веществ в атмосферу.

Современные биотехнологии также играют ключевую роль в решении экологических проблем. Биоремедиация, процесс очищения загрязнённых почв и вод с помощью микроорганизмов, стала эффективным методом борьбы с нефтяными загрязнениями и другими токсичными веществами [9].

Кроме того, новые технологии переработки отходов, такие как переработка пластика и использование вторичных материалов для создания новых продуктов, значительно снижают нагрузку на природные ресурсы и уменьшают количество отходов, которые попадают на свалки и в океаны.

Современные методы противодействия экологическим угрозам охватывают широкий спектр правовых, экономических и технологических инструментов. Развитие

международного экологического права, совершенствование национальных экологических законодательств, внедрение экономических механизмов и технологий, направленных на устойчивое развитие, являются необходимыми мерами для решения экологических проблем. Важно, что эффективное противодействие экологическим угрозам требует комплексного подхода, сотрудничества на всех уровнях и активного участия как государственных, так и частных структур. Только в этом случае можно надеяться на сохранение здоровья планеты и устойчивое развитие человечества.

1. Краснова Е.А. Правовая основа реализации защиты международной экологической безопасности / Е.А. Краснова // Форум молодых ученых. – 2022. – № 1 (65). – С. 107-109.
2. Парижское соглашение от 12.12.2015 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.
3. Конвенция о биологическом разнообразии от 05.06.1992 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
4. Маякунов А.Э. Принципы международного права охраны окружающей среды / А.Э. Маякунов, Н.А. Токмашова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5 (221). – С. 86-88.
5. Спиридонов Д.В. Оценка воздействия на окружающую среду: ретроспективный обзор и современное состояние / Д.В. Спиридонов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 97-101.
6. Об охране окружающей среды: Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (вторая часть): Федеральный закон Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
8. Нагайцев И.А. Направления развития технологий сокращения выбросов парниковых газов для предотвращения климатических изменений / И.А. Нагайцев, Т.В. Петрова // ЭПИ. – 2022. – № 4. – С. 21-29.
9. Тусупова Ж.Б. Эффективность очистки нефтезагрязненных почв с использованием микроорганизмов / Ж.Б. Тусупова, Д.Е. Мелдекул // Молодой ученый. – 2022. – № 18 (413). – С. 522-524.

Бульдяева К.А.

Соотношение федерального и республиканского материнского капитала

Средне-Волжского институт

(ф) Всероссийский государственный университет юстиции

(Россия, Саранск)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-397

Аннотация

В статье рассмотрен институт материнского капитала, произведено сравнение федерального и республиканского материнского капитала. Изучено его влияние на повышение рождаемости как одного из инструментов улучшения демографической ситуации. Рассмотрены факторы, влияющие на отрицательную рождаемость как в России в целом, так и Республике Мордовия, а также возможные пути ее преодоления.

Ключевые слова: федеральный материнский капитал, республиканский материнский капитал, поддержка семьи, Республика Мордовия, размер материнского капитала, рождаемость.

Abstract

The article examines the institute of maternity capital, compares federal and republican maternity capital. Its influence on the increase in fertility as one of the tools for improving the demographic situation has been studied. The factors influencing the negative birth rate both in Russia as a whole and in the Republic of Mordovia, as well as possible ways to overcome it, are considered.

Keywords: federal maternity capital, republican maternity capital, family support, Republic of Mordovia, amount of maternity capital, birth rate.

Согласно Указу Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», приоритетным направлением в развитии внутренней политики в Российской Федерации является улучшение демографической ситуации, а именно повышение рождаемости [1].

Данный вопрос является актуальным уже на протяжении многих лет, в связи с чем на законодательном уровне ежегодно вводится большое количество мер поддержки семей с детьми. Они могут выражаться в виде единовременных выплат, пособий и иных видов.

Одним из видов поддержки на сегодняшний день является материнский капитал, который был впервые введен в 2007 году и составлял 250 000 рублей [2]. За более чем 15 лет этот институт был усовершенствован и доработан, помимо этого в некоторых регионах был внедрен также республиканский материнский капитал. Республика Мордовия не стала исключением.

В 2011 году Законом Республики Мордовия «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Мордовия» была введена такая мера поддержки семей с детьми.

Предлагаем сравнить федеральный и республиканский материнский капитал по различным основаниям.

Первым и основным отличием является источник финансирования. Федеральный материнский капитал предоставляется из федерального бюджета, республиканский – из регионального. Помимо этого, республиканская выплата предоставляется только лицам, проживающим на территории Республики Мордовия, при этом срок проживания в законе не оговорен.

Следующим отличием является орган, выдающий сертификаты. Федеральную поддержку предоставляет Социальный фонд России, в Республике Мордовия – Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия [3]. При этом стоит отметить, что республиканская помощь носит заявительный характер, в то время как федеральная предоставляется автоматически на основании сведений, поданных в органы ЗАГС.

Согласно федеральному закону № 256-ФЗ, право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей) имеют женщины (в определенных случаях мужчины), родившие (усыновившие) второго и последующих детей (с 2007 года), а также первого (с 2020 года) [4]. Согласно региональному законодательству, право на получение капитала имеют женщины (лишь в одном случае мужчины), родивших (усыновивших) третьего ребенка и последующих детей (с 2012 года) [5].

Одним из отличий также выступают направления, на которые можно использовать средства материнского капитала. Так, республиканский материнский капитал помимо таких оснований как улучшение жилищных условий, получение образования, формирования накопительной части трудовой пенсии, выплата единовременной выплаты, социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, присутствуют такие направления как приобретение автотранспортного средства, получение платных медицинских услуг, организация отдыха и оздоровления детей, а также ремонт жилого помещения [5].

Интересным представляется вопрос направлений траты средств материнского капитала в других регионах. Так, в Калининградской [6] и Тверской областях [7] можно потратить на приобретение автомобиля, в Ульяновской области – на получение платных медицинских услуг [8], в Краснодарском крае – на газификацию жилого помещения (домовладения) на территории Краснодарского края [9], в Ленинградской области – на приобретение сельскохозяйственных животных, пчёл и птицы, сельскохозяйственной техники для личного подсобного хозяйства [10], в Камчатском крае – на приобретение легкового автомобиля либо пассажирского микроавтобуса, с года выпуска которого прошло не более 10 лет, снегохода, мотоцикла, мотосаней [11].

Заключительной отличительной особенностью конечно же является размер выплаты. Так, в 2024 году федеральный материнский капитал составил 631 тыс. руб. – на первого ребенка; 833 тыс. руб. – на второго ребенка; 202,6 тыс. руб., если ранее семья получала выплату на первенца [4].

В Республике Мордовия выплата составляет 130156 рублей за рождение (усыновление) третьего ребенка; 156187 рублей за рождение (усыновление) четвертого ребенка; 195234 рубля за рождение (усыновление) пятого и последующего ребенка [5].

Однако, несмотря на достаточно серьезные предлагаемые суммы, выделяемые на поддержку семей с детьми, динамика рождаемости, к сожалению, остается достаточно нестабильной. Так, начиная с 2007 года, когда был введен материнский капитал, по 2014 год в Российской Федерации рождаемость повышалась, но с 2015 года снова пошла на спад, что говорит нам о достаточно недолговременной эффективности таких инструментов как материнский капитал. В Республике Мордовия с 2007 года по 2013 год наблюдалось повышение рождаемости, однако с 2014 она ежегодно понижается.

Данная тенденция может быть связана с самыми различными факторами. Одним из ключевых стоит выделить экономический кризис, санкционное давление на Россию, проведение специальной военной операции, так как очень небольшое количество женщин хотели бы и готовы растить своих детей в одиночку. Между тем, по словам декана факультета экономики и бизнеса Финансового университета Екатерины Безсмертной, в числе самых распространенных причин нежелания заводить детей россияне называют сложное финансовое положение, неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие партнера, плохие жилищные условия, отсутствие возможности одновременно развивать карьеру и заниматься воспитанием детей. Сдерживают репродуктивные намерения молодежи пропаганда постмодернистских ценностей, рост занятости женщин, позднее взросление, массовое распространение альтернативных форм браков и внебрачных отношений, популяризация идеологии чайлдфри.

Среди альтернативных (нефинансовых) способов, которые по мнению экспертов могли бы увеличить рождаемость в России, следует выделить частичный перевод на удаленную работу, так как это способствует сближению молодой пары, трансляция семейных ценностей через лидеров общественного мнения в лице популярных блогеров, а также повышение престижа института семьи в целом среди молодежи [14].

Таким образом, республиканский материнский капитал является дополнительной социальной поддержкой для семей с детьми. Среди основных отличий можно выделить источник финансирования, орган, оказывающий услугу, категории получателей, а также размер выплаты.

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // СЗ РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.
2. Справочная информация: Размер материнского (семейного) капитала // Доступ из справочной система «Гарант».
3. Об утверждении Административного регламента Министерства социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия по предоставлению государственной услуги по предоставлению республиканского материнского (семейного) капитала гражданам, родившим (усыновившим) третьего и последующих детей: Приказ Минсоцтрудзанятости Республики Мордовия от 05.04.2022 № ОД-135 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 № 256-ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (часть I). – Ст. 19.
5. О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Мордовия: Закон Республики Мордовия от 18.10.2011 № 66-3 // Известия Мордовии. – 2011. – № 159-57.
6. Социальный кодекс Калининградской области: Закон Калининградской области от 07.10.2019 № 318 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

7. О Порядке и условиях предоставления и распоряжения материнским (семейным) капиталом гражданам Российской Федерации в Тверской области: Постановление Правительства Тверской области от 13.11.2012 № 693-пп // Тверская жизнь. – 2012. – № 216.
8. О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей: Закон Ульяновской области от 05.02.2008 № 24-ЗО // Ульяновская правда. – 2008. – № 12 (22.671).
9. О социальной поддержке многодетных семей в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 22.02.2005 № 836-КЗ // Кубанские новости. – 2005. – № 29.
10. О реализации отдельных положений областного закона от 17 ноября 2017 года № 72-оз «Социальный кодекс Ленинградской области», применяемых в отношении семей, имеющих детей и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Ленинградской области: Постановление Правительства Ленинградской области от 19.03.2008 № 89 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.
11. О размерах краевого материнского (семейного) капитала: Постановление Правительства Камчатского края от 25.04.2019 № 186-П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
12. Рождаемость смертность и естественный прирост населения в России по годам: сайт Справочные таблицы. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smertnost> (дата обращения 25.11.2024).
13. Родившиеся, умершие, естественный прирост 1960-2023 гг.: сайт Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. URL: <https://13.rosstat.gov.ru/folder/27964> (дата обращения 25.11.2024).
14. Эксперты назвали условия для повышения рождаемости в России: сайт Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/01/31/eksperty-nazvali-usloviia-dlia-povysheniia-rozhdaemosti-v-rossii.html> (дата обращения 25.11.2024).

Бурмач С.О., Кудрявцева Л.В.

Особенности международных правовых инвестиционных споров

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-398

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей международных правовых инвестиционных споров, которые возникают между государствами и иностранными инвесторами. Рассмотрены основные источники права. Описаны процедуры урегулирования споров, а именно: арбитраж, медиация и переговоры. В статье также затронуты основные проблемы, включая противоречие между государственным суверенитетом и международными обязательствами, недостаточную предсказуемость решений арбитража и возможные злоупотребления со стороны инвесторов. В заключение подчеркивается важная роль международного права в защите иностранных инвестиций.

Ключевые слова: международные инвестиционные споры, арбитраж, международные договоры, защита инвестиций, государственный суверенитет, споры.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the features of international legal investment disputes that arise between states and foreign investors. The main sources of law are considered. The procedures for dispute resolution are described, namely: arbitration, mediation and negotiations. The article also touches upon the main problems, including the contradiction between state sovereignty and international obligations, insufficient predictability of arbitration decisions and possible abuses by investors. In conclusion, the important role of international law in protecting foreign investments is emphasized.

Keywords: international investment disputes, arbitration, international treaties, investment protection, state sovereignty, disputes.

Международные инвестиционные споры занимают ключевое место в правовой системе международных экономических отношений, так как занимает важную роль в

процессу экономического развития нашего государства [1]. В условиях глобализации и расширения транснациональных корпораций, многие государства вынуждены взаимодействовать с иностранными инвесторами на основе специальных соглашений. Однако такие взаимоотношения часто становятся источником конфликтов, что приводит к возникновению международных правовых споров. Основные проблемы в инвестиционных спорах связаны с вопросами защиты прав инвесторов, выполнения международных соглашений, а также соблюдения стандартов справедливого и равноправного обращения.

Важно заметить, что международные правовые инвестиционные споры возникают между государствами и иностранными инвесторами. Названные споры касаются нарушений обязательств, взятых государством на себя перед инвесторами, включая такие аспекты, как национализация имущества, нарушение условий контрактов, ухудшение правового режима для иностранных инвесторов и другие меры, которые могут негативно сказаться на коммерческих интересах иностранных предприятий.

В условиях стремительной цифровизации экономики мировое сообщество сталкивается с новыми вызовами, усложняющими процесс международно-правовой защиты инвестиций. Специфика данной отрасли права имеет ряд существенных особенностей. Прежде всего, международное инвестиционное право формируется и эволюционирует, активно опираясь на практику разрешения споров в арбитраже, в котором участвуют государства и иностранные инвесторы, что подтверждается судебными прецедентами. Важно отметить, что развитие этого права в большинстве случаев происходит *ex post*, то есть после того, как отношения между принимающим государством и инвестором приобрели конфликтный характер.

Арбитражные трибуналы Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС или ICSID), основывающиеся на почти трёх тысячах двусторонних инвестиционных договоров (ДИД или BIT), на протяжении десятилетий являлись основным механизмом разрешения инвестиционных споров. Такая система, позволяющая пострадавшим инвесторам подавать иски к государствам, основывается на утверждении, что в отношении их инвестиций было проявлено несправедливое или дискриминационное обращение. Тем не менее, в последние годы нарастает критика этой системы как в прессе, так и в академических кругах.

Критики утверждают, что основная проблема современных механизмов разрешения споров заключается в том, что они заимствуют модель коммерческого арбитража, где трибуналы состоят из арбитров, назначаемых непосредственно сторонами, что вызывает обеспокоенность касательно прозрачности и справедливости процессов. Несмотря на публичный характер дел, апелляционная процедура отсутствует, что, по мнению некоторых специалистов, ведёт к непоследовательным результатам и нарушению принципов верховенства права. Также отмечается, что отмена явно незаконных решений происходит лишь в редких случаях, что порождает противоречивые прецеденты.

За последние годы несколько европейских государств выразили тревогу в отношении системы разрешения споров ICSID, утверждая, что этот механизм может выступать в роли наднациональной инстанции, предоставляющей компаниям право предъявлять иски государствам за упущенную выгоду в закрытых трибуналах. Исходя из этого, работа сосредоточена на анализе понятия «иностранная инвестиция» в теории и практике международного права, поскольку это одна из наиболее обсуждаемых тем современности. От правильного толкования данного термина зависит не только

понимание того, что именно считается зарубежными инвестициями, но и степень гарантий, предоставляемых инвесторам в условиях цифровой экономики.

Применение дефиниции «иностранные инвестиции» в практике арбитража МЦУИС имеет принципиальное значение для юрисдикции арбитражных судов, поскольку от этого зависит и сам процесс защиты интересов инвесторов. Важно, чтобы международное сообщество, рассматривая этот вопрос, стремилось к разработке единых стандартов в регулировании и обеспечении преювенции, что позволит повысить эффективность арбитражной процедуры и установить четкие рамки защиты иностранных инвесторов.

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID), созданный на основании Вашингтонской конвенции 1965 года, играет важную роль в содействии международным инвестициям через урегулирование споров между государствами и инвесторами. Основной целью ICSID является создание стабильной среды для международных инвестиций, обеспечивая защиту от прямой экспроприации и несправедливого обращения. Несмотря на это, авторы Конвенции отказались дать единое и всеобъемлющее определение «иностранных инвестиций», что оставило многие вопросы открытыми для дальнейшего правового толкования [2].

Международное право играет ключевую роль в защите инвесторов от произвольных действий государств. Принципы справедливого и равноправного обращения, которые закреплены в международных инвестиционных договорах, направлены на предотвращение дискриминации иностранных инвесторов [3]. Государства обязаны предоставлять им правовые гарантии и обеспечивать защиту их инвестиций от экспроприации без адекватной компенсации.

Международные суды и арбитражные органы, такие как ICSID, способствуют справедливому разрешению споров, принимая решения, основанные на нормах международного права. Несмотря на критику в адрес существующей системы арбитража, она остается важным элементом защиты иностранных инвесторов [4].

Отметим предложения, которые могли бы помочь улучшить существующую систему и решить возникающие правовые вопросы.

Укрепление механизмов предсказуемости арбитражных решений: а) разработка и внедрение унифицированных стандартов для арбитражных решений на международном уровне; б) ведение системы апелляций в арбитраже для обеспечения пересмотра решений, что могло бы снизить количество спорных и противоречивых вердиктов.

Повышение прозрачности арбитражных процессов: а) открытие арбитражных слушаний для общественности и внедрение практики публикации решений. Это позволит повысить доверие к процессу и уменьшит критику касательно закрытых трибуналов; б) установление независимого органа по контролю за арбитрами для предотвращения возможных конфликтов интересов и злоупотреблений.

Защита государств от спекулятивных исков: а) ведение механизмов для фильтрации необоснованных исков, чтобы уменьшить количество случаев, когда инвесторы используют арбитраж в спекулятивных целях; а) разработка правовых норм, которые бы защищали государственные интересы в случаях, когда инвесторы пытаются использовать арбитражные механизмы для извлечения необоснованной выгоды.

Обновление двусторонних инвестиционных договоров (ДИД): а) пересмотр условий ДИД для более четкого регулирования обязательств сторон, включая вопросы национализации, изменений в законодательстве и условий для иностранных инвесторов; б) введение гибких условий, позволяющих государствам изменять экономические и политические условия без нарушения обязательств перед инвесторами.

Таким образом, международные правовые инвестиционные споры отражают сложные взаимоотношения между государствами и частными иностранными инвесторами. Такие споры требуют соблюдения баланса между защитой интересов государства и правами инвесторов. Хотя международное право и инвестиционные договоры предлагают механизмы разрешения конфликтов, они продолжают сталкиваться с рядом проблем, включая вопрос суверенитета государств и предсказуемости арбитражных решений. Однако наличие арбитражных механизмов, таких как ICSID, обеспечивает международным инвесторам важные гарантии защиты их прав и интересов.

1. Кудрявцева Л.В., Пономаренко А.В. Характерные особенности договорного регулирования инвестиционной деятельности. *Право и государство: теория и практика*. 2021. №1 (193). С. 237-241/
2. Кудрявцева Л.В., Мороз Е.С. Особенности правового регулирования отношений супругов, обладающих разным гражданством // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-suprugov-obladayuschih-gaznum-grazhdanstvom> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М. 2018.
4. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. *Международное право. Мирное разрешение споров*. М.: Юрайт, 2024. 222 с.

Васильева Ю.В., Курочкина В.М.

**Статус индивидуальных предпринимателей в России и зарубежных странах:
сравнительно-правовой анализ**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-399

Научный руководитель: Кутько В.В.

Аннотация

Статья содержит ключевые моменты, обобщающие вопросы правового положения индивидуальных предпринимателей в России и за рубежом. Данная работа направлена на изучение института индивидуального предпринимательства на примере России и иных стран. В данном случае авторы выбрали две страны: Грузию и Великобританию. Для достижения цели авторами делается краткий анализ законодательства сравниваемых стран. В заключении делается вывод о необходимости учета как национальных особенностей ведения предпринимательской деятельности, так и опыта других стран.

Ключевые слова: индивидуальные предприниматели, сравнительное правоведение, правовой статус индивидуальных предпринимателей.

Abstract

The article contains key points summarising the issues of the legal status of individual entrepreneurs in Russia and abroad. This paper aims to study the institute of individual entrepreneurship on the example of Russia and other countries. In this case the authors have chosen two countries: Georgia and Great Britain. To achieve the goal, the authors make a brief analysis of the legislation of the compared countries. The conclusion is made about the need to take into account both national peculiarities of entrepreneurial activity and the experience of other countries.

Keywords: individual entrepreneurs, comparative jurisprudence, legal status of individual entrepreneurs.

Индивидуальное предпринимательство (далее – ИП) наряду с другими формами организации занимает одну из ключевых позиций в российском бизнесе. По статистике Федеральной налоговой службы Российской Федерации в России по состоянию на конец 2023 года произошел прирост ИП на 378 тыс. больше, чем по состоянию на 2022 г. Всего по состоянию на декабрь 2023 года в России зарегистрированы 4,3 млн ИП. Большинство ИП были зарегистрированы в сфере онлайн-торговли, а также компьютерного программного обеспечения, дизайне и PR [9].

Основные положения, связанные с особенностями правового статуса ИП содержатся в Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), а также закреплены в Федеральном законе от 08.08.2001 № 129-ФЗ.

Конституция РФ закрепляет право каждого на свободное использование способностей для реализации их в предпринимательской деятельности и иной экономической. Статья 18 ГК РФ также содержит указание на возможность граждан заниматься предпринимательской деятельностью. Статья 23 ГК РФ закрепляет за гражданами право на занятие предпринимательской деятельностью без образования юридического лица. Такое право возникает с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Также отдельные виды деятельности могут предусматривать отсутствие необходимости в государственной регистрации как ИП [1]. В положениях ФЗ № 129 присутствуют статьи, прямо посвященные порядку государственной регистрации ИП (глава VII) [3].

Также согласно российскому налоговому законодательству, индивидуальные предприниматели могут выбрать различные системы налогообложения: общая система налогообложения или ОСН: ИП облагается налогами на прибыль, НДС, имущество, а также страховыми взносами; упрощенная система налогообложения, или УСН, может применяться ИП, который имеет доход до 150 млн рублей. Ставка налога составляет 6% (доходы) или 15% (доходы минус расходы); патентная система налогообложения, или ПСН, применяется для отдельных видов деятельности при годовом доходе до 60 млн рублей. Стоимость патента зависит от вида деятельности и региона [2].

Также отметим, что ИП отвечает по обязательствам всем своим имуществом (ст. 24 ГК РФ) [1]. Исключение составляет имущество, на которое не может быть наложено взыскание в порядке, предусмотренное гражданским законом (например, единственное жилье).

Федеральный закон № 129-ФЗ (глава VI) устанавливает порядок прекращения деятельности ИП, включая порядок подачи документов и сроки их рассмотрения. Индивидуальный предприниматель вправе прекратить свою деятельность путем подачи заявления о прекращении регистрации. ИП также может быть ликвидирован по решению суда, если нарушает законодательство [3].

Не смотря на детальное регулирование статуса индивидуальных предпринимателей в российской практике, существуют насущные проблемы, которые возможно могут быть решены путем обращения к опыту зарубежных стран. Для этого рассмотрим наиболее важные вопросы регулирования деятельности индивидуальных предпринимателей в Грузии и Великобритании.

Так, согласно грузинскому гражданскому законодательству и, в частности, Закону Грузии «О предпринимателях» любой человек, достигший совершеннолетия, имеет право зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель (ИП). ИП по закону выступает как физическое лицо. [5].

Для того чтобы физическое лицо имело право на занятие предпринимательской деятельностью, оно обязано быть зарегистрировано в качестве ИП путем представления письменного заявления в регистрирующий орган (ст. 11 Закона). Регистрация ИП в Грузии осуществляется в Агентстве государственной службы доходов (Revenue Service) или через портал Public Service Hall.

ИП ведет предпринимательскую деятельность от своего имени, несет полную ответственность по своим обязательствам всем своим имуществом, включая личное. Это означает, что в случае долгов ИП его имущество может быть использовано для покрытия обязательств.

Закон «О предпринимателях» (ст. 5.2) указывает на то, что ИП обязан соблюдать все требования налогового законодательства, а также вести учет своей предпринимательской деятельности [5]. Статья 91 предусматривает основания для отмены регистрации ИП.: личное заявление и смерть физического лица. Согласно НК Грузии, индивидуальный предприниматель Грузии обязан декларировать годовой доход до 1 апреля текущего года за предыдущий год (ст. 93, 153, 205 НК Грузии) [6]. Также для индивидуальных предпринимателей предусмотрен льготный налоговый режим, который дает статус малого бизнеса. В таком случае подоходный налог уплачивается предпринимателем в размере 1% вместо существующих 20%.

Отметим такую особенность ведения индивидуальной предпринимательской деятельности, как возможность для ИП выбрать свое фирменное наименование, согласно ст. 16 закона «О предпринимателях», в отличие от российского гражданского законодательства. Фирменное наименование при этом должно также содержать и указание на его правовую форму [5], что делает это положение схожим с требованием к фирменному наименованию в российском праве.

Правовое положение индивидуального предпринимателя в Великобритании регулируется рядом законодательных актов и нормативных документов. В английском праве нет привычного понятия «индивидуальный предприниматель», для обозначения такого лица употребляется словосочетание Sole Trader. Основными правовыми актами в области ИП являются Закон о компаниях 2006 года (Companies Act 2006), Закон о доходах и корпоративных налогах (Income Tax Act), а также правила, касающиеся регистрации бизнеса и налогообложения, которые регулируются Налоговой и Таможенной службой Ее Величества (HM Revenue and Customs, HMRC).

Закон о налогообложении (Income Tax Act) предусматривает, что индивидуальный предприниматель обязан зарегистрироваться в HMRC (аналог российского ФНС) в течение 3 месяцев после начала предпринимательской деятельности [8]. Регистрация ИП в Великобритании, как и в России и Грузии, не требует создания юридического лица. Sole Trader также является физическим лицом и действует в гражданских отношениях от своего имени.

Следует сказать, что ответственность Sole Trader является полной – он несет ответственность за все обязательства и риски, связанные с его бизнесом, и при этом отвечает по долгам своим имуществом [7].

Income Tax Act предусматривает, что Sole Trader облагается подоходным налогом (Income Tax), а также уплачивает постоянные взносы на Национальное страхование (National Insurance Contributions, NICs). Ставки подоходного налога определяются уровнем дохода ИП, и, соответственно, могут изменяться [8]. Взносы на Национальное страхование включают такие: Class 2 (фиксированная размер ставки для небольшого дохода); Class 4 (дополнительные взносы, которые уплачиваются при превышении установленного уровня доходов).

Прекращение деятельности ИП в Великобритании связано с процедурой уведомления об этом HMRC. Она включает в себя такие действия, как подача последней налоговой декларации и отчетности, а также выплата всех финансовых обязательств перед государством и страховых взносов.

Таким образом, на основании анализа правового регулирования деятельности индивидуальных предпринимателей в России, Великобритании и Грузии можно выделить как общие, так и различные черты их правового статуса и регулирования.

Во-первых, во всех сравниваемых странах обязательным условием для деятельности индивидуального предпринимателя (ИП/Sole Trader) является факт его

регистрации в государственных органах, уполномоченных на такую регистрацию, для того, чтобы заниматься предпринимательской деятельностью на законном основании.

Во-вторых, во всех странах, выбранных для сравнения, ИП/Sole Trader несет полную имущественную ответственность по обязательствам, вытекающим из гражданских отношений.

В-третьих, помимо общего режима налогообложения в указанных странах, существуют и особые режимы, предназначенные для регулирования отдельных особенностей ведения предпринимательской деятельности. В России и Грузии так действуют упрощенные системы налогообложения для ИП. В Великобритании можно снизить налоговые ставки, если это укладывается в нормы по доходам и уплачивать их на взносы по социальному страхованию (National Insurance).

В-четвертых, сходства можно обнаружить в порядке прекращения деятельности индивидуального предпринимателя. Прекращение во всех сравниваемых странах возможно при подачи соответствующих необходимых документов и при закрытии всех обязательств перед государством.

Также можно выделить и различия. Во-первых, в России ИП имеет право выбрать между общей, упрощенной и патентной системами налогообложения. В Грузии предусматриваются льготы для ведения малого бизнеса (статус малого предпринимателя с льготными налоговыми ставками). В Великобритании предусмотрены разные ставки подоходного налога, которые зависят от уровня дохода предпринимателя и также различные размеры взносов на национальное страхование (NICs).

Также вторым отличием является то, что, как уже было упомянуто, в Великобритании можно зарегистрироваться в качестве компании с ограниченной ответственностью, что может помочь защитить личное имущество предпринимателя, чего не предусмотрено в России и Грузии.

В-третьих, разница состоит в законодательных актах. Если в России и Грузии, как странах романо-германской правовой семьи действуют Гражданский кодекс и Налоговый кодекс, а также иные законы, которые регулируют отдельные вопросы деятельности ИП, то в Великобритании, как стране англо-саксонской правовой семьи, это отдельные акты, такие как Закон о компаниях 2006 года, Закон о налогообложении и иные акты.

Таким образом, несмотря на наличие общего в принципах регулирования, каждая страна устанавливает свои уникальные нормы и особенности в отношении правового положения индивидуальных предпринимателей, что отражает специфические национальные правовые системы. Сравнивая порядок регулирования в каждой из стран, можно понять, что они отражают особенности национальной модели предпринимательства, которые хоть и содержат схожие с нормами законодательства других стран, но прежде всего направлены на регулирование местного института ИП. Изучение зарубежного опыта помогает лучше понимать, как сделать регулирование более эффективным.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. (Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ, с изм. и доп. от 28.12.2023). Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г. № 32. Ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. (Часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ, с изм. и доп. от 28.12.2023). Собрание законодательства Российской Федерации от 1998 г. № 31. Ст. 3824.
3. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 № 129-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 06.11.2024).
4. Гражданский кодекс Грузии. от 26.06.1997. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/31702?publication=102> (дата обращения: 06.11.2024).
5. Закон «О предпринимателях» Грузии. (от 28.10.1994, с изм. и доп. от 29.07.2021). URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/28408?publication=35> (дата обращения: 06.11.2024).
6. Налоговый кодекс Грузии от 17.09.2010 URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/1043717?publication=128> (дата обращения: 06.11.2024).

7. Companies Act 2006. (Закон о компаниях Великобритании от 08.11.2006). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения: 06.11.2024).
8. Income Tax Act 2007. (Закон о подоходном налоге Великобритании от 20.03.2007). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/3/contents> (дата обращения: 06.11.2024).
9. HMRC. Setting up as a sole trader. URL: <https://www.gov.uk/set-up-sole-trader> (дата обращения: 06.11.2024).
10. HMRC. Guide to self-employed taxes. URL: <https://www.gov.uk/working-for-yourself> (дата обращения: 06.11.2024).
11. HMRC. Closing a sole trader business. URL: <https://www.gov.uk/stop-being-sole-trader> (дата обращения: 06.11.2024).
12. Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения 06.11.2024)

Вашева А.А., Григорьева А.И.
**Развитие экологических правоотношений: сравнительно-правовой анализ
законодательства Индии и России**

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-400

Научный руководитель: Сороколетова М.А.

Аннотация

Представленное исследование направлено на проведение сравнительно-правового анализа развития экологических правоотношений в Индии и России. Авторами проводится анализ отдельных нормативно-правовых актов Индии и России, регулирующих экологические правоотношения, с целью определения наличия в них взаимных достоинств и недостатков. Рассматриваются вопросы, связанные с заимствованием индийского опыта для совершенствования отечественного экологического законодательства.

Ключевые слова: экологическое право, сравнительно-правовая характеристики, Индия, Россия, экологический суд.

Abstract

The presented research is aimed at conducting a comparative legal analysis of the development of environmental legal relations in India and Russia. The authors analyze individual regulatory legal acts of India and Russia regulating environmental legal relations in order to determine the presence of mutual advantages and disadvantages in them. The issues related to the borrowing of Indian experience for the improvement of domestic environmental legislation are considered.

Keywords: environmental law, comparative legal characteristics, India, Russia, environmental court.

Развитие промышленных производств повысило актуальность вопросов, связанных с защитой окружающей среды и обеспечением экологической безопасности, для многих государств. Для Российской Федерации и Индии, как для стран с большой по объёму территорией, данные вопросы обладают приоритетным значением. Сравнительно-правовой анализ развития экологических правоотношений в двух обозначенных государствах может позволить выявить специфику экологического права, а также позволит определить возможные пути заимствования зарубежного опыта для совершенствования отдельных актов национального экологического законодательства.

Начать сравнительно-правовой анализ предлагаем с исследования положений основных законов России и Индии. Так, в Конституции Российской Федерации в статье 42 закрепляет положение, в соответствии с которым каждое физическое лицо,

проживающее на территории государства или временно пребывающее на ней, наделяется правом на благоприятную окружающую среду. Помимо этого, обозначенная норма также провозглашает право на получение информации, раскрывающей сведения о реальном состоянии окружающей среды, а также на возможность возмещения ущерба, который причиняется человеку в результате совершения противоправных деяний в сфере экологических правоотношений. Статья 58 Конституции Российской Федерации закрепляет обязанность граждан и иных лиц по сохранению природы и окружающей среды, бережному отношению к природным богатствам[1].

Конституция Индии также включает в себя нормы, касающиеся охраны окружающей среды. Так, в статье 48А указанного документа провозглашается, что на государство в качестве отдельного вида деятельности возлагается обязательство по стремлению к защите окружающей среды и экологии, а также улучшения их состояния. В статье 51А Конституции Индии можно обнаружить указание на то, что защита и улучшение окружающей среды также рассматривается в качестве непосредственной обязанности, которая распространяет своё действие на каждого гражданина[9].

Исходя из приведённых выше норм можно выделить достаточно примечательную особенность. Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет, что соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина рассматриваются в качестве прямой обязанности государства. Как уже было установлено, благоприятная окружающая среда – право человека, следовательно, государство, исходя из сущности приведённой нормы, обязуется осуществить все необходимые действия, чтобы его обеспечить. Таким образом, обязанность охраны и защиты окружающей среды, улучшение её состояния, нашли своё опосредованное, а не прямое закрепление в Конституции Российской Федерации.

В Конституции Индии право человека на благоприятную окружающую среду не установлено. Иные экологические права, которые можно обнаружить в Конституции Российской Федерации, на уровне конституционного законодательства Индии также не получили своего закрепления. Так, в Конституции Индии отсутствует право на получение гражданами достоверной информации о состоянии окружающей среды, которое обладает важнейшим значением в деле обеспечения иных экологических прав, так как без надлежащего информирования существенным образом затрудняется процесс обнаружения экологических правонарушений и преступлений. Отсутствие права на защиту экологических прав в юрисдикционном порядке также следует признать недостатком Конституции Индии в сравнении с Конституцией Российской Федерации.

В отношении государства, в свою очередь, имеется указание на конкретную обязанность, которая выражается в необходимости совершения всех возможных действий для того, чтобы обеспечить надлежащее стремление к защите и охране окружающей среды, а также экологии. Таким образом, можно сделать вывод, что в Конституции Индии не нашли своего закрепления экологические права граждан, однако, в отличие от Конституции Российской Федерации, имеется прямое указание на обязанность государства по защите и охране окружающей среды.

Е.А. Белокрылова в своём исследовании указывает, что индийским законодателем уже предпринимались попытки по устранению обозначенных выше недостатков. Так, Высший суд Индии, который рассматривается в качестве одного из нормотворческих органов, предлагал внести изменения в нормы основного закона, направленные на включение в него права на благоприятную окружающую среду. По мнению Высшего суда Индии, данное право должно рассматриваться в качестве непосредственной составляющей права человека на жизнь и личную свободу, которое на текущий момент времени отражено в норме статьи 21 Конституции Индии[4, с. 128].

О.Е. Каюшникова утверждает, что отличительной особенностью экологического законодательства Индии следует признавать ориентированность на уголовно-правовое регулирование правоотношений в сфере охраны и защиты окружающей среды. По мнению автора, законодателем Индии был сделан большой акцент на возможности

привлечения лиц, виновных в нарушении экологических норм, к уголовной ответственности за совершение различного рода преступлений[5, с. 231].

Анализ законодательства Индии подтверждает высказанные О.Е. Каюшниковой тезис. Так, на территории государства сегодня действует Закон о Национальном трибунале по экологическим вопросам, который был принят в 2010 году с целью оптимизации процесса привлечения лиц, виновных в экологических преступлениях, к уголовной ответственности. Данный нормативно-правовой акт учредил специальный государственный орган, целью которого является рассмотрение дел, связанных с защитой и охраной окружающей среды[7].

В Российской Федерации отсутствуют специальные экологические суды. Уголовные дела, возбуждённые в результате обнаружения факта совершения экологического преступления, рассматриваются судами общей юрисдикции. Стоит отметить, что вопрос необходимости создания специализированных судов, для повышения эффективности институтов охраны и защиты окружающей среды, достаточно давно поднимаются среди отечественных учёных и исследователей. Так, А.М. Солнцев в своей работе отметил, что в России сегодня должна экологическая специализация судей не осуществляется, а также существуют иные проблемы судебной системы, связанные с задержкой рассмотрения гражданских исков и т.п., которые не способствуют эффективному разрешению экологических дел[6, с. 36].

По нашему мнению, потребность в создании экологических судов в России в действительности имеет место. Наше государство обладает сложной экосистемой, которая требует усиленных мер правовой защиты. Благоприятная окружающая среда, как уже было установлено ранее, закреплена в качестве права каждого гражданина. Именно по этой причине важно, чтобы создавались все условия, которые позволяют гражданам в надлежащем порядке обеспечивать защиту своих прав в судебном порядке. Выделение отдельной категории судов может способствовать повышению эффективности разрешения экологических споров, так как их рассмотрением должны будут заниматься судьи, обладающие специальной квалификацией в области экологического права, т.е. лица, более сведущие в частных вопросах, связанных с защитой и окружающей среды.

Здесь же следует заметить, что опыт учреждения специализированных судов в Российской Федерации уже существует. Так, к примеру, 6 декабря 2011 года был принят Федеральный конституционный закон № 4-ФКЗ, который учредил новый судебный орган – суд по интеллектуальным правам[2]. По нашему мнению, аналогичным образом следует учредить и суд по экологическим правам, который должен специализироваться на разрешении экологических споров в порядке гражданского судопроизводства. Рассмотрение уголовных дел, в свою очередь, ввиду особенностей уголовного судопроизводства Российской Федерации, следует оставить в ведении судов общей юрисдикции.

В Индии конституционные положения, также, как и в Российской Федерации, конкретизируются в актах федерального законодательства. Так, Закон Индии об охране окружающей среды от 1986 года определяет полномочия государственных органов, которые осуществляют свою деятельность в сфере защиты и охраны окружающей среды, а также меры юридической ответственности, которые могут применяться по отношению к лицам, нарушившим нормы экологического законодательства. Помимо этого, данный нормативно-правовой акт также устанавливает конкретные правила, которые распространяются на процесс проведения экологических проверок со стороны государственных органов, получения информации о состоянии окружающей среды и иные вопросы в области обеспечения экологической безопасности со стороны государства[8].

В России аналогичные вопросы нашли своё отражение в тексте Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», принятого 10 января 2002 г. Оба документа обладают достаточно схожим содержанием, однако, отечественное законодательство примечательно тем, что в указанном нормативно-правовом акте, помимо полномочий государственных органов, обязанностей и ответственности отдельных физических и юридических лиц, находят своё регулирование такие вопросы, как определение природных объектов, находящихся под особой охраной, зон экологического бедствия и чрезвычайных ситуаций, лесопарковых зеленых поясов.

В заключении можно сделать вывод, что законодательство России и Индии, регулирующие экологические правоотношения, в сравнении друг с другом, характеризуются наличием взаимных достоинств и недостатков. Проведение сравнительно-правового анализа позволило установить возможность заимствование индийского опыта регулирования экологических правоотношений в части учреждения специализированных экологических судов. По нашему мнению, гражданские споры по вопросам защиты и охраны окружающей среды в Российской Федерации могут и должны рассматриваться отдельным судебным органом, содержащим на службе судей, обладающих высокой квалификацией в области экологического права.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2009, 21 января; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 06 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7334.
3. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
4. Белокрылова, Е.А. Особенности реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации и Индии: сравнительно-правовой анализ / Е.А. Белокрылова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 1. – С. 122-128.
5. Каюшникова, Ю.Е. Сравнительно-правовой анализ особенностей национального законодательства в сфере охраны окружающей среды в странах БРИКС / Ю.Е. Каюшникова // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 2. – С. 226-231.
6. Солнцев, А.М. О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан / А.М. Солнцев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 1. – С. 28-36.
7. National Green Tribunal Act, 2010 // National Green Tribunal: сайт. – URL: https://greentribunal.gov.in/sites/default/files/act_rules/National_Green_Tribunal_Act,_2010.pdf (датаобращения: 24.10.2024).
8. The Environment Protection Act ,1986 // India Code: сайт. – URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/6196/1/the_environment_protection_act%2C1986.pdf (датаобращения: 24.10.2024).
9. The Constitution of India (As modified up to the 1st December, 2017) // WIPO: сайт. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6771> (датаобращения: 24.10.2024).

Великородная В.О., Белецкая А.А.

Гражданская ответственность банков за причинение ущерба клиентам

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-401

Аннотация

В рамках данной статьи рассматриваются аспекты гражданско-правовой ответственности банков за причинение ущерба клиентам. Автором исследуется нормативная правовая база, в частности Гражданский кодекс Российской Федерации, регламентирующий сущность ответственности за причинение различных форм ущерба. Также в статье анализируются статистические данные, свидетельствующие о частоте неправомерных действий банка по отношению к клиентам. В результате мы пришли к выводу о том, что сотрудничество банков и клиентов может благоприятно повлиять на решение рассматриваемой нами проблемы.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, банковская деятельность, причинение ущерба, ненадлежащее исполнение обязательств, нарушение условий.

Abstract

Within the framework of this article, aspects of the civil liability of banks for causing damage to customers are considered. The author examines the regulatory legal framework, in particular the Civil Code of the Russian Federation, which regulates the essence of liability for causing various forms of damage. The article also analyzes statistical data indicating the frequency of illegal actions of the bank in relation to customers. As a result, we came to the conclusion that cooperation between banks and customers can favorably influence the solution of the problem we are considering.

Keywords: civil liability, banking activity, causing damage, improper fulfillment of obligations, violation of conditions.

Гражданская ответственность банков за причинение ущерба клиентам является важнейшей составляющей правового регулирования финансовой сферы и защиты прав потребителей.

Данный вид ответственности регламентирован статьей 856 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой: «В случаях несвоевременного зачисления банком на счет клиента поступивших клиенту денежных средств либо их необоснованного списания со счета, а также невыполнения или несвоевременного выполнения указаний клиента о перечислении денежных средств со счета либо об их выдаче со счета банк обязан уплатить на эту сумму проценты в порядке и в размере, которые предусмотрены статьей 395 ГК РФ» [1].

Несмотря на правовое закрепление положений, касающихся ответственности банков за ненадлежащее исполнение денежных обязательств, в настоящее время все же существуют и иные элементы деятельности банков, которые могут повлечь за собой негативные последствия в виде ущерба клиентам [5].

Согласно статистическим данным, в 2023 году объем операций без согласия клиентов увеличился по сравнению с 2022 годом практически на 12%, то есть порядка 16 тысяч операций выполняется неправомерно и грозит финансовыми убытками клиенту. Подобные цифры свидетельствуют об актуальности исследуемой темы в настоящее время, поскольку и в текущем году приведенные показатели не снижаются.

Причинение банком ущерба клиентам может произойти в различных ситуациях, включая:

- 1) Неправомерное списание средств со счета клиента без его согласия. Данное действие банка является грубым нарушением отечественного законодательства и влечет за собой ответственность банка. В подобных случаях клиент имеет право требовать возврата списанных средств, а также компенсацию морального вреда и убытков, вызванных несвоевременным получением информации о списании. По общему правилу, закрепленному пунктом 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 17 Закона от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей», защита нарушенных прав потребителей и разрешение по существу связанных с этим имущественных споров осуществляются судом [2].
- 2) Нарушение сроков перевода денежных средств или выполнения обязательств перед клиентом. Например, банковская организация в установленный нормативным положением день не перевела на счет клиента нужную сумму по вкладу, открытому данным лицом.
- 3) Разглашение конфиденциальной информации о клиенте третьим лицам.

- 4) Неправильная обработка данных клиента, которая привела к ошибкам в операциях или потере средств.
- 5) Неправомерное блокирование счетов клиентов без достаточных на то оснований.
- 6) Навязывание дополнительных услуг или изменение условий договора между клиентом и банком без уведомления первого.
- 7) Выдача кредитов на условиях, которые не соответствуют установленным аспектом, нарушение договора о предоставлении кредитных услуг и иные аспекты.

Данный перечень банковских нарушений не является исчерпывающим. Как отмечает В. Р. Сон: «Наиболее частым нарушением со стороны банков является неперечисление или несвоевременное перечисление денежных средств клиентов [4, с. 351].

Для полноценного понимания исследуемой темы, касающейся гражданско-правовой ответственности банков перед клиентами, обратимся к судебной практике, а именно к Решению арбитражного суда от 20 марта 2024 года по делу № А40-205518/2023, которое касается спора между АО «Райффайзенбанк» и ООО «Оникс-лр-групп» [3].

Общество с ограниченной ответственностью являлось клиентом указанного банка более трех лет, однако, через некоторое время банковская организация отказалась совершать операции по платежному поручению организации. Отказ был абсолютно необоснованным, поскольку ООО «Оникс-лр-групп» являлось добросовестным клиентом и выполняло обязательства по договору в срок и в соответствии с нормативным регламентом самого банка, клиентом которого оно являлось.

В марте 2022 года указанный банк заблокировал доступ к банковскому обслуживанию и бизнес-карте по причине того, что банковские операции данного общества не имеют финансового смысла.

Таким образом, данная банковская организация нарушила сразу несколько положений Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно статьи 845-848, регламентирующие осуществление и ответственность банка перед клиентами.

При указанных обстоятельствах у ответчика не имелось предусмотренных законом оснований для отказа клиенту в предоставлении услуги дистанционного банковского обслуживания.

Судом установлено, что в ответ на направленный банком запрос истцом предоставлены документы. Ответчик в свою очередь не запрашивал дополнительных документов к представленным истцом ранее, а также не сообщил клиенту о необходимости предоставления дополнительных документов или их несоответствия, доказательств обратного в материалах дела не представлено.

В соответствии с материалами дела арбитражный суд принял решение о исполнении всех платежных поручений общества, взыскал с банка 12000 рублей, а также обязал банк возобновить оказание банковских услуг данному юридическому лицу.

Основываясь на анализе данного решения, можно сделать вывод о том, что, как правило, суд находится на стороне клиентов, и наиболее часто встречающейся мерой ответственности за причинение ущерба пользователям банковской организации является возмещение убытков в денежном эквиваленте.

Для предотвращения злоупотреблений со стороны банковских организаций на сегодняшний день реализован механизм защиты клиентов, который включает ряд необходимых компонентов.

Во-первых, многие банки страхуют свою ответственность, что, в свою очередь, помогает клиентам в случае возникновения убытков.

Во-вторых, клиенты могут подать жалобы в регулирующие органы или инициировать судебные иски для возмещения ущерба.

Также банк должен предоставлять клиентам полные и ясные условия обслуживания, чтобы избежать недоразумений и последующих убытков от деятельности организации.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что гражданская ответственность банков за причинение ущерба клиентам представляет собой сложный и многоуровневый процесс, затрагивающий как законодательные, так и практические аспекты.

В рамках данного исследования и анализа материалов судебной практики можно сделать заключение о том, что наиболее часто встречающейся мерой ответственности является взыскание материальных средств за причинение вреда, которое соразмерно причиненного физическому или юридическому лицу ущерба.

Защита клиентов требует от банков соблюдения строгих стандартов, а клиенты, в свою очередь, должны быть информированы о своих правах и возможностях в случае возникновения проблем.

Ответственность банка установлена законом, что является своего рода гарантией для клиента касательно денежных средств, хранящихся на его счете. Однако и для клиента имеются определенные меры, в свою очередь, обеспечивающие интересы банка, и, хотя напрямую главой 45 ГК РФ не предусмотрена ответственность для владельцев счета, анализ положений законодательства позволяет выявить некие гарантии и для банка в случае нарушений клиента.

Таким образом, эффективное сотрудничество между банковскими институтами и клиентами может служить основой для более безопасного и доверительного финансового взаимодействия.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года №2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20 марта 2024 года по делу № А40-205518/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DqAITbGVcP6r/>
4. Сон, В.Р. Об ответственности банка за ненадлежащее осуществление операций по счету // Экономика и социум. № 6-2 (37). С. 349-355.
5. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций [Электронный доступ] // URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2023/

Вербилёва А.С.

Незаконное предпринимательство: особенности квалификации

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-402

Научный руководитель: Федорященко А.С.

Аннотация

В данной научной статье поднимается вопрос незаконного предпринимательства и особенностям его квалификации как преступления в сфере экономической деятельности. Автор уделил повышенное внимание субъективным признакам указанного деяния. Был сделан вывод о важности правильной уголовно-правовой оценки в этой части указанного состава, что требует особой специализированной подготовки компетентных органов.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, субъект преступления, субъективная сторона, форма вины, умысел.

Abstract

This scientific article raises the issue of illegal entrepreneurship and the specifics of qualifying an act as a crime in the field of economic activity. The author paid special attention to the subjective signs of the specified act. It was concluded that it is important to have a correct criminal law assessment in this part of the specified composition, which requires special specialized training of the competent authorities.

Keywords: illegal business, the subject of the crime, the subjective side, the form of guilt, intent.

Для того, чтобы легально осуществлять предпринимательскую деятельность, нужно провести некоторое количество юридических процедур, например, государственная регистрация, получение лицензии, прохождение аккредитации и т.д. Но недобросовестные лица не осуществляют подобные действия, чем образуют состав незаконного предпринимательства. Данное деяние в зависимости от конкретных признаков наказывается порядком санкций уголовного и административного законодательства. В рамках данного исследования мы ставим задачу подробнее рассмотреть особенности квалификации незаконной предпринимательской деятельности как преступления в сфере экономики, предусмотренного ст. 171 УК РФ [1]. Актуальность нашего исследования заключается в том, что в настоящее время указанные деяния все еще достаточно распространены. По данным судебной статистики на 2023 год было зафиксировано 32 осужденных по ч. 1 ст. 171 УК РФ и 114 осужденных по ч. 2 ст. 171 УК РФ [5].

В силу специфики сферы указанных преступлений на практике возникают некоторые сложности в квалификации. Стоит отметить, что признак предпринимательства в виде направленности на систематическое получение прибыли помогает уже отграничить предпринимательство от иных сделок, не связанных с ним. Начнем с того, что квалификация здесь представляет собой установление и дальнейшее юридическое закрепление полного тождества совершенного деяния и признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством. Для установления правильной квалификации в действиях виновного должны содержаться объективные признаки (объект и объективная сторона), а также субъективные признаки (субъект и субъективная сторона), которые соответствуют в нашем случае ст. 171 УК РФ. Считаем нужным обратиться к характеристике особенностей квалификации именно в области установления субъективных признаков.

В качестве субъекта здесь предусмотрено физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, то есть, общий субъект. Среди представителей научного сообщества не утихают дискуссии по поводу повышения возраста уголовной ответственности по данному составу преступления, т.к. несмотря на возможность осуществления предпринимательской деятельности с 16 лет, полноценно осознавать общественную опасность своего деяния может только с 18 лет и возраст не должен быть снижен только из-за наличия возможности эмансипации.

В.Г. Павлов, Д.В. Аксенов, С.А. Денисов в своем исследовании поднимают очень важный аспект квалификации незаконного предпринимательства в виде установления субъекта преступления. Действующее законодательство не содержит разъяснений по поводу признания иностранных граждан и лиц без гражданства субъектами по данному составу. Очевидно, что любое физическое лицо независимо от этого при осуществлении незаконной предпринимательской деятельности на территории РФ должно нести ответственность, согласно нормам уголовного законодательства наравне с гражданами РФ. Ученые также отмечают, что сложности возникают в вопросе определения субъекта

преступления незаконного предпринимательства, совершаемого от имени юридического лица, целесообразно процитировать их точку зрения на этот счет: «в данном случае вряд ли можно говорить о наличии общего субъекта преступления. Представляется, что ни акционеры, ни учредители юридического лица не могут выступать субъектами незаконного предпринимательства, поскольку последние не осуществляют предпринимательскую деятельность, а также не исполняют функции руководства за осуществлением финансово-хозяйственной деятельности юридическим лицом, возлагая их на исполнительный орган. Кроме единоличного исполнительного органа юридического лица, а также лица, исполняющего функции руководителя организации, субъектом незаконного предпринимательства могут выступать и иные лица, трудоустроенные в последнем случае, если в их должностные обязанности входят функции по управлению» [2, с. 143-144].

Подводя краткий итог вышесказанному, стоит подчеркнуть, что квалификация в части определения субъекта незаконного предпринимательства является далеко не однозначной и требует повышенного внимания со стороны компетентных органов для правильной уголовно-правовой оценки рассматриваемого деяния.

Что касается субъективной стороны, то для состава ст. 171 УК РФ характерна умышленная форма вины. Среди ученых бытует точка зрения о добавлении неосторожной формы вины для данного преступления. Основным аргументом считают то, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность обязаны быть осведомлены в вопросах регистрации, получения лицензий и т.д. Здесь же стоит отметить, что в данном случае умышленная форма вины и направленность самого умысла может кардинально изменить квалификацию. Например, в ст. 14.1 КоАП РФ содержится состав правонарушения в виде осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), который очень схож с деянием, предусмотренным уголовной статьей. Отличительным признаком ст. 171 УК является в первую очередь наличие признака крупного ущерба. Так вот, если лицо имело умысел на нанесение крупного ущерба, но деяние было пресечено до его совершения, но фактически соответствует только ст. 14.1 КоАП, то в практике квалифицируют по направленности умысла, то есть, покушение на незаконное предпринимательство по ст. 171 УК РФ. В.Р. Рачков приводит следующий случай из судебной практики: «Так, согласно приговору Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 18.08.2020 по делу № 1-181/2020 один из осуждённых совершал приобретение, перевозку и хранение продовольственных товаров без маркировки и нанесения предусмотренной законодательством информации, при этом следствием было доказано, что умысел осуждённого был направлен на сбыт указанных товаров, что принесло бы ему доход в крупном размере. Вместе с тем, противоправная деятельность осуждённого в данной части была пресечена до окончания претворения им преступного замысла в жизнь, и крупный размер дохода от сбытой продукции достигнут на тот момент не был, ввиду чего наряду с п. «б» ч. 4 ст. 171.1 УК РФ данное лицо также было осуждено по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 171 УК РФ как за покушение на незаконное предпринимательство в форме сбыта указанных товаров, не доведённое до конца по не зависящим от осуждённого обстоятельствам» [3, с. 96-97].

Также в практике принципиальное значение имеет в принципе выявление умысла у лица, если в дальнейшем будет установлено, что тот отсутствовал, то лицо будет освобождено от ответственности по этой статье, что подтверждается примерами из судебной практики (уголовное дело № 1-82/2020 // Архив Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики за 2020 г) [4].

Исходя из вышеизложенного, стоит сделать вывод о том, что процесс квалификации деяний по ст. 171 УК РФ носит достаточно специфичный характер, что обуславливает необходимость наличия повышенного внимания и дополнительной подготовки компетентных органов для осуществления правильной уголовно-правовой оценки данных деяний. Особенный акцент стоит делать на субъективной стороне: правильно определить форму вины и субъекта преступления. Поэтому данный вопрос все еще остается достаточно актуальным для практикующих сотрудников и представителей научного сообщества.

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2024).
2. Павлов, В. Г. К вопросу об установлении субъективных признаков незаконного предпринимательства / В. Г. Павлов, Д. В. Аксенов, С. А. Денисов // Журнал правовых и экономических исследований. – 2024. – № 1. – С. 140-147. – DOI 10.26163/GIEF.2024.18.79.021.
3. Рачков, В. Р. Некоторые вопросы квалификации незаконного предпринимательства / В. Р. Рачков // Альманах молодого исследователя. – 2023. – № 15. – С. 94-98.
4. Уголовное дело № 1-82/2020 // Архив Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики за 2020 г.: Черкесский городской суд Карачаево-Черкесской Республики [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <https://cherkessky-kchr.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК: Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 20.10.2024).

Вербилёва А.С.

Актуальные проблемы отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-403

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

Представленная работа направлена на рассмотрение особенностей квалификации отдельных составов преступлений по Уголовному кодексу Российской Федерации. Авторами детальным образом исследуются проблемы отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерти потерпевшего. В заключении формулируются предложения по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: уголовное право, квалификация, отграничение, убийство, тяжкий вред здоровью.

Abstract

The presented work is aimed at considering the characteristics of the qualification of certain crimes under the Criminal Code of the Russian Federation. The authors examine in detail the problems of distinguishing between murder and infliction of grievous bodily harm resulting in the death of the victim through negligence. In conclusion, proposals are formulated to solve the identified problems.

Keywords: criminal law, qualification, delimitation, murder, grievous bodily harm.

Убийство – одно из самых страшных преступлений, так как оно посягает на жизнь человека, которая является бесценной. Именно по этой причине в уголовном праве убийство отнесено к группе особо тяжких преступлений, за которые предусматривается

значительное по своей строгости наказание. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает несколько составов преступлений, в которых предполагается наступление смерти потерпевшего. Правильное разграничение подобных составов преступлений влечёт за собой повышение качества уголовного процесса, а также снижение количества ошибок при квалификации.

В настоящее время значительные сложности у правоприменителей возникают при разграничении убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, которое повлекло за собой смерть потерпевшего лица (ч.4 ст.111 УК РФ). В первую очередь, предлагаем кратко охарактеризовать объективные признаки каждого составов.

Так, неквалифицированный состав убийства регламентирован ч. 1 ст. 105 УК РФ. Объективная сторона преступления заключается в совершении действия или бездействия, которые повлекли за собой смерть потерпевшего лица. Объектом деяния выступает право человека на жизнь, провозглашённое в Конституции Российской Федерации.

Ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего предусмотрена в 4 ст. 111 УК РФ. Объективную сторону преступления также составляют действия или бездействия, в результате которых потерпевшее лицо получает вред здоровью, квалифицируемый как тяжкий. Квалификация вреда здоровью определяется на основании медицинских заключений, т.е. специалистами в области лечебного дела и иных медицинских специальностей. Элементом объективной стороны квалифицированного состава выступает наступление смерти потерпевшего, которое напрямую связано с ранее полученным им вредом. Объект преступления – здоровье потерпевшего и соответствующие права, которыми оно обеспечиваются [1].

Безусловно, обращает на себя внимание то обстоятельство, что объективные признаки обоих составов преступлений обладают сходством. Именно такая схожесть и порождает возникновение различных проблем при квалификации указанных деяний.

Как отмечает А.А.Кусакин, наиболее значимым признаком при квалификации должен выступать умысел лица на убийство потерпевшего. В случае с ч. 1 ст. 105 УК РФ, умысел может быть прямым или косвенным. В ч. 4 ст. 111 УК РФ, в свою очередь, имеет место неосторожность, в результате которой и наступает смерть потерпевшего лица [4, с. 545].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением автора. Действительно, разграничение двух рассматриваемых составов наиболее целесообразным представляется осуществлять посредством обращения особого внимания на субъективную сторону деяния. В случае с причинением тяжкого вреда здоровью, имеет место неосторожность. Неосторожность предполагает, что лицо, нанесшее тяжкий вред здоровью конкретному лицу, не желало наступления его смерти, однако в результате цепочки взаимосвязанных между собой событий она наступила.

Само собой, учёт подобного признака позволяет устранить проблемы при квалификации только в теоретической плоскости, однако на практике правоохранители достаточно часто сталкиваются с трудностями при определении умысла. Именно невозможность надлежащим образом квалифицировать умысел и влечёт за собой совершение ошибок квалификации, впоследствии приводящих к несправедливым приговорам.

По нашему мнению, в контексте разрешения обозначенной проблемы внимание следует уделить разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации. Так, в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», разграничение составов ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ, должно производиться на основании учёта целого комплекса различных обстоятельств. Лицо, осуществляющее квалификацию преступного деяния, должно детальным образом проанализировать обстановку преступления, исследовать орудие убийства, характер действий или бездействия. Кроме того, особое внимание следует обращать на поведение подозреваемого (обвиняемого) до того момента, как он совершил преступление и уже после него [2].

Как верно отмечают отдельные авторы, детальное исследование объективной стороны деяния предполагает возможность эффективного определения сущности субъективной стороны [3, с. 15]. Иными словами, следователю или дознавателю необходимо изучить все действия или характер бездействия преступника, чтобы определить, что именно он намеревался сделать в рамках их практического

осуществления: лишить человека жизни или же нанести ему только вред здоровью. Именно по этой причине выстрел из огнестрельного оружия в человека, после которого он сначала получил тяжкий вред здоровью, а в последствие лишился жизни из-за ранений, может быть квалифицирован как убийство. В данном случае определяющим значением будет именно характер действия, который очевидно указывает на наличие умысла на убийство потерпевшего лица.

Помимо характера действий (бездействия), локализации нанесения ранений потерпевшему лицу, а также орудия преступления, учёту подлежит и поведение лица. В криминологии, например, считается, что преступник наиболее полным образом раскрывается именно в момент совершения преступления. В процессе совершения преступления человек, ещё не считая себя пойманным или обнаруженным, как правило, не скрывает действительных мотивов. Именно по этой причине, при квалификации деяния важно проанализировать надлежащим образом показания свидетелей, самого подозреваемого. Кроме того, в некоторых случаях может иметь место возможность получения показаний и от самого потерпевшего, если следователь или дознаватель успели их получить до того момента, как наступила смерть, например, в медицинском учреждении [5, с. 195].

В заключении отметим, что на сегодняшний день отечественное уголовное право сталкивается с проблемой разграничения убийства и причинения тяжкого вреда, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего лица. По нашему мнению, эффективное отграничение и, как следствие, правильная квалификация деяния может быть осуществлена в случае, если будет произведён учёт следующих обстоятельств: 1) характера действий (бездействия); 2) вида и типа орудия убийства; 3) локализации ранений на теле потерпевшего; 4) поведения преступника в момент преступления, а также его изменение уже после его совершения.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 3. – 1999.
3. Дель, Т. Э. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, от убийства / Т. Э. Дель // Наука. Технологии. Инновации. – 2016. – № 1. – С. 15-17.
4. Куракин, А. А. Отграничение убийства от причинения тяжкого вреда здоровью повлекшего причинение смерти по неосторожности / А. А. Куракин // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 542-548.
5. Полянская, Е. А. Критерии отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего / Е. А. Полянская // Вестник молодых учёных Самарского государственного экономического университета. – 2017. – № 1. – С. 195-199.

Верещагина Г.П., Палазин С.А.

Проблемы обеспечения права личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-404

Научный руководитель: Шумилина О.С.

Аннотация

В настоящем исследовании анализируется, какие следственные действия и при соблюдении каких условий могут производиться в жилище. Автору удалось выявить проблемы правового регулирования порядка производства следственных действий в жилище. Установлено, что на законодательном уровне не определено, допускается или же

наоборот запрещается производство других следственных действий, помимо осмотра, обыска или выемки в жилище, если проживающие в нем выражают против этого. Предлагается в уголовно-процессуальном законодательстве четко регламентировать, какие меры принуждения и процессуальные действия могут быть произведены в жилище, с прямым указанием, какие из них допускают ограничение его неприкосновенности. Дополнительно автор предлагает закрепить в законе порядок и форму получения согласия на осуществление процессуальных действий в жилище, от всех лиц, которые проживают в нем, поскольку в настоящее время законодатель данные вопросы никак не регламентирует.

Ключевые слова: неприкосновенность жилища, жилище, проживающие в жилище, процессуальные действия, следственные действия.

Abstract

This study analyzes what investigative actions and under what conditions can be carried out in a dwelling. The authors managed to identify the problems of legal regulation of the procedure for conducting investigative actions in the home. It has been established that it is not defined at the legislative level whether it is allowed or, conversely, prohibited to carry out other investigative actions, in addition to inspection, search or seizure of a dwelling, if those living in it express their opposition to this. It is proposed in the criminal procedure legislation to clearly regulate which coercive measures and procedural actions can be carried out in a dwelling, with a direct indication of which of them allow restriction of the inviolability of the dwelling. Additionally, the author propose to fix in the law the procedure and form for obtaining consent to carry out procedural actions in a dwelling from all persons who live in it, since currently the legislator does not regulate these issues in any way.

Keywords: inviolability of the dwelling, dwelling, living in the dwelling, procedural actions, investigative actions.

В основном законе нашего государства, которым является Конституция РФ, строго определено, что жилище любого гражданина является неприкосновенным [1]. Неприкосновенность означает, что никто без согласия граждан, которые непосредственно проживают в жилище, не имеет права проникать в него. Однако из любого общего правила бывают исключения. Поэтому проникновение в жилище все-таки допускается, даже если отсутствует на то согласие лиц, которые в нем проживают, но это возможно только при наличии случаев, которые строго определены на законодательном уровне, либо же основанием для нарушения права личности на неприкосновенность жилища может являться решение органа судебной системы нашего государства.

Все положения действующего российского законодательства основываются на конституционных нормах, и все гарантии, предоставленные гражданам нашего государства Конституцией РФ, должны соблюдаться.

Законодатель предусматривает, что при производстве по уголовным делам, должно соблюдаться конституционное право каждого гражданина на неприкосновенность жилища. В уголовно-процессуальном законодательстве закреплена правовая норма, в которой определены условия, при соблюдении которых могут осуществляться те или иные процессуальные действия, производство которых необходимо для правильного и своевременного рассмотрения уголовных дел. О том, как реализуется принцип неприкосновенности жилища применимо к уголовному судопроизводству, идет речь в ст. 12 УПК РФ с одноименным названием «Неприкосновенность жилища» [2]. В указанной правовой норме определены три вида следственных действий, производство которых недопустимо, если против этого возражают лица, проживающие в нем, и отсутствует решение судебного органа. К числу таких следственных действий относится осмотр, обыск и выемка. Однако при расследовании уголовных дел могут производиться и другого вида следственные и иные процессуальные действия. Исходя из практики

деятельности сотрудников правоохранительных органов мы можем с полной уверенностью сказать, что помимо указанных в ст. 12 УПК РФ трех следственных действий в реальной действительности при производстве по уголовным делам следователи и другие лица, осуществляющие расследование, производят в жилище участников уголовного процесса другие следственные действия и даже реализуют меры уголовно-процессуального принуждения. То обстоятельство, что законодатель фактически не запрещает, чтобы в жилище производились другие следственные действия, помимо тех, которые четко указаны в анализируемой правовой норме (обыск, осмотр, выемка), создает почву для злоупотреблений этой возможностью со стороны лиц, осуществляющих трудовую деятельность в правоохранительных органах. Следователь или дознаватель могут посчитать целесообразным, что производство освидетельствования, очной ставки, проверки показаний на месте и некоторых других действий должно производиться именно в жилище, и в виду отсутствия указания на невозможность их производства в ст. 12 УПК РФ их действия не будут квалифицироваться как незаконные.

На выявленное несовершенство правового регулирования порядка обеспечения права личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве давно обращают внимание исследователи. Например, об этой проблеме упоминали Р.З. Ишмухаметов и И.В. Матвиенко еще в 2012 году. Авторы считают необходимым, чтобы в ст. 12 УПК РФ законодатель четко определил исчерпывающий перечень следственных действий, мер принуждения, производство которых в жилище допустимо или недопустимо при производстве по уголовным делам. Указание только на условия производства осмотра, выемки и обыска и отсутствие запрета на производство других процессуальных действий и мер Р.З. Ишмухаметов и И.В. Матвиенко считают недоработкой со стороны законодателя [3]. На эту проблему также обращает внимание В.В. Тарасенко и ряд других исследователей [4].

Была выявлена и другая проблема правового регулирования, которая заключается в следующем. Законодатель позволяет сотруднику правоохранительных органов в случае необходимости произвести осмотр, выемку или обыск в жилище гражданина, если против этого не возражают дословно по букве закона «проживающие в нем лица». Однако в уголовно-процессуальном законодательстве не определен порядок, в соответствии с которым сотрудник правоохранительных органов, то есть следователь должен получить от лиц, которые проживают в жилище, согласие на производство названных следственных действий. Кроме того, не определена форма, в которой должно быть выражено согласие. Мы лишь логически можем предположить, что форма выражения согласия или несогласия может быть устной, так как в противном случае законодатель бы конкретно указал, что для проникновения в жилище сотруднику правоохранительных органов необходимо получить в письменном виде согласие на это всех лиц, которые проживают в нем. При производстве любого следственного действия ход его производства отражается в протоколе – это процессуальный документ, который в дальнейшем при судебном разбирательстве служит источником доказательственной информации. Однако возникает закономерный вопрос: необходимо ли следователю отражать в протоколе факт дачи проживающими в жилом помещении лицами согласия на производство осмотра, обыска или выемки? Исходя из содержания уголовно-процессуального законодательства делать это следователю не требуется, и это не будет считаться нарушением закона. Вместе с тем, возникают трудности в доказывании того факта, что действительно до момента производства осмотра следователь поинтересовался у всех лиц, которые проживают в жилище, может ли он реализовать свои полномочия, и они не возразили против этого. По нашему мнению, необходимо на законодательном уровне определить, что в обязанности следователя входит отражение согласия или несогласия всех лиц, которые проживают в жилище, на производство того или иного следственного действия в протоколе, в котором фиксируются все результаты, полученные по итогам его проведения.

Таким образом, нам удалось выявить следующие проблемы обеспечения права личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве. В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве не содержится указания на характер, а также степень ограничения права личности на неприкосновенность жилища при производстве мер принуждения и других следственных действий, за исключением осмотра, выемки и обыска. По нашему мнению, данное обстоятельство является серьезным упущением со стороны законодателя, которое создает почву для злоупотреблений со стороны правоприменителя, поскольку фактически выбор характера и степени ограничения неприкосновенности жилища он осуществляет самостоятельно. Законодатель прямо не предопределяет порядок и форму получения следователем согласия от лиц, которые проживают в жилище, на производство осмотра, обыска или выемки. В законе должно быть закреплено положение, предусматривающее, что следователь должен отразить в письменном виде в протоколе, в котором фиксируются ход и результаты производства следственного действия, согласие или несогласие проживающих в жилище лиц относительно того, допускается ли следователю осуществить запланированное следственное действие. Если проживающий отказывается следователю в производстве запланированного следственного действия, об этом делается соответствующая запись в протоколе, и данное обстоятельство является основанием для возбуждения перед судом ходатайства о производстве того или иного следственного действия.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52. Ст. 4921.
3. Ишмухаметов Р.З., Матвиенко И.В. Актуальные проблемы применения норм о неприкосновенности жилища при расследовании преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №3. С. 195-198.
4. Тарасенко, В. В. Проблемы применение норм о неприкосновенности жилища в уголовном процессе Российской Федерации / В. В. Тарасенко // Аллея науки. 2017. Т. 5, № 16. С. 648-651.

Воронина А.О., Денисюк М.А., Кулакова Н.Г.
Факторы, способствующие совершению преступных деяний сотрудниками
уголовно-исполнительной системы

*(ф) ФГБОУ ВО «РГУП»
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-405

Аннотация

Работа посвящена анализу преступного поведения сотрудников исправительных учреждений в отношении осуждённых. Актуальность научного исследования состоит в том, что сотрудники исправительных учреждений, призванные исправлять и готовить осужденных к законопослушной жизни, достаточно часто сами совершают различной степени правонарушения, которые могут приобретать форму преступлений. На основании статистических данных функционирования отечественных исправительных учреждений авторами исследованы точки зрения специалистов в сфере юриспруденции и изложены основные причины и условия совершения сотрудниками исправительных учреждений насильственных действий в отношении осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, осужденные, физическая сила, специальные средства, исправление осужденных, преступное поведение, федеральная служба исполнения наказаний, законность, права человека.

Abstract

The work is devoted to the analysis of the criminal behavior of correctional officers in relation to convicts. The relevance of the scientific research lies in the fact that correctional officers, called upon to correct and prepare convicts for a law-abiding life, quite often commit offenses of varying degrees themselves, which can take the form of crimes. On the basis of statistical data on the functioning of domestic correctional institutions, the authors investigated the points of view of specialists in the field of jurisprudence and outlined the main reasons and conditions for the commission of violent acts against convicts by correctional officers.

Keywords: penal enforcement system, convicts, physical force, special means, correction of convicts, criminal behavior, federal penitentiary service, legality, human rights.

Функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы должно строиться на неукоснительном соблюдении законности ввиду того, что они являются составной частью органов государственной власти, а сотрудники уголовно-исполнительной системы, работающие в них, должны отличаться повышенной требовательностью, глубоким осмыслением верховенства закона и недопустимости противоправного поведения, выражающегося в нарушении административного и уголовного законодательства.

Однако с точки зрения практического анализа, правомерность соблюдения нормативных актов вынуждена ставиться под сомнение. Сотрудники исправительных учреждений, призванные исправлять и готовить осужденных к возвращению в социальную среду, достаточно часто сами преступают закон. Как правило, совершаемые деяния носят насильственный характер и причиняют осужденным непоправимый ущерб.

Над проблемами обеспечения безопасности в исправительных учреждениях Российской Федерации научное сообщество задумывается уже продолжительное время, и посему освещает её с разнообразных точек зрения – наиболее значимыми в данной сфере являются работы А.В. Звонова, С.А. Хохрина, А.М. Смирнова. Однако несмотря на прикладываемые усилия, проблема своей актуальности не теряет, а отрицательные показатели подобного поведения продолжают расти.

Как указывает А.В. Кудряшов, в учреждениях на сегодняшний день проходит службу максимальное количество сотрудников, находящихся в штате Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), поэтому и уровень преступности в них относительно выше. [4]

Так, по состоянию на 01 января 2024 года, штатная численность персонала учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), финансируемого из средств федерального бюджета, составляет 224 042 чел., включая, в том числе, начальствующий состав в количестве 225 285 чел.

В 2022 году число жалоб осужденных о незаконном применении физической силы и спецсредств сотрудниками уголовно-исполнительной системы (УИС) выросло на 25,2 % по сравнению с предыдущим, о чём прямо свидетельствуют данные из обзора ФСИН России. Количество жалоб на неправомерные действия сотрудников, связанных с исполнением служебных обязанностей, увеличилось на 16,1%. В этой связи достаточно демонстративен судебный процесс, прошедший в начале сентября 2018 года в Омске, когда сотрудник колонии № 7 был осужден на 2 года за поощрение пыток и издевательств над осужденными: используя властные полномочия, он в 2015-2016 годах руководил противоправными действиями группы осужденных по отношению к вновь прибывшим в исправительное учреждение (далее – УИ).

В 2023 году в отношении сотрудников учреждений и органов УИС было вынесено более 180 обвинительных заключений. Из них 12 преступлений квалифицировались как мошенничество (ст. 159 УК РФ), 6 — присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), 7 — злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), 44 — превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), 43 — получение взятки (ст. 290 УК РФ) и

другие. В соответствии с изложенным считаем уместным отметить основные причины, способствующие совершению подобных правонарушений сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Как отмечает А.В. Звонов, это может быть связано с регулярной сменой руководства ФСИН России и, как следствие, сменой большого количества руководителей в территориальных органах ФСИН России. [3]

Некоторые правоведы, например Л.Ю. Перемолотова и С.Л. Сусликова, придерживаются мнения, что причины преступного поведения сотрудников исправительных учреждений носят как объективный, так и субъективный характер.

К объективным причинам авторы относят прежде всего социальную нестабильность в российском обществе, негативно сказывающуюся на материальном, моральном, правовом и социально-бытовом положении большинства сотрудников уголовно-исполнительной системы. Отсюда у наиболее склонных к стрессу сотрудников возникает состояние психического дискомфорта, обострение которого может приводить к срывам, крайним проявлением которых становится противоправное поведение.

Применительно к факторам субъективного характера, обуславливающих преступность сотрудников исправительных учреждений, существенное значение имеют уровень и состояние правовой культуры. Негативное влияние на действия сотрудников оказывает деформация их правосознания, низкий уровень их нравственно-правового просвещения, а также дефекты моральной сферы (например, отрицание положительных качеств человека, безответственное отношение к служебным обязанностям, неумение противостоять провоцирующему влиянию преступной среды и сдерживать себя в состоянии повышенного эмоционального возбуждения). [5, с. 151]

Объективные же условия преступности в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы непосредственно взаимосвязаны с недостатками организационного или технического порядка. Одним из них является слабый контроль за деятельностью сотрудников, преимущественно ведомственный, который направлен на выявление нарушений оперативно-служебной, производственной, кадровой и иной деятельности учреждения, соблюдение персоналом законности, а также обеспечение прав и законных интересов осужденных.

К субъективным условиям, детерминирующим преступность сотрудников ИУ, уместно отнести социально-психологические особенности пенитенциарных работников.

Предполагается, что перегруженность работой также негативным образом отражается на преступном поведении сотрудников исправительных учреждений. Указанное проявляется в формализме и халатном отношении сотрудников к своим функциональным обязанностям, в неразборчивости в средствах при решении поставленных задач.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что перечисленные причины и условия объективного и субъективного характера, взаимодействуя между собой, порождают преступное поведение сотрудников исправительных учреждений.

На основании уже упомянутых факторов считаем целесообразным перечислить и иные причины, сформулированные в работе А.М. Смирнова:

- неправильное толкование некоторыми сотрудниками УИС чувства долга и интересов службы, приводящее к превышению должностных полномочий;
- искаженно-отрицательное восприятие некоторыми сотрудниками ИУ осужденных к лишению свободы: как лиц, с которыми необходимо обращаться только пренебрежительно;
- недостатки в переподготовке для последующей работы в учреждениях УИС и повышении квалификации сотрудников данных учреждений в направлении усвоения обучаемыми необходимых знаний о применении физической силы и специальных средств в рамках закона;

- неблагоприятная социально-психологическая атмосфера в коллективе сотрудников ИУ, вызываемая стрессогенностью профессиональной деятельности и внутренними межличностными конфликтами;
- недостаточный и не всегда объективный внутриведомственный контроль за применением сотрудниками ИУ физической силы и специальных средств в рамках закона;
- отсутствие необходимого контроля за соблюдением в ИУ прав и свобод лиц, лишенных свободы, со стороны учреждений и организаций, занимающихся правозащитной деятельностью;
- недостаточное количество внутриведомственных проверок, направленных на установление профессиональной пригодности сотрудников ИУ к действиям в ситуациях, связанных с применением физической силы и специальных средств. [6]

С точки зрения А.В. Кудряшова, довольно значимую роль в предупреждении насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осужденных, играют кадровые подразделения ФСИН России, которые организуют кадровое обеспечение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также подготовку кадров в образовательных организациях высшего образования и дополнительного профессионального образования ФСИН России. [4]

Помимо этого, реализуя профилактическую работу среди сотрудников учреждений, исполняющих наказание, с целью воспрепятствования в будущем применению насилия в отношении осужденных, подразделения территориальных органов УИС должны на стадии приема на службу во ФСИН России выявлять лиц, страдающих вспышками гнева, или же склонных к насилию. Распознаванием определённых проблем, которые могли бы отразиться на несении службы, занимается медико-санитарная часть ФСИН России в процессе обследования при прохождении кандидатами военно-врачебной комиссии. В отношении уже работающего персонала проводятся проверки во время ежегодного медицинского осмотра. Считаем, что пристальное наблюдение должно осуществляться за теми сотрудниками учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, которые ежедневно общаются с осужденными, гипотетически подвержены профессиональной деформации и могут быть враждебно настроены в отношении осуждённых.

Значительное место в профилактике исследуемых преступлений занимают аттестационные комиссии, цель деятельности которых заключается в определении соответствия сотрудника замещаемой должности в уголовно-исполнительной системе. Такая процедура проводится один раз в четыре года, закреплённая статьёй 33 Федерального закона от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [1] и Приложением №6 к приказу Министерства юстиции РФ от 5 августа 2021 года №132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». [2] Внеочередная аттестация сотрудника проводится в том числе в случае, если он не прошел проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. До вынесения решения о соответствии замещаемой должности в уголовно-исполнительной системе сотрудник отстраняется от исполнения служебных обязанностей, а комиссия по результатам его аттестации может принять решение, что он не соответствует замещаемой должности и подлежит увольнению со службы.

Подводя итоги, следует отметить, что совершение преступлений сотрудниками УИС противоречит основным принципам законности и справедливости, на которых строится правовая система государства. Это нарушает права осужденных, усугубляет их положение и способствует дальнейшему развитию криминального поведения среди заключённых. В результате могут возникнуть конфликты между осужденными и

персоналом исправительных учреждений, что создает угрозу безопасности как для самих сотрудников, так и для других лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Таким образом, борьба с преступностью среди сотрудников УИС является важным элементом обеспечения правопорядка и защиты прав граждан. Для предотвращения подобных инцидентов необходимо совершенствовать механизмы контроля за деятельностью персонала, повышать уровень профессиональной подготовки сотрудников и обеспечивать строгую ответственность за нарушение закона.

1. Федеральный закон от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=467046> (дата обращения: 18.11.2024)
2. Приказ Министерства юстиции РФ от 5 августа 2021 года №132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/401601658/> (дата обращения: 18.11.2024)
3. Звонов А. В. Некоторые особенности характеристики преступности сотрудников пенитенциарных учреждений // А. В. Звонов, С. А. Хохрин // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30 (1–4), № 1. – С. 58–64. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 1.58-64
4. Кудряшов А. В. Анализ насильственных действий, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых и некоторые меры по их профилактике // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-nasilstvennyh-deystviy-sovershaemyh-sotrudnikami-ispravitelnyh-uchrezhdeniy-v-otnoshenii-osuzhdennyh-i-nekotorye-meru-po-ih> (дата обращения: 18.11.2024)
5. Перемолотова Л.Ю., Сусликова С.Л. Причины преступного поведения сотрудников исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система в современном обществе и перспективы ее развития (посвящается 135-летию уголовно-исполнительной системы и 80-летию Академии ФСИН России): сборник тезисов выступлений участников Международной научно-практической конференции в 2-х томах. – Рязань, 27 ноября 2014 г. – Т.1. Академия ФСИН России. – Том 1, 2014. – С. 150-153
6. Смирнов А.М. Основные причины и условия совершения сотрудниками исправительных учреждений насильственных действий в отношении осужденных // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-prichiny-i-usloviya-soversheniya-sotrudnikami-ispravitelnyh-uchrezhdeniy-nasilstvennyh-deystviy-v-otnoshenii-osuzhdennyh> (дата обращения: 18.11.2024)

Вторникова В.В.

**Особенности правового регулирования брокерской деятельности
на российском фондовом рынке**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-406

Научный руководитель: Власова У.А.

Аннотация

В научной статье автором рассматривается аспект правового регулирования брокерской деятельности на российском фондовом рынке. Исследуются положения гражданского законодательства в части различных видов договоров, которыми пользуется брокер при осуществлении своей деятельности. Кроме того, рассматривается аспект лицензирования, которое является обязательным для профессиональных участников рынка ценных бумаг. Автор приходит к выводу о том, что, учитывая относительную молодость такого феномена как фондовые рынки в РФ, законодательство, регулирующее отношения, возникающие в данной сфере, закономерно находится в постоянном развитии.

Ключевые слова: фондовые рынки, брокерская деятельность, рынок ценных бумаг, правовое регулирование, договор брокерского обслуживания, дилерская деятельность.

Abstract

In the scientific article, the author examines the aspect of legal regulation of brokerage activities on the Russian stock market. The article examines the provisions of civil legislation in terms of various types of contracts that a broker uses in carrying out his activities. In addition, the aspect of licensing is considered, which is mandatory for professional participants in the securities market. The author comes to the conclusion that, given the relative youth of such a phenomenon as stock markets in the Russian Federation, legislation regulating relations arising in this area is naturally in constant development.

Keywords: stock markets, brokerage, securities market, legal regulation, brokerage service agreement, dealer activity.

Фондовый рынок представляет собой финансовый институт, позволяющий совершать сделки по купле-продаже ценных бумаг, таких как акции, облигации, фьючерсы, опционы и другие. На современном этапе изучение фондового рынка не теряет своей актуальности, как в экономической, так и юридической науках. Конъюнктура, сложившаяся на глобальной политической арене в последние годы, оказывает принципиальное влияние на экономические и финансовые процессы. Исключением из этого не являются и рынки ценных бумаг. По этой причине возникает необходимость более внимательного и тщательного подхода к организации торговли на фондовом рынке. Кроме того, немаловажное значение в данном вопросе имеет и регулирование деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг.

К профессиональным участникам рынка ценных бумаг, в соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 года № 39-ФЗ относятся: брокеры, дилеры, форекс-дилеры, управляющие, депозитарии, регистраторы, а также иные лица, осуществляющие деятельность, указанную в ст. 6.1 данного Федерального закона [2]. Важно отметить, что таковыми могут быть признаны исключительно юридические лица, созданные в соответствии с установленными законодательством правилами.

В соответствии со ст. 3 упомянутого Федерального закона брокерская деятельность представляет собой «деятельность по исполнению поручений клиента на совершение гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и (или) на заключение договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, осуществляемая на основании возмездных договоров с клиентом» [2]. Необходимо разграничивать брокерскую и дилерскую деятельность. Действительно, оба участника осуществляют посредническую деятельность, однако, анализируя дефиниции брокерской и дилерской деятельности, представленные в Федеральном законе № 39-ФЗ, можно выделить их основные отличия.

Во-первых, существенным отличием является то, что дилер в своей деятельности руководствуется исключительно собственными интересами, осуществляя все сделки от своего имени и за собственный счет. В свою очередь, брокер, обеспечивает приоритет интересов клиента над собственными, заключает сделки от его имени и за его счет [3, с. 133]. Кроме того, дилер может оказывать прямое влияние на процесс рыночного ценообразования, поскольку при осуществлении торговли устанавливает свою цену, которая может быть выше рыночной. В то время как брокер не влияет на котировки, поскольку он не торгует активами, а лишь осуществляет сделки для своих клиентов.

Важным аспектом регулирования работы брокера является лицензирование его деятельности. Положением Центрального банка Российской Федерации от 27.07.2015 № 481-П регламентируется процедура получения лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление брокерской деятельности. В первую очередь, данным нормативным правовым актом устанавливается недопустимость совмещения брокерской деятельности с некоторыми иными операциями с финансовыми инструментами на рынке ценных бумаг. Принимая во внимание тот факт, что брокерские

услуги могут осуществлять только юридические лица, основное требование для получения лицензии – это наличие собственных средств в размере не менее 15 млн рублей, а также работников, соответствующих квалификационным требованиям [6]. Также правовое регулирование процедуры лицензирования осуществляется на основе Положения Центрального Банка Российской Федерации от 29.06.2022 № 798-П. ЦБ РФ ведет реестр организаций, имеющих действующие лицензии на осуществление брокерской деятельности. В настоящий момент данный реестр содержит 256 наименований организаций, большинство из которых являются коммерческими банками.

Как отмечает А.Э. Мельниченко, схема отношений, представленная в нормодефиниции брокерской деятельности, соответствует модели агентского договора [4, с. 171]. Данный вид договора регулируется главой 52 Гражданского кодекса РФ. Стоит также отметить, что брокерская деятельность осуществляется на основе договора комиссии и договора поручения, правовое регулирование которых регламентируется главами 49 и 51 ГК РФ соответственно. Однако в упомянутом Федеральном законе № 39-ФЗ законодатель не указывает на конкретный вид договора, на основании которого брокер осуществляет свою деятельность, но употребляет в отношении сделки между брокером и его клиентом понятие «договор брокерского обслуживания».

В соответствии с договором поручения поверенный, в нашем случае – брокер, обязуется совершить действия по купле-продаже ценных бумаг в интересах доверителя. Причем, данную сделку поверенный заключает от имени и за счет доверителя, у которого, в свою очередь, и возникают права и обязанности в результате совершения данных действий. Договор комиссии имеет определенную схожесть с поручением, однако есть одно существенное отличие. В данном случае комиссионер обязуется по поручению комитента осуществить сделку по купле-продаже ценных бумаг от своего имени, но за счет последнего. Кроме того, если комиссионер заключает сделку на более выгодных условиях, чем те, на которые изначально указывал комитент, то дополнительная выгода от сделки делится между сторонами пополам, если иное не предусмотрено соглашением сторон [1].

При осуществлении операций с ценными бумагами на фондовом рынке брокер должен руководствоваться определенным стандартизированным механизмом, который утвержден Протоколом ЦБ РФ от 29.09.2022 года № КФНП-37. Данный Базовый стандарт, во-первых, устанавливает условия и порядок исполнения поручений клиента. Отдельно указывается на необходимость заключения брокером сделки на лучших условиях. Для этого ему необходимо принимать во внимание ряд сведений, касающихся цены сделки, возможных рисков, возможности исполнения сделки в целом и др. В случае, если в силу определенных обстоятельств, брокер вынужден отступить от данного принципа, он обязан объяснить клиенту причины, побудившие его на это [5].

Таким образом, правовое регулирование брокерской деятельности на российском фондовом рынке представлено рядом нормативных правовых актов, включающих как Гражданский кодекс РФ, так и отдельные федеральные законы, а также акты Центрального Банка РФ. Брокерская деятельность осуществляется на основе как минимум трех видов договоров, регулируемых гражданским законодательством: договор поручения, комиссии и агентирования. Важной составляющей деятельности брокера является лицензирование, без которой, по сути, невозможно само осуществление данной деятельности. Кроме того, Центральным Банком РФ устанавливаются обязательные правила, которыми должен руководствоваться профессиональный участник рынка ценных бумаг.

Необходимо принимать во внимание тот факт, что появление первых фондовых бирж в России приходится на 90-е года прошлого столетия, что свидетельствует об

относительной молодости данной сферы. В то время как, допустим, в Соединенных Штатах Америки первые фондовые биржи появились в начале XIX века. В соответствии с этим, законодательство, регулирующее отношения, возникающие в данной сфере деятельности, так же находится в постоянном развитии и динамике. Кроме того, данная тенденция обосновывается еще и непрекращающимся процессом цифровизации, что порождает новые формы осуществления брокерской деятельности, что, в свою очередь, требует должной реакции законодателя в части их правового регулирования.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.
3. Лавренова Е.С. Особенности организации фондового рынка в Российской Федерации // *Juvenis scientia*. 2016. № 2. С. 132-135.
4. Мельниченко А.Э. Актуальные вопросы регулирования деятельности финансовых посредников и правоприменение брокерской деятельности // *WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS* : сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. В 2 частях, Пенза, 28 февраля 2018 года. Том Часть 2. – 2018. – С. 170-174.
5. Базовый стандарт совершения брокером операций на финансовом: Протокол Центрального Банка Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № КФНП-37 // [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Центрального Банка РФ. – URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90002/27> (дата обращения: 03.11.2024).
6. О лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничениях на совмещение отдельных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке и сроках представления в Банк России отчетов о прекращении обязательств, связанных с осуществлением профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, в случае аннулирования лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг: Положение Центрального Банка Российской Федерации от 27 июля 2015 г. № 481-П // [Электронный ресурс]. – Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420292250> (дата обращения: 20.10.2024).

Гайдыдей О.Е.

Договор аренды: общая характеристика и особенности договора

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-407

Аннотация

Данная научная статья посвящена анализу сущности договора аренды. Работа содержит характеристику, а также выявленные особенности договора аренды, а именно субаренды.

Ключевые слова: договор аренды, гражданское право, Гражданский кодекс Российской Федерации, арендодатель, арендатор, субаренда.

Abstract

This scientific article is devoted to analyzing the essence of the lease agreement. The work contains the characterization, as well as the identified features of the lease agreement, namely sublease.

Keywords: lease agreement, civil law, Civil Code of the Russian Federation, lessor, lessee, sublease.

Договор аренды представляет собой одну из наиболее распространённых форм отношений по возмездной передаче имущества во временное пользование. Арендные отношения регулируются, в первую очередь, Гражданским кодексом Российской Федерации.

Федерации (далее — ГК РФ), а именно главой 34. Данная глава содержит положения об аренде, а также отдельным видам договора аренды.

Договор аренды является важным инструментом в гражданском обороте, поскольку он предоставляет сторонам возможность использовать имущество без необходимости его приобретения. Это особенно актуально в условиях динамично меняющейся экономики, где компании и физические лица могут сталкиваться с неопределённостью и изменениями в потребностях [4].

Во-первых, автор данной научной статьи считает, что аренда позволяет снизить финансовые риски. Вместо того чтобы вкладывать значительные средства в покупку имущества, стороны могут арендовать его на определённый срок, что позволяет оптимизировать денежные потоки и избежать крупных одноразовых расходов.

Во-вторых, гибкость аренды даёт возможность быстро адаптироваться к изменениям на рынке. Например, бизнес может арендовать офисные помещения или производственные площади в зависимости от текущих потребностей, не связывая себя долгосрочными обязательствами. Это особенно важно для стартапов и малых предприятий, которые могут испытывать колебания в спросе на свои услуги.

Общие положения об аренде применяются в случаях, если конкретных (специальных) норм, регулирующих определённый вид договора аренды, недостаточно. Помимо этого, общие положения могут применяться и к договору аренды, который не может быть отнесён ни к одному из видов, который регулирует ГК РФ.

Глава 34 ГК РФ содержит перечень видов договоров аренды, к нему относятся прокат, аренда транспортных средств, аренда зданий и сооружений, аренда предприятий и лизинг (финансовая аренда).

Существует множество кодексов и специальных законов, а также подзаконных актов, которые регулируют различные виды аренды и частные аспекты договоров аренды. Например, Земельный кодекс Российской Федерации устанавливает правила, касающиеся аренды земельных участков. К таким актам также можно отнести Лесной кодекс Российской Федерации и Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации. Каждый из этих кодексов содержит разъяснения и нормы, касающиеся аренды соответствующих объектов [2].

Договор аренды, или же имущественный найм, в соответствии со ст. 606 ГК РФ, предполагает, что: «По договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью». То есть, основной целью заключения договора аренды является передача какого-то имущества в пользование за плату. При этом договор аренды может предполагать передачу как одного правомочия (пользование), так и двух сразу (пользование и владение) [1].

Следует отметить, что договор аренды является возмездным, двусторонне обязывающим и консенсуальным соглашением. В качестве сторон выступают арендодатель и арендатор. Арендодателем могут быть как физические, так и юридические лица, а также публично-правовые образования, обладающие правом собственности на арендуемое имущество. Законные представители, уполномоченные на заключение сделки, могут действовать от их имени. Правовой статус арендодателя имеет значение на протяжении всего срока действия договора.

Авторы учебного пособия для вузов «Договорное право» — Козлова М.Ю., Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чаркин С.А. — также подчеркивают, что участниками арендных отношений могут быть субарендаторы [2]. Субарендатор — это арендатор второго уровня, который получил право временного пользования объектом по договору субаренды. Субаренда представляет собой передачу в аренду уже арендованной

недвижимости третьему лицу. Как субаренда, так и перенайм возможны лишь при условии согласия арендодателя, которое может быть оформлено как в самом договоре аренды, так и в отдельном документе.

Говоря о предмете договора аренды, стоит обозначить, что он должен быть определён в самом договоре, так как представляет собой существенное условие. Договор аренды обязан содержать данные, позволяющие определённо установить имущество, подлежащее передаче арендатору. Предметом договора аренды выступает индивидуально-определённая непотребляемая вещь, так как по окончании действия соглашения арендодателю должна быть возвращена та же вещь, с учётом нормального [3].

Срок договора аренды, как правило, определяется сторонами в договоре. В случае, если в договоре не указан срок, то такой договор считается заключённым на неопределённый срок [4]. В этом случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества за три месяца. Законом или договором может быть установлен иной срок для предупреждения о прекращении договора аренды, заключённого на неопределённый срок.

Законом могут устанавливаться максимальные (предельные) сроки договора для отдельных видов аренды, а также для аренды отдельных видов имущества. В этих случаях, если срок аренды в договоре не определён и ни одна из сторон не отказалась от договора до истечения предельного срока, установленного законом, договор по истечении предельного срока прекращается.

Договор аренды, заключённый на срок, превышающий установленный законом предельный срок, считается заключённым на срок, равный предельному [1].

В заключение, проведённый краткий анализ сущности договора аренды и его особенностей, в том числе субаренды, позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, договор аренды представляет собой важный инструмент в гражданском обороте, обеспечивающий гибкость и доступность использования имущества для сторон, что особенно актуально в условиях динамично меняющейся экономики. Во-вторых, особенности субаренды, как одной из форм аренды, подчеркивают необходимость тщательного регулирования прав и обязанностей сторон, что способствует минимизации рисков и конфликтов. В результате, данное исследование не только углубляет понимание теоретических аспектов аренды, но и имеет практическое значение для участников арендных отношений, позволяя им более эффективно управлять своими правами и обязанностями. Выявленные особенности договора аренды и субаренды могут стать основой для дальнейших исследований в области гражданского права и его применения в практике.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023). // Собрание законодательства Российской Федерации.
2. Договорное право : учебное пособие для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин ; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 348 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16965-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/539009>
3. Разумовская, Е. В. Договорное право. Особенная часть : учебник для вузов / Е. В. Разумовская. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 449 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18399-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/534927>
4. Магомедов Г.Г. ДОГОВОР АРЕНДЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ // Международный научный журнал Вестник наука. - 2023. - №7 (64). - С. 154-155.

Ганаева Е.Э.

**Коррупция и коррупционные преступления
как угроза национальной безопасности**

*Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-408

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы обеспечения национальной безопасности с использованием ключевых компонентов сегодняшней правовой политики в области борьбы с коррупцией, а кроме того, ее истории, особенностям возникновения и идеологическому фундаменту.

Ключевые слова: уголовная политика, национальная безопасность, коррупция, коррупционные преступления, коррупциогенные факторы, коррупциогенность правовой нормы.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the problem of ensuring national security using the key components of today's legal policy in the field of combating corruption, as well as its history, peculiarities of origin and ideological foundation.

Keywords: criminal policy, national security, corruption, corruption crimes, corruption-related factors, corruption-related legal norms.

Основная задача оперативно выполненной оценки законопроекта – изъять его содержание от пунктов, оставляющих «лазейки» для коррупционеров, причем порой вставляемых осознанно, чтобы сохранить видимую «легитимность» противозаконного обогащения.

Важность регулярного анализа законодательства на предмет коррупциогенности отдельных норм получила широкое признание в мире. Конвенция ООН за 31.10.2003 года, к которой присоединились многие страны, включая Россию, включает важный пункт о превентивных мерах в отношении коррупции. Этот пункт гласит, что все страны-участники обязуются систематически переоценивать законодательные акты, чтобы выявить их соответствие требованию о превенции коррупции и добросовестной борьбе с данным явлением.

Руководство, по первичной оценке коррупциогенности законопроекта, предназначено не только для экспертного сообщества, но и для законотворцев. Не исключено, что его опубликование будет катализатором и породит множество дискуссий вокруг рассматриваемого вопроса, а также поможет выработать новые, более эффективные методы оценки коррупциогенности законопроектов, и поспособствует их широкому распространению. Результатом станет повсеместное признание оценки коррупциогенности и дальнейшего внесения корректировок в законопроекты неотъемлемым этапом законотворческого процесса, без которого нельзя будет принять ни один закон.

Рассмотрим самые известные в отечественном нормотворчестве факторы, способствующие высокой коррупциогенности законов. Квалифицированный эксперт способен дать адекватную оценку вероятности эксплуатации коррупционерами отдельных положений разрабатываемых законопроектов или уже существующих законов. Из рациональных соображений в дальнейшем мы будем именовать их коррупционными факторами.

Коррупционные факторы можно разделить на категории, связывающие разные нюансы выполняемой оценки коррупциогенности. Данные категории дают возможность понять, насколько строго соблюдаются принципы юридической техники, правильно ли

определены границы зоны ответственности госслужащих и соответствуют ли они общепринятой практике использования законодательства в исследуемой области.

Зачастую диспозиция нормы права (регламентация требований к поведению) обладает отсылочным (отсылка к другому положению конкретного закона) либо бланкетным характером (предоставление федеральным либо региональным госорганам права на самоличную регламентацию требований к поведению) [1,с.19].

Коррупциогенность рассматриваемого фактора заключается в том, что, позволяя госорганам детально регулировать определенные отношения (чаще всего, порядок и сроки исполнения определенных полномочий), законотворцы тем самым обеспечивают должностным лицам возможность устанавливать условия из соображений собственного комфорта, без учета интересов населения. Данное обстоятельство представляется нам опосредованно коррупциогенным потому, что упрощает появление очевидно коррупционных факторов (подобных неоправданному расширению законных полномочий, завышению требований, предъявляемых к гражданам и организациям, произвольному изменению сроков оказания государственных услуг и пр.).

Обнаружить подобный фактор достаточно просто. В тексте, как правило, используются формулировки вроде следующей: «порядок и сроки, устанавливаются Правительством РФ, либо уполномоченным госорганом».

Лица, стремящиеся сохранить такие отсылки, аргументируют свою позицию следующим образом:

- законотворцы могут не разбираться в отличительных чертах управления, свойственных конкретной области, поэтому необходимо сохранить за органами исполнительной власти право единолично регулировать отдельные моменты (включая определение полномочий и регламентацию правил оказания услуг);
- учитывая, что оперативно изменить уже вступивший в силу закон намного труднее, чем внести актуальные корректировки в подзаконный акт, законодателям не стоит концентрироваться на «мелочах».

Не исключено, что в первые годы после распада СССР, когда отечественное законодательство еще было слишком «сырым», подобная аргументация казалась осмысленной. Однако к настоящему моменту эта позиция потеряла актуальность и должна подвергнуться пересмотру [2,с.29].

Проблему регулирования в рамках закона различных «частностей», а конкретно порядка и сроков, можно решить повышением профессионализма законодателей, непосредственно участвующих в законотворческой деятельности. Это, в числе прочего, подразумевает добавление консультации с экспертами, специализирующимися в соответствующей области, как обязательного этапа законотворческого процесса. Такое нововведение особенно важно потому, что в создании многих законопроектов принимают непосредственное участие органы исполнительной власти. Парламентарии, заручившись знаниями специалистов в вопросах коррупциогенности, смогут дать адекватную оценку тому, в какой степени рекомендуемые порядок и сроки принимают во внимание коррупционный риск.

Огромный потенциал нормотворческой деятельности в рамках ведомств и на местах также выступает коррупциогенным фактором наравне с рассмотренным ранее из-за избыточного количества отсылочных и бланкетных норм, поскольку позволяет регламентировать ряд ключевых вопросов, принимая соответствующие подзаконные акты. Иногда такой шаг можно считать обоснованным, однако всё же необходимо следить за тем, чтобы самые важные моменты регламентировались самой правовой нормой.

Нередко помимо уточнения положений закона и пояснения порядка их использования у госорганов возникает и другая потребность – разработка и утверждение правовых актов, касающихся процедурных моментов в обработке обращений граждан и

организаций, и т.п. Порой они вступают в противоречие с действующим законодательством.

Всесторонний анализ данного фактора можно выполнить в рамках стандартного контроля работы госорганов, для чего проверяющие должны давать экспертную оценку не только положениям законов, но и ведомственным актам. Необоснованное оставление таких «лазеек» для иных, не уполномоченных субъектов права, должно расцениваться как поощрение коррупции. Общеизвестно, что компании зачастую маскируют «подношения» госслужащим под представительские расходы [3, с.7].

Отсутствие узкоспециализированных, подробных запретов и ограничений для госслужащих в определенной сфере (налоги, таможня, управление госимуществом и т.п.). Данный фактор «идейно» приближен к другому – широте дискреционных полномочий. Подобное соседство обусловлено тем, что в обеих ситуациях неприемлемо оставление госслужащего «наедине» с заявителем, без должного регулирования этих отношений. То есть, чтобы снизить риск коррупции, необходимо принять за аксиому «склонность госслужащих поддаваться искушению». А искушения нередко возникают именно там, где присутствует возможность действовать полностью самостоятельно, без оглядки на закон.

Тем не менее, с точки зрения содержания между этими факторами есть большая разница. Тут имеется в виду не только строго заданная административная процедура, но и введение ограничений и запретов, выступающих элементами материального права.

1. Талапина Э.В. Коррупциогенность и закон. – М.: Изд. Института государства и права РАН, 2013. – С. 17-21.
2. Южаков В.Н. Противодействие коррупции. – М.: Изд. Фонда стратегических разработок, 2010. – С. 27-31.
3. Зорькин В.Д. Об угрозах конституционному строю России //Журнал российского права.2013.№ 6. – С. 4-9.

Ганаева Ю.Э.

Преступное банкротство: криминологические аспекты

*Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-409

Аннотация

В статье авторами отмечается что рассмотрение этой проблемы имеет особую актуальность в условиях глобальной экономической нестабильности, когда число таких дел увеличивается. В статье отмечены те направления предупреждения преступности криминального банкротства, которые, по мнению авторов, наиболее эффективны и актуальны для Российской Федерации.

Ключевые слова: криминальное банкротство, криминологическая характеристика, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве.

Abstract

In the article, the authors note that consideration of this problem is of particular relevance in the context of global economic instability, when the number of such cases increases. The article highlights those areas of crime prevention of criminal bankruptcy, which, according to the authors, are the most effective and relevant for the Russian Federation.

Keywords: criminal bankruptcy, criminological characteristics, intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, illegal actions in bankruptcy.

Анализ криминологических аспектов преступного банкротства считаем уместным начать с анализа не правомерных действий при банкротстве, которые занимают значительное место в проблематике уголовно-правового регулирования данной сферы. Неправомерные действия при банкротстве представляют серьезную проблему, как для правовой системы, так и для экономики в целом, и, соответственно, эффективное уголовно-правовое регулирование и противодействие этим действиям требуют комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, улучшение межведомственного взаимодействия и повышение уровня правоприменительной практики [1,с.270].

Противодействие преступлениям, связанным с банкротством, включает в себя как профилактические меры, так и действия по преследованию и наказанию виновных лиц, а уголовное законодательство предусматривает суровые наказания за неправомерные действия при банкротстве, включая лишение свободы, штрафы и конфискацию имущества. И, соответственно, недостаток эффективного контроля и преследования таких преступлений может подорвать доверие к финансовым институтам и создаст неблагоприятные условия для экономической стабильности [2,с.362]. Подчеркнем, что важным аспектом борьбы с неправомерными действиями при банкротстве является усиление мониторинга финансовой деятельности предприятий и физических лиц, и в этом контексте крайне важен обмен информацией между различными государственными и частными структурами, что позволяет более быстро и точно выявлять случаи мошеннических банкротств.

Анализ вопросов относительно преднамеренного банкротства позволяет сделать вывод о том, что оно представляет собой одну из наиболее острых и актуальных проблем в сфере криминальных банкротств и само это явление отождествляется с действиями должников, направленными на умышленное приведение предприятия или индивидуального предпринимателя к финансовому краху с целью извлечения личной выгоды или уклонения от погашения задолженностей [3,с.395].

Уголовно-правовое регулирование подобных преступлений сталкивается с множеством сложностей, связанных как с выявлением намерений должника, так и с доказательной базой для привлечения виновных лиц к ответственности:

- во-первых, доказательство преднамеренного банкротства требует установления не просто факта финансовой несостоятельности, а намеренного, целенаправленного поведения, направленного на создание условий для объявления банкротства. В данном случае исследованию подлежит экономическая деятельность предприятия, поведение его руководителей и финансовые операции, предшествующие началу банкротства, в частности, важно оценить, были ли приняты адекватные меры по предотвращению финансового краха или, наоборот, совершались действия, усугубляющие ситуацию, например, вывод активов, заключение заведомо невыгодных сделок или занижение имущественной базы [4,с.28].
- во-вторых, юридическое противодействие преднамеренному банкротству осложняется необходимостью четкого разграничения между незаконными действиями и законными бизнес-решениями, которые могли оказаться неэффективными по независимым от руководства причинам, и не всегда экономические трудности организации вызваны умышленными действиями, иногда предприятия сталкиваются с объективными финансовыми проблемами, обусловленными рыночными условиями, в таких случаях привлечение к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство может оказаться неправомерным [5,с.100].

Важным аспектом является и квалификация действий по преднамеренному банкротству в контексте других правонарушений, таких как мошенничество или

злоупотребление полномочиями: зачастую действия должников переплетаются с разнообразными преступными схемами, что требует комплексного подхода и межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, следовательно, для эффективного противодействия преднамеренному банкротству необходимо развитие методологий расследования, усовершенствование законодательной базы и повышение профессиональной подготовки специалистов, занимающихся расследованием экономических преступлений [6, с.112].

По нашему мнению, для достижения значительных результатов в борьбе с преднамеренным банкротством необходимо также повышение прозрачности финансовой отчетности и усиление контроля за деятельностью субъектов хозяйствования, а это, в свою очередь, предполагает создание условий, при которых выявление и наказание преднамеренного доведения до банкротства станет реальным шагом в предотвращении экономических преступлений и защите прав добросовестных кредиторов и инвестиционной среды в целом.

Важно отметить факт того, что особые сложности возникают при попытках привлечения к ответственности посредников и консультантов, оказывающих содействие в организации фиктивного банкротства: действующие правовые механизмы часто оказываются недостаточно эффективными для противодействия таким схемам, где проблемой является и отсутствие у правоохранительных органов специальной подготовки и ресурсов для проведения многоуровневых финансовых расследований, что нередко требует привлечения специалистов в области аудита и финансового анализа.

Резюмируя все выше сказанное отметим то, что:

- для эффективного противодействия фиктивному банкротству на государственном уровне необходимо развитие межведомственного взаимодействия и обмен информацией между налоговыми органами, правоохранительными структурами и судебными инстанциями и важным аспектом также является необходимость ужесточения наказаний за данное преступление, что должно включать не только лишение свободы, но и значительные финансовые штрафы, а также реализация механизмов реституции, направленных на возмещение ущерба кредиторам. По нашему мнению, профилактика фиктивных банкротств возможна через повышение прозрачности корпоративной отчетности и усиление контроля со стороны регуляторов над процессами управления и распоряжения активами;
- введение современных цифровых технологий и инструментов анализа больших данных также может значительно улучшить выявление признаков фиктивного банкротства на ранних стадиях, что позволит оперативно применять превентивные меры. Противодействие всем видам преступного банкротства требует комплексного подхода, учитывающего усовершенствование законодательной базы, улучшение правоприменительной практики и активное использование современных технологий для повышения прозрачности и подотчетности бизнеса.

1. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Соловьева В.В. Криминальные банкротства: основные аспекты и положения // Теневая экономика. 2023. Том 7. № 3. С. 265-276.
2. Паронян К.М., Хоменко С.М. Уголовно-правовая характеристика неправомерных действий при банкротстве: объективные и субъективные признаки // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2022. №1. С. 361-370.
3. Филиппова Е.О. Преднамеренное банкротство: история развития нормативного регулирования и меры противодействия // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. №4 (29). С. 393-398.
4. Арсланов И.Р. Понятие и сущность криминального банкротства // Экономика и социум. 2017. №11 (42). С. 97-101.
5. Зуй И.В. Ответственность за преднамеренное банкротство в российском законодательстве // Евразийская адвокатура. 2017. №4 (29). С. 101-103.
6. Марьина Н.Н. Банкротство как экономико-правовое явление и факторы, определившие установление уголовной ответственности за нарушение его процедуры // Общество и право. 2013. №1 (43). С. 110-118.

Ганаева Е.Э.

Проявления экстремизма в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды

*Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-410

Аннотация

В статье обосновывается актуальность противодействия киберэкстремизму как виду киберпреступности; авторами дается анализ информационно-телекоммуникационных технологий и их применение для совершения преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, киберэкстремизм, противодействие, деструктивное воздействие, предупреждение.

Abstract

The article substantiates the relevance of countering cyber extremism as a type of cybercrime; the authors analyze information and telecommunication technologies and their use for committing extremist crimes.

Keywords: extremism, cyber-extremism, counteraction, destructive impact, prevention.

В условиях глобализации и усиления информационных потоков, киберэкстремизм набирает новые обороты, используя высокие технологии для манипуляции сознанием широких масс, и сегодня киберэкстремизм является одной из наиболее острых и актуальных проблем современного информационного общества [1, с. 168]. Однако существует необходимость четкого разграничения киберэкстремизма от других видов информационного деструктивного воздействия на человека в киберпространстве, таких как дезинформация, кибербуллинг или распространение фейковых новостей. По моему мнению, определение границ и специфики киберэкстремизма позволит не только глубже понять его природу и механизмы распространения, но и разработать более эффективные методы борьбы с этой угрозой на международном уровне.

Преступления экстремистской направленности включают в себя действия, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также на пропаганду идеологии превосходства, эти деструктивные действия находят себе проявление в киберпространстве, где они могут приобретать особую остроту и масштаб из-за анонимности и расширенных возможностей для распространения информации [2, с. 71].

Отметим, что среди преступлений экстремистской направленности особое место занимают те, что совершаются с использованием цифровых технологий и интернет-ресурсов: это могут быть как распространение материалов, призывающих к экстремистской деятельности, так и целенаправленные кибератаки против определенных групп или организаций с целью дискредитации или вызова вреда [3, с. 92].

В отличие от других форм информационного деструктивного воздействия, экстремистская деятельность в киберпространстве имеет ярко выраженную цель — разжигание межгрупповой ненависти, что может привести к реальным конфликтам и столкновениям в обществе, и, соответственно, ключевым критерием, позволяющим разграничить экстремистские преступления от других видов информационного воздействия, является наличие призывов к насилию или пропаганда идеологии ненависти [4, с. 48].

Обратим внимание на то, что особенностью киберэкстремизма также является его трансграничный характер: информационные технологии не признают государственных границ, что затрудняет борьбу с распространением экстремистских идей и требует

координированных усилий на международном уровне [5, с. 254]. По нашему мнению, важную роль в противодействии такого рода преступлениям играют как государственные органы, так и частные компании, владеющие интернет-платформами, на которых может происходить распространение запрещённой информации, а сами преступления экстремистской направленности в киберпространстве требуют особого внимания со стороны общества и государства и активного применения как юридических, так и технологических мер противодействия, чтобы обеспечить безопасность и защиту прав граждан в цифровой среде [6, с. 34].

В условиях глобализационных процессов, информационно-телекоммуникационные технологии (ИТТ), огромными темпами внедряющиеся в жизнь современного общества, открывают перед человечеством не только беспрецедентные возможности для общения, развития и образования, но и создают плацдарм для совершения новых видов преступлений, в том числе экстремистской направленности, а в условиях киберпространства действия, направленные на разжигание ненависти или разделение общества, получают не только беспрецедентную скорость распространения, но и могут быть организованы анонимно, что значительно усложняет работу правоохранительных органов по идентификации и пресечению таких действий [7, с. 181].

Применение ИТТ для совершения экстремистских преступлений охватывает широкий спектр действий: от создания и распространения экстремистских материалов в интернете до использования социальных сетей и мессенджеров для вербовки новых членов экстремистских группировок и организации массовых беспорядков [8, с. 109]. В. А. Бугаев, А. В. Чайка, отмечают что «киберэкстремизм осложняется сложностью законодательного регулирования в сфере киберпространства, а их различия в юридическом восприятии и квалификации действий, совершаемых в интернете, разными странами, а также бурное развитие технологий делают международное сотрудничество в борьбе с киберэкстремизмом чрезвычайно необходимым, но одновременно и чрезвычайно сложным» [9, с. 46]. Тем не менее, по мнению авторов, «разработка и внедрение комплексных международных норм и стандартов, регулирующих деятельность в киберпространстве, включая эффективные механизмы обмена информацией и сотрудничества между странами, является ключевым элементом успешной борьбы с киберэкстремизмом» [9, с. 51].

Ю.А. Аккузин отмечает, что киберэкстремизм представляет собой распространение экстремистских материалов и идей через цифровые каналы с целью подрыва социальной стабильности, провоцирования ненависти или конфликтов между различными группами общества, и это одно из проявлений информационного деструктивного воздействия в киберпространстве, однако оно имеет свои специфические черты и отличается от других форм, таких как кибербуллинг, дезинформация или интернет-мошенничество [10, с. 113]. В свою очередь добавим, что, прежде всего, киберэкстремизм отличается целенаправленным характером распространения экстремистских идей или материалов и это не просто случайное обсуждение чувствительных тем в интернете, а систематическое и организованное распространение информации, направленное на достижение конкретных расовых, религиозных или политических целей.

1. Глазкова Л. В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права. 2021. №12 (133). С. 167-176.
2. Баранов В.В. Некоторые проблемы расследования и противодействия расследованию экстремистских преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Труды Академии управления МВД России. 2022. №1 (61). С. 70-80.
3. Абидов Р.Р. Преступления экстремистской направленности: проблемы квалификации и уголовно-правового анализа // Журнал прикладных исследований. 2021. №3. С. 90-94.

4. Панталева Н.С., Пархитко Н.П. Кибертерроризм и киберэкстремизм как современные угрозы национальной и международной безопасности // Юридическая наука. 2019. №3. С. 47-50.
5. Денисов Н.Л., Ромашкина Н.Ю. Классификация современных киберпреступлений // Уголовное право и информатизация преступности: проблемы теории, практики и преподавания: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции "Уголовное право и информатизация преступности: проблемы теории, практики и преподавания". Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя с участием Союза криминалистов и криминологов. 2018. С. 253 - 257.
6. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде // Вестник Академии права и управления. 2018. №3 (52). С. 32-36.
7. Шогенов Т.М. Терроризм в условиях глобализации. Кибертерроризм // Социально-политические науки. 2018. №3. С. 181-182.
8. Батоев В.Б. Преступления, совершаемые с использованием или применением информационно-телекоммуникационных технологий: способы их совершения и количественные характеристики // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. №3 (38). С. 101-112.
9. Бугаев В. А., Чайка А. В. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 43-52.
10. Аккузин Ю. А. Кибернетические преступления как новая угроза обществу // Закон и право. 2020. № 4. С. 112-117.

Ганзлик П.Р.

Отличие международного права от международного частного права

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-411

Аннотация

В настоящем исследовании анализируется, на основании каких характеристик международное право, именуемое также в научной литературе международным публичным правом, отличается от международного частного права. Автор по итогам проведенного анализа источников правового регулирования частных трансграничных отношений предлагает разработать и принять в нашем государстве единый кодифицированный акт, посредством которого будет осуществляться регулирование отношений, осложненных иностранным элементом.

Ключевые слова: международное право, международное частное право, трансграничные отношений, иностранный элемент, гражданская принадлежность.

Abstract

This study analyzes on the basis of which characteristics international law, also referred to in the scientific literature as public international law, differs from private international law. Based on the results of the analysis of the sources of legal regulation of private cross-border relations, the author proposes to develop and adopt a single codified act in our state, through which the regulation of relations complicated by a foreign element will be carried out.

Keywords: international law, private international law, cross-border relations, foreign element, citizenship.

Не каждый гражданин, который не обладает определенными знаниями в сфере юриспруденции, способен разграничить между собой две следующие отрасли российского права: международное право и международное частное право. То есть иногда указанные отрасли права могут перепутать между собой, однако в реальной действительности они совершенно отличаются друг от друга, и каждой из них присущи индивидуальные особенности. Необходимо подчеркнуть, что в научной литературе для обозначения международного права применяется и несколько другая формулировка,

которая звучит следующим образом: «международное публичное право» [1]. Употребление указанного термина в большинстве случаев обусловлено необходимостью четкого отграничения его от международного частного права.

Необходимо разобраться, чем отличается международное публичное право от международного частного права.

В первую очередь названные отрасли права отличаются друг от друга по субъектному составу и, соответственно, их различие состоит в предмете правового регулирования. И международное частное право, и международное публичное право, как отрасли права, представляют собой систему правил и норм, однако каждая из этих систем регламентируют взаимоотношения между разными субъектами. Так, международное право призвано регламентировать отношения между государствами, нациями, намеревающимися быть признанными независимыми, а также другими субъектами, которые в научной литературе именуют производными (вторичными) субъектами международного права. К числу последних относятся межправительственные организации, а также государственноподобные образования [2]. Что же касается международного частного права, то исходя из названия этой отрасли права можно судить о том, что ее предметом являются частные отношения (отношения между физическими и юридическими лицами, а не государствами, как в международном праве), однако не простые, а трансграничные. Исследователи именуют также отношения, которые регулирует международное частное право, отношениями, осложненными иностранным элементом. Возникает закономерный вопрос: что следует понимать под иностранным элементом? Для получения ответа на поставленный вопрос обратимся к работам Т.В. Глинщиковой. Автор выделяет несколько видов иностранного элемента.

Во-первых, отношения считаются осложненными иностранным элементом, если кто-либо из ее участников является иностранным физическим или юридическим лицом. То есть, если на территории Российской Федерации российский гражданин заключает договор с юридическим лицом, зарегистрированным и осуществляющим предпринимательскую деятельность на территории Германии, то такие отношения считаются трансграничными.

Во-вторых, иностранным элементом считается объект отношения, который расположен за рубежом. То есть участники отношений могут иметь гражданскую принадлежность одного государства, а объект международного коммерческого контракта, находить за пределами государства принадлежности, и тогда такие отношения будут считаться осложненными иностранным элементом. Например, по завещанию недвижимое имущество, которое находится на территории Швейцарии, должно перейти по наследству к лицу, имеющему гражданскую принадлежность Армении.

Третьим видом иностранного элемента выступает юридический факт, произошедший на территории другого государства [3]. М.У. Абуканова в одной из научных работ приводит следующий пример возникновения трансграничных отношений на основании юридического факта: самолет, принадлежащий на праве собственности США, во время полета над горнолыжным курортом, расположенным в Италии, врезался в горнолыжный подъемник, в результате чего погибло около двадцати человек [4].

Источники правового регулирования международных публичных и частных отношений разнятся, хотя некоторые из них применимы к обоим видам отношений. Например, публичные и частные отношения могут регулироваться международными договорами, общими принципами права и обычаями. Однако международные договоры, посредством которых осуществляется правовое регулирование частных трансграничных отношений, представляют собой совокупность унифицированных материально-правовых, а также коллизионных норм. Государства могут брать за основу унифицированные нормы, которые отражены в международных договорах, и внедрять их в национальное законодательство. Если отношения осложнены иностранным элементом, это означает, что между собой сталкиваются правовые системы разных государств. Объясняется это тем,

что нет двух совершенно идентичных правовых систем, нормы национального законодательства в каждом государстве разные, так как они формировались на протяжении продолжительного времени под воздействием многочисленных объективных факторов. Поэтому источниками международного частного права дополнительно являются национальные законодательства государств, в то время как для международного публичного права этот источник правового регулирования не является характерным. Напротив, к числу ее основных источников относятся акты международных организаций, а вспомогательными являются судебные решения и правовая доктрина [5].

Еще одно отличие между анализируемыми в настоящем исследовании отраслями права основывается на методе правового регулирования. Международное право имеет своим основным направлением обеспечение сотрудничества между государствами, по этой причине основной метод этой отрасли права – это согласование мнения и интересов указанных субъектов. Поскольку предметом правового регулирования международного частного права являются трансграничные имущественные и личные неимущественные отношения, выделяют общие методы регулирования, такие как свобода договора, равенство сторон, автономия воли, однако наряду с названными методами действуют специальные методы правового регулирования: коллизионный и материально-правовой.

Таким образом, международное право (именуемое исследователями также международным публичным правом) и международное частное право являются самостоятельными отраслями, которые отличаются друг от друга на основании следующих элементов: у названных отраслей разный субъектный состав; отличаются предмет и методы регулирования; источники закрепления норм, посредством которых регулируются отношения, входящие в предмет каждой отрасли, отличаются.

В настоящее время в нашем государстве правовое регулирование частных трансграничных отношений осуществляется большим количеством нормативно-правовых актов помимо международных договоров, в которых содержатся унифицированные коллизионные и материально-правовые нормы. Например, семейные трансграничные отношения регулируются Семейным кодексом РФ; наследственные, имущественные и иные гражданские трансграничные отношения – Гражданским кодексом РФ. Еще ряд федеральных законов наряду с Конституцией РФ являются источниками международного частного права. Наше государство признает международное частное право как самостоятельную отрасль права, а у каждой самостоятельной отрасли права, как правило, есть кодифицированный акт, регулирующий отношения, входящие в ее предмет. Целесообразно перенять опыт зарубежных стран, в которых есть специальные законы, в которых содержатся все правовые нормы, посредством которых осуществляется правовое регулирование частных правовых отношений (Турция, Венгрия, Италия и др.), разработать и принять федеральный закон «О международном частном праве».

1. Целищева, П. В. соотношение международного права и международного частного права // Моя профессиональная карьера. – 2023. – Т. 2, № 48. – С. 240-247.
2. Международное право : [учеб. пособие] / Н. Н. Меньшенина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 100 с.
3. Глинщикова, Т. В. Международное частное право : учеб.-метод. пособие. Краснодар : КубГАУ, 2016. 58 с.
4. Абукарова, М.У. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Международное частное право» для направления подготовки «Юриспруденция», профилей «Гражданское право», «Уголовное право». Махачкала: ДГУНХ, 2020. 340 с.
5. Ермолович, Г. П. Судебные решения и другие источники международного права: вопросы теории // Современные проблемы права и управления : 7-я Международная научная конференция: сборник докладов, Тула, 22–23 ноября 2017 года / Институт законовещения и управления ВПА. Том Выпуск 7. – Тула: ООО «Суворовская типография», 2017. – С. 72-77.

Гасимова С.С.

Защита личных данных в предпринимательской деятельности: вызовы и решенияНИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-412

Научный руководитель: Власова У.А.

Аннотация

Статья направлена на определение актуальных вызовов, которые возникают в Российской Федерации в сфере защиты персональных данных в предпринимательской деятельности. В исследовании решаются цели, связанные с определением причин нарушения законодательства о персональных данных субъектами предпринимательской деятельности, возможных последствий подобных действий. В заключении формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего юридическую ответственность за деяния, связанные с утечками персональных данных.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательское право, персональные данные, административная ответственность, уголовная ответственность.

Abstract

The article is aimed at determining the actual challenges that arise in the Russian Federation in the field of personal data protection in entrepreneurial activity. The study addresses the objectives related to the determination of the reasons for violation of legislation on personal data by business entities, the possible consequences of such actions. The conclusion formulates proposals to improve the current legislation regulating legal liability for acts related to personal data leaks.

Keywords: entrepreneurship, business law, personal data, administrative liability, criminal liability.

В последние несколько лет всё больше актуализируются проблемы, связанные с защитой персональных данных на различных уровнях. Во многом, факт возникновения подобных проблем обусловлен развитием и распространением цифровых технологий, которые сегодня активно используются гражданами и юридическими лицами, то в числе в процессе осуществления различных видов предпринимательской деятельности. Повышение уровня защищённости персональных данных важная цель, недостижение которой может повлечь наступление негативных последствий не только для отдельных граждан, но и для всей экономической системы государства в целом.

С.А. Устимова указывает на то, что защита персональных данных в предпринимательской деятельности необходима, так как наличие в информационных системах уязвимостей, используемых для хищения сведений, может спровоцировать возникновение определённых проблем. Среди наиболее серьёзных проблем автор называет:

- 1) злоупотребление правом на свободную конкуренцию, которое может находить своё выражение в хищении персональных данных предпринимателей, содержащих информацию об особенностях их деятельности, с целью выстраивания на её основании новой стратегии, «переманивания» клиентов и т.д.;
- 2) публикация в открытом доступе или тайная продажа персональных данных, которые в последствие используются злоумышленниками для совершения противоправных действий, например, мошенничества [6].

Г.М. Самостроев также делает выводы о том, что низкий уровень защищённости персональных данных влечёт за собой наступление негативных последствий для субъектов предпринимательства. Так, к примеру, публикация в открытом доступе персональных данных клиентов какой-либо организации может в последствие привести к их использованию в рамках мошеннической деятельности. Не редко такая деятельность сопровождается введением граждан в заблуждение, посредством формирования у них убеждения о том, что они осуществляют коммуникацию с представителем какой-либо существующей организации или конкретным индивидуальным предпринимателем, из базы которого были украдены персональные данные. Подобные деяния приводят не только к тому, что граждане претерпевают имущественный и иной вред, но и существенным образом сказываются на репутации отдельных субъектов предпринимательства, влияют на дальнейшие показатели их деятельности [5].

Согласимся с каждым из представленных выше мнений. Действительно, утечки персональных данных могут предполагать наступление абсолютно разнообразных последствий, каждое из которых обладает негативным характером и наносит вред общественным отношениям, а также отдельным их субъектам. Именно по этой причине необходимо, чтобы в Российской Федерации борьба с данным негативным явлением осуществлялась посредством осуществления всестороннего комплекса мер, которые не ограничиваются только совершенствованием информационных систем.

Так, Д.И. Рафеенкова утверждает, что предусмотренные действующим законодательством меры юридической ответственности, которые подлежат применению к субъектам предпринимательской деятельности, виновным в утечке персональных данных, не позволяют надлежащим образом мотивировать предпринимателей на осуществление действий, направленных на недопущение совершения подобных деяний. Иными словами, уровень строгости наказаний не соответствует характеру вредных последствий, которые влечёт за собой ненадлежащее исполнение обязательств по обеспечению защиты персональных данных [4].

Согласимся с Д.И. Рафеенковой. В качестве основной меры юридической ответственности для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, виновных в нарушении законодательства о персональных данных, выступает административный штраф. В некоторых случаях, предприниматели также привлекаются к гражданско-правовой ответственности, которая выражается в наложении на них обязательства по выплате компенсаций пострадавшим лицам, за причинённый в результате утечки моральный или иной вред.

Статья 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях закрепляет несколько составов правонарушений, которые предусматривают возможность применения мер административной ответственности к лицам, виновным в нарушении законодательства о персональных данных. Анализ положений данной нормы позволяет прийти к выводу, что наиболее строгое наказание, ею предусмотренное, выражено в виде административного штрафа, верхний предел которого не может превышать сумму в восемнадцать миллионов рублей. Следует оговориться, что применение данного наказания возможно только при выявлении факта повторного совершения правонарушения, указанного в ч. 9 ст. 13.11 КоАП РФ [1]. Несмотря на то, что подобные штрафы, на первый взгляд, представляется достаточно значительными, в ряде ситуаций, они могут не возыметь предполагаемого эффекта ввиду того, что не соблюден принцип соразмерности наказания и последствий противоправных действий.

По нашему мнению, проблемы, связанные с применением административных наказаний к предпринимателям, виновным в совершении указанных правонарушений, в первую очередь, обусловлены тем фактом, что законодателем не было предусмотрено подхода к определению суммы штрафа, учитывающего не только финансовое состояние субъекта противоправного деяния, но и объём персональных данных, которые были утрачены, а также степень вредных последствий, возможных к наступлению в результате их опубликования или тайной передачи злоумышленникам.

Следует отметить, что в государственных органах Российской Федерации уже предпринимаются действия, направленные на решение указанной проблемы. Так, на рассмотрении у Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации сейчас находится два законопроекта. Первый предусматривает внесение изменений в ст.

13.11 КоАП РФ, направленных на увеличение санкций за счёт использования новой системы определения размера административных штрафов, предполагающей учёт количества субъектов, чьи персональные данные подверглись утечке, а также годовой выручки виновного лица (актуально только для повторных правонарушений) [2]. Второй направлен на закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации составов преступлений, предусматривающих возможность применения к лицам, виновным в незаконной передаче персональных данных, а также осуществлении ряда иных действий, мер уголовной ответственности [3].

Таким образом, в заключении можно сделать вывод о том, что развитие и распространение цифровых технологий в Российской Федерации привело к возникновению широкого круга проблем, связанных с защитой персональных данных в предпринимательской деятельности. Анализ действующего законодательства позволил определить, что существующих мер юридической ответственности недостаточно для того, чтобы в действительности склонить субъектов предпринимательской деятельности к более добросовестному поведению в части выполнения своих обязательств по соблюдению законодательства о персональных данных. В этой связи, представляется вполне рациональным принять законодательные меры, направленные на усиление существующих мер административной ответственности, а также на введение уголовной ответственности за деяния, связанные с утечкой персональных данных.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.11.2024, с изм. от 12.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
2. Законопроект № 502104-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СОЗД: официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8#bh_note (дата обращения: 21.11.2024).
3. Законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СОЗД: официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8#bh_note (дата обращения: 21.11.2024).
4. Рафеенкова, Д.И. Анализ эффективности действующего законодательства в области защиты персональных данных при осуществлении предпринимательской деятельности / Д.И. Рафеенкова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 8. – С. 657-660.
5. Самостроенко, Г.М. Условия развития предпринимательской деятельности в области защиты персональных данных / Г.М. Самостроенко // Успехи современной науки. – 2017. – № 3. – С. 129-138.
6. Устимова, С.А. Защита персональных данных субъектов предпринимательской деятельности / С.А. Устимова // Криминологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 120-123.

Гасымова С.С.

Правовые основы регулирования финансирования избирательных кампаний кандидатов и избирательных объединений в Российской Федерации

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-413

Научный руководитель: Новикова А.Е.

Аннотация

Институт финансирования избирательных кампаний играет важнейшую роль в деле обеспечения принципа равенства кандидатов и избирательных объединений на выборах в Российской Федерации. Именно в следствие этой причины представляется важным и актуальным проведение исследований, направленных на выявление недостатков, которыми характеризуется данный институт. Цель исследования – анализ правовой основы регулирования финансирования избирательных кампаний кандидатов и избирательных объединений в Российской Федерации. Произведённое исследование позволило выявить недостатки нормативно-правового регулирования обозначенного

института, сформулировать пути их устранения, посредством модернизации актов действующего законодательства, ликвидации содержащихся в них пробелов.

Ключевые слова: избирательное право, избирательная кампания, избирательный фонд, финансирование, кандидат, избирательное объединение, политическая партия.

Abstract

The institution of campaign finance plays a crucial role in ensuring the principle of equality of candidates and electoral associations in elections in the Russian Federation. It is in consequence of this reason that it is important and relevant to conduct research aimed at identifying the shortcomings that characterize this institution. The purpose of the study is to analyze the legal basis for regulating the financing of election campaigns of candidates and electoral associations in the Russian Federation. The study allowed to identify the shortcomings of the legal regulation of the designated institution, to formulate ways to eliminate them, by modernizing the acts of current legislation, eliminating the gaps contained in them.

Keywords: electoral law, election campaign, election fund, financing, candidate, electoral association, political party.

Финансирование избирательных кампаний представляется одним из важнейших элементов, без которых организация избирательного процесса не может быть осуществлена в надлежащем порядке. Федеративное устройство России опосредует сложную, многоуровневую систему избирательного законодательства федерального уровня и субъектов России. Такой подход, помимо очевидных преимуществ, связанных с учётом региональной специфики, влечёт и некоторые недостатки, часть из которых имеет прямое отношение к нормативному правовому регулированию финансирования избирательных кампаний на уровне субъектов Российской Федерации и выборов в органы местного самоуправления.

В Российской Федерации финансирование избирательных кампаний регламентируется нормами нескольких нормативных правовых актов. В ст. 58 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» определен порядок, создания избирательных фондов. Так, на каждого кандидата возлагается обязательство, по созданию избирательного фонда, для финансирования избирательной кампании. Данное обязательство возникает сразу после того, как лицо получает уведомление о выдвижении его на выборах в качестве кандидата на должность в представительный орган государственной власти Российской Федерации или на должность Президента Российской Федерации. Здесь же содержится указание на то, что аналогичная обязанность может не распространять своё действие в отношении кандидатов на должности в органы местного самоуправления. Последнее возможно при соблюдении двух условий: 1) выборы проводятся на уровне муниципального образования, на территории которого проживает менее пяти тысяч избирателей; 2) кандидат не намеревается осуществлять финансирование своей избирательной кампании. Избирательные объединения, выдвигающие кандидатов на выборы, также наделяются обязанностью по созданию избирательного фонда в целях финансирования избирательной кампании.

Создание избирательных фондов кандидатов и избирательных объединений может быть осуществлено исключительно за счёт следующего перечня источников финансирования, чётко обозначенных в рассматриваемой правовой норме:

- 1) личных средств кандидата или избирательного объединения;
- 2) средств, которые были выделены для проведения избирательной кампании избирательным объединением, выдвинувшим кандидата на выборы;

- 3) пожертвований физических лиц и юридических лиц, которые осуществляются в добровольном порядке.

Не могут в качестве источника финансирования рассматриваться средства, выделенные юридическими лицами с иностранным капиталом, иностранными гражданами, лицами без гражданства, государственными и муниципальными органами [1]. Данное ограничение направлено на обеспечение суверенности избирательного процесса, его защиты от иностранного вмешательства.

Отдельные вопросы, связанные с финансированием избирательных кампаний, можно обнаружить и в специальных нормативных правовых актах об отдельных видах выборов. Так, ст. 58 Федерального закона от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» предусмотрено, что на каждого кандидата в Президенты Российской Федерации возлагается обязательство по созданию избирательного фонда. В отличие от Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ, данный нормативный правовой акт конкретизирует некоторые аспекты, связанные с формированием избирательных фондов. В частности, определяется предельная сумма всех расходов, которые кандидат может осуществить из средств созданного им избирательного фонда – 400 миллионов рублей. Аналогичная сумма для кандидатов, в отношении которых было назначено повторное голосование, не может превышать 500 миллионов рублей. Здесь же определяются ограничения для источников формирования избирательного фонда, например, собственные средства кандидата не могут превышать 10 %, тогда как добровольные пожертвования от физических лиц – 1,5% [2].

Аналогичные положения можно обнаружить и в ст. 71 Федерального закона от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В отличие от президентских выборов, выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предполагают значительно большую предельную сумму расходов, которая равняется 700 миллионов рублей. Кроме того, собственные средства политической партии могут рассматриваться в качестве прямого источника финансирования соответствующего избирательного фонда только при том условии, что они не превышают 50 % от предельной суммы, т.е. 350 миллионов рублей. Для добровольных пожертвований физических лиц также устанавливаются иные, более жёсткие ограничения – 0,07 % от предельной суммы. Примечательно, что в отношении пожертвований юридических лиц такой существенной разницы с президентскими выборами не наблюдается (3,5 % от предельной суммы) [3].

Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления также предполагают свою специфику финансирования избирательных кампаний. Как правило, данный аспект определяется на уровне субъекта Российской Федерации специальными нормативными правовыми актами. Так, Избирательный кодекс Белгородской области от 01.04.2005 г. в ст. 88 определяет порядок формирования избирательных фондов при выборах депутатов Белгородской областной Думы. Предельная сумма расходования денежных средств на указанных выборах не может превышать 1 миллиона 500 тысяч рублей. В ст. 90.1 Избирательного кодекса Белгородской области установлена предельная сумма, не превышающая 100 миллионов рублей. Достаточно интересным представляется тот факт, что ограничения на финансирование от различных источников при выборах в Белгородскую областную Думу определены конкретными суммами денежных средств, тогда как при выборах Губернатора Белгородской области процентами от предельной суммы. Предельные суммы расходов для выборов местного уровня не определены конкретно. Например, выборы депутатов представительных органов муниципальных образований предполагают предельную сумму, не превышающую количество денежных средств исчисленных «умножением числа избирателей в округе на 100 рублей и делением на число распределяемых депутатских мандатов в избирательном округе» [4].

Ряд вопросов, связанных с нормативным правовым регулированием финансирования избирательных кампаний, обладает проблемным характером. В частности, С.А. Спасова утверждает, что наиболее проблемным и спорным вопросом следует признавать определение предельных сумм, которые должны составлять расходы кандидатов и политических партий из средств избирательных фондов. По мнению автора, предельные суммы, которые указаны в актах действующего законодательства, на протяжении долгого времени не подвергались обновлению, что свидетельствует об отсутствии учёта экономического положения государства, а также произошедших в нём изменений, которые могут указывать на то, что ранее установленных ограничений по расходам в актуальных реалиях может оказаться недостаточно [9].

По нашему мнению, позиция С.А. Спасова по обозначенному вопросу является неоднозначной. С одной стороны, если проанализировать акты действующего законодательства, например, Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», то можно заметить, что изменения в нормы, определяющие предельные суммы расходов, не вносились с момента принятия указанного документа. Так, предельная сумма, равная 700 миллионам рублей, была закреплена в указанном документе 22 февраля 2022 г. и сохранила свою актуальность вплоть до сегодняшнего дня. Ещё более сложная ситуация наблюдается с Федеральным законом «О выборах Президента Российской Федерации». Анализ данного документа демонстрирует, что на текущий момент времени действуют предельные суммы, которые были установлены 21 июля 2005 г.

С другой стороны, нам не удалось обнаружить мнений российских политических и общественных деятелей, которые артикулировали то, что существующие пределы не позволяют кандидатам или политическим партиям в полной мере реализовать цели своей избирательной кампании. На основании сказанного можно сделать вывод, что ранее установленные предельные суммы по-прежнему позволяют удовлетворить все потребности кандидатов и политических партий, что, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии потребности внесения изменений в акты действующего законодательства в части регулирования рассмотренного вопроса.

В работах Р.Ю. Горлачева, П.И. Овчинникова, А.Т. Щербуняева [7] и Л.А. Нудненко [8] обсуждаются проблемы, связанные с определением предельных сумм расходов из средств избирательных фондов. В отличие от С.А. Спасовой, обозначенные авторы основной акцент делают на проблемах, которые связаны с нормативным правовым регулированием финансирования избирательных кампаний на региональных и местных выборах. Так, по мнению исследователей, на сегодняшний день не выработано единственного подхода к определению предельных сумм, что допускает возможность, в ряде субъектов Российской Федерации, осуществлять предвыборную борьбу вопреки принципу равенства кандидатов.

Выделенная выше проблема, как нам кажется, в действительности актуальна. Анализ упомянутых ранее федеральных актов избирательного законодательства наглядно демонстрирует, что на текущий момент времени отсутствуют нормы, которые бы закрепляли конкретные принципы определения предельных сумм расходов на региональных и местных выборах, что приводит к разности подходов в субъектах Российской Федерации.

Так, к примеру, в ст. 79 Кодекса Курской области о выборах и референдумах закреплено: «предельная сумма всех расходов из средств избирательного фонда избирательного объединения на выборах депутатов Курской областной Думы не может превышать 50 миллионов рублей» [5]. Исходя из сведений, опубликованных на официальном сайте Избирательной комиссии Курской области, можно установить, что общее количество избирателей в данном регионе равняется 876 055 человек [11]. Таким образом, предполагаются затраты, равные 57 рублям на одного избирателя.

В статье 49 Закона Краснодарского края от 21.08.2007 г. № 1315-КЗ «О выборах депутатов Законодательного собрания Краснодарского края» установлена предельная сумма, которая равняется 20 миллионам рублей [6]. Количество избирателей в указанном субъекте, в свою очередь, равняется 4 397 163 человек [10]. Таким образом, на одного избирателя предполагается затрачивать 4,5 рублей, что практически в 13 раза меньше, чем в Курской области.

В качестве заключения можно сделать вывод, что в Российской Федерации сформирована система нормативных правовых актов, регулирующих финансирование избирательных кампаний. Такие нормативные правовые акты направлены на регламентацию как общих вопросов, актуальных для всех видов выборов, так и частных, касающихся только конкретных выборов, проводимых на уровне всей Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или конкретного муниципального образования. Особенно позитивным представляется наличие возможности определения отдельных аспектов финансирования в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, так как подобный подход позволяет учесть специфику отдельных регионов, что положительно сказывается на развитии отечественного федерализма.

С целью установления единства практики определения предельных сумм расходов из средств избирательных фондов на выборах регионального и местного уровня считаем целесообразным дополнить Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» статьёй 59.1. под заголовком «Порядок определения предельных сумм расходов средств избирательных фондов на выборах глав субъектов Российской Федерации, представительных органов субъектов Российской Федерации, глав муниципальных образований, представительных органов местного самоуправления».

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
2. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.
3. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.
4. Избирательный кодекс Белгородской области от 01 апреля 2005 г. № 182 // Белгородские известия. – 2005.
5. Кодекс Курской области о выборах и референдумах от 3 декабря 2009 г. № 106-ЗКО // Курские ведомости. – № 7-8.
6. Закон Краснодарского края от 21 августа 2007 г. № 1315-КЗ «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» // Кубанские новости. – 2007. – № 134.
7. Горлачев Р.Ю., Овчинников П.И., Щербуяев А.Т. Проблема правового регулирования финансирования избирательных кампаний кандидатов на выборах глав администраций субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы государственно-правового развития России. – 2020. – № 1. – С. 172-178.
8. Нудненко Л.А. Равенство условий финансирования предвыборной кампании кандидатов в депутаты как гарантия принципа равного избирательного права // Вопросы правоведения. – 2015. – № 2 (30). – С. 58-68.
9. Спасова С.А. Порядок создания и ликвидации избирательного фонда кандидата // Вестник магистратуры. – 2022. – № 12-2. – С. 61-62.
10. Численность избирателей // Избирательная комиссия Краснодарского края: официальный сайт. – URL: <http://www.krasnodar.izbirkom.ru/chislennost-izbirateley/> (дата обращения: 21.10.2024).
11. Численность избирателей // Избирательная комиссия Курской области: официальный сайт. – URL: <http://www.kursk.izbirkom.ru/chislennost-izbirateley/> (дата обращения: 21.10.2024).

Гнездилова В.С., Архиреева А.С.

Влияние конституционного суда как источника на муниципальное право

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-414

Научный руководитель: Новикова А.Е.

Аннотация

Работа посвящена анализу идеи о том, как Конституционный Суд Российской Федерации влияет на муниципальное право, являются ли его решения источником муниципального права, его значение для общества.

Ключевые слова: Конституционный Суд, источники муниципального права, решения конституционного суда, постановления, определения, распоряжения.

Abstract

This paper examines the idea of how the Constitutional Court of the Russian Federation affects municipal law, whether its decisions are a source of municipal law, and what their significance for society is.

Keywords: The Constitutional Court, sources of municipal law, decisions of the Constitutional Court, resolutions, rulings, orders.

Актуальность работы заключается в том, что Конституционный Суд и его решения охраняют и защищают права граждан, включая их права непосредственно в сфере местного самоуправления. Его решения способствуют соблюдением прав человека и гражданина на местном уровне. Также участвует в формировании и развитии муниципального права как самостоятельной области права.

Целью данной статьи является более четкое понимание значения решений Конституционного Суда, их важности и воздействия на городское право.

Самобытность заключается в том, что судебный орган РФ в качестве основы права местных органов власти интенсивно воздействует как на само право, так и на общество в целом, защищая его, усовершенствуя систему муниципалитета.

Важно объяснить сущность понятия федерального органа РФ. Согласно Конституции РФ - Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

Конституционный Суд реализовывает одобрение и утверждение функций, целей, проблем и различных вопросов в ходе деятельности конституционного разбирательства в трех основных формах: постановлений, заключений, определений.

Конституционный Суд РФ - источник права? Если ответ положительный, то необходимо проанализировать его влияние на общество, на муниципальное право как отрасль права.

Современные ученые спорят о том, является ли КС РФ источником муниципального права. Они рассматривают данный вопрос как с субъективной, так и с объективной стороны, делая выводы.

Что такое источник права? Ученые трактуют понятие источника права по-разному, с разных сторон, в определенном понимании своей сути.

«Источник права - это способы выражения и доведения решений правотворческих органов о принятии соответствующих норм права до заинтересованных представителей» .

«Муниципальное право как комплексная отрасль российского права представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе организации и функционирования местного самоуправления».

Поэтому Конституционный Суд является источником права. Только можно ли говорить, что КС РФ – это именно источник муниципалитета. Точного ответа на поставленную задачу нет и по сей день.

Муниципальное право базируется на конституционных нормах. Конституция Российской Федерации, в частности, формулирует общую систему представительного органа.

«КС РФ улаживает дела и находит решения ... конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, издающихся по вопросам совместного ведения органов государственной власти и органов государственной власти субъектов».

Это помогает наладить, организовать и гарантировать в своей сущности и кругу соблюдение прав локальных сообществ, населенных пунктов, районных общностей и защитить их интересы. Анализ подобных случаев проявляет в большей степени, демонстрирует вероятные недостатки и способствует их ликвидации.

Эти действия играют ключевую роль в создании правовой надежности, предсказуемости, защищенности и гарантированности, а также в следствии обеспечения выполнения норм. Изучая разнообразные дела, важнейший судебный орган способствует формированию единой практики применения закона.

Кроме того, его решения устанавливают прецеденты, которые могут быть применены в дальнейшей практике на уровне городской власти.

Суд содействует определению границ полномочий между различными уровнями власти, что является важным для эффективного функционирования местного самоуправления.

Таким образом, КС РФ интерпретирует положения Конституции и другие нормы в рамках этой области права. Он также рассматривает случаи на предмет соответствия основного закона РФ, федеральных актов, а также иных правовых источников, которые имеют отношение к муниципальному праву. КС РФ играет ключевую роль в обеспечении правовой определенности, анализируя, как нормы соотносятся друг с другом. В его практике находят отражение вопросы, касающиеся прав жильцов, законности решений муниципалитета.

Как источники – постановления, определения, решения КС РФ равны по юридической силе конституционным нормам, это также закрепляется и утверждается особым, сложным порядком принятия.

Так, можно ответить, что КС РФ является источником муниципального права с присущими ему чертами, закрепляя данное высказывание вышеперечисленными правовыми нормами.

Бесспорно, источниками МП выступают приговоры данного суда, в частности конкретные постановления, заключения, а также определения, которые опубликовываются после анализа конституционности различных актов, включая нормы отраслевого - муниципального права. Все они должны быть закреплены в правовой основе действующего законодательства. В основном, эти определения в данной сфере включают городское и правовое истолкование.

В городском праве значимость играет система отраслевого права в организации регионального управления и регулировании отношений на уровне муниципалитета.

Безусловно, Конституционный Суд РФ взаимодействует с муниципальным правом. К примеру, ввиду решения Совета депутатов городского округа Балашиха Московской области от 4 июня 2013 г. № 53/443 "Об утверждении Положения о приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности городского

округа Балашиха" это Положение разработано с учетом Постановления Конституционного Суда РФ. Устанавливает условия, порядок приватизации служебных жилых помещений, а также перечень документов, прилагаемых к заявлению о приватизации служебного жилого помещения.

Таким образом, Решения Конституционного суда как источника права сложно переоценить. Он играет важнейшие роли, например, правоохранительную. Конституционный Суд выступает действующей конституционной моделью муниципального управления.

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Источники права: учебное пособие / М. Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 672 с.
3. Муниципальное право Российской Федерации: учебное пособие / М. В. Коростелева, А. А. Савченко; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2018
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) "О Конституционном Суде Российской Федерации".
5. Совет депутатов городского округа Балашиха Московской области. Решение от 04 июня 2013 года № 53/443 «Об утверждении Положения о приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности городского округа Балашиха».

Горелик А.В.

Возможность перерасчёта ранее назначенной пенсии по инвалидности и выплат в счёт возмещения вреда здоровью из утраченного заработка для лиц пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы: миф или реальность?

*Сибирский юридический институт МВД России
(Россия, Красноярск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-415

Аннотация

В статье на основе ранее существовавшего нормативно-правового регулирования состава заработка, из которого исчислялся размер возмещения вреда, а также его судебного и административного толкования рассматриваются актуальные проблемы, связанные с реализацией права инвалидов-чернобыльцев на перерасчёт ранее назначенных сумм в счёт возмещения вреда здоровью и пенсии по инвалидности в размере фактического ущерба, из утраченного заработка. Делается вывод о необходимости не замалчивания проблемы, а о полном возмещении ущерба инвалидам-чернобыльцам рассчитанного из утраченного заработка пострадавшего.

Ключевые слова: право, правоприменение, пенсия по инвалидности в размере возмещения фактического ущерба, возмещение вреда, инвалиды-чернобыльцы, состав заработка, судебное толкование.

Abstract

On the basis of the previously existing normative legal regulation of the composition of earnings from which the amount of compensation for harm was calculated, as well as its judicial and administrative interpretation, the article discusses current problems related to the realization of the right of disabled Chernobyl victims to recalculate previously assigned amounts for compensation for harm to health and disability pensions in the amount of actual damage from lost earnings. It is concluded that it is necessary not to gloss over the problem, but to fully compensate for the damage to disabled Chernobyl victims calculated from the lost earnings of the victim.

Keywords: law, law enforcement, disability pension in the amount of compensation for actual damage, compensation for damage, Chernobyl invalids, composition of earnings, judicial interpretation.

Предтечей обозначенной в названии статьи темы явилось то, что многим ликвидаторам аварии 1986-1987 гг. по возвращении на постоянное место работы не оплатили в должных размерах за работу в Зонах отчуждения (в непосредственной близости от реактора).

Размер недоплат складывался из-за неправильной методики расчёта заработной платы представленной работодателем, например он не выплатил вознаграждение по тарифным ставкам, премию, работу в выходные и праздничные дни. Последовавшие обращения в суд с требованиями о довыскании зарплаты за период работы на Чернобыльской АЭС (далее - ЧАЭС) привели к вынесению решений об отказе в удовлетворении иска на взыскание, со ссылкой на пропуск процессуальных сроков, в частности срока исковой давности.

В специальной литературе по этому поводу отмечалось, что «в судебном решении, несмотря на отказ в выплате из-за пропущенного срока исковой давности, будут отмечены конкретные причитающиеся суммы к получению и указано, за какой период, что в последующем будет являться основанием для требований к соцзащите для перерасчёта» получаемых пенсий и возмещения вреда. Иными словами суды в таких случаях признают право на восстановление утраченного инвалидом заработка.

Согласно краткому этимологическому словарю русского языка предтечей для слова пенсия послужило латинское слово *pension* – «платёж», далее же оно было заимствовано уже в XVIII в. из польского языка и обозначало «жалование, оклад».

Следует поддержать мнение исследователей, которые относят пенсионную защиту к важнейшему социальному институту современного общества [4, с. 25]

Заработная плата как критерий оценки уровня пенсионной защиты в полной мере отвечает содержанию пенсионного механизма, так как объектом пенсионной защиты является риск утраты человеком дохода в связи с наступлением старости (и прочих пенсионных оснований). Ведь пенсия по своему экономическому содержанию должна частично заместить пенсионеру утраченный им при наступлении пенсионных оснований доход [4, с. 26].

Тем не менее, не реализованное до настоящего времени право на перерасчёт пенсии по инвалидности в размере фактического ущерба и денежных сумм в счёт возмещения вреда здоровью (далее - ВВЗ) с учётом утраченного заработка за работы по ликвидации аварии на ЧАЭС продолжает вызывать недоумение у ныне живущих инвалидов-ликвидаторов, которые честно выполнили свой гражданский и воинский долг перед государством.

Неожиданным препятствием к восстановлению заявленного права явилась устойчивая позиция судов общей юрисдикции, заключающаяся в своеобразном видении обозначенной проблемы.

Для её полной характеристики, в целях наглядности обратимся к анализу мотивов суда. Так, в 2004 году по иску Г. о взыскании задолженности по выплатам ВВЗ в результате радиационного воздействия в период его работы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и взыскании ежемесячных платежей в счёт ВВЗ в мотивировочной части решения суд указал, что доводы Г. о том, что расчёт среднего заработка должен производиться с учётом неполученной им заработной платы в сумме 2545 рублей 43 копейки, во взыскании которой ему было отказано решением Железнодорожного районного суда от 21.04.2000 года, не могут быть приняты судом во внимание, поскольку из содержания ст. 13-15 Правил возмещения работодателями вреда, причинённого работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей (Утверждены Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 декабря 1992 г.) (далее – Правил) следует, что в составе заработка, из которого исчисляется размер возмещения вреда, учитываются все виды вознаграждения за труд, то есть суммы заработной платы, начисленной и выплаченной истцу.

В 2024 году ситуация с отказом инвалиду-чернобыльцу в перерасчёте уже пенсии по инвалидности в размере фактического ущерба практически повторилась.

Так, в мотивировочной части решения суд делает вывод о том, что справка о более высокой заработной плате в сумме 5046 руб. 46 коп., на которую ссылается истец, выдана в 2000 г., в указанной справке работодатель ссылается на решение Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 21.04.2000 г., которым установлен размер заработка в сумме 5046 руб. 46 коп., установлено также, что фактически выплачено 2501 руб. 03 коп., однако во взыскании недополученного заработка в сумме 2545 руб. 43 копейки в пользу Г. отказано, соответственно, указанный в данной справке заработок на общую сумму в 5046 руб. 46 коп., не был получен истцом на дату назначения ему пенсии в октябре 1991 года.

Далее суд формулирует еще одно, к сожалению, закрытое положение, относительно того, что «возможности перерасчёта пенсии с учётом полученных денежных средств после такого назначения, закон не предусматривает».

Особо стоит отметить, что суды в обоих случаях оставили без оценки факт нахождения в выплатном деле истца документа распорядительного характера содержащего данные о результатах расчёта заработка за период его участия в 1987 году в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в сумме 5046 руб. 46 коп., который бесспорно свидетельствует, что работодатель начислил и передал данные об утраченном заработке в органы пенсионного обеспечения.

Подобное ошибочное толкование органами правосудия способствует росту правового нигилизма, и кроме того, ранее признанное в судебном порядке право на утраченный заработок для лиц пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы оказывается искусственно нивелированным.

Прокуратура Красноярского края в этом принципиально значимом для инвалидов-чернобыльцев вопросе занимает солидарную с судами позицию, полагая, что для расчёта суммы ВВЗ принимаются только денежные средства, начисленные и выплаченные работнику.

Следует поддержать иное толкование состава заработка, из которого исчисляется размер возмещения вреда, которое встречается в профильной литературе - журнале «Пенсия». В частности, один из руководителей центрального аппарата Министерства труда и социального развития Российской Федерации предоставляя юридическую консультацию, указывает, что определяя состав заработка, из которого исчисляется размер возмещения вреда в соответствии со статьей 13 Правил следует исходить из того, что «Все суммы заработка (дохода) учитываются в суммах, начисленных до удержания налогов» [5, с. 15].

Тожественного мнения в этом вопросе придерживается автор единственного существующего комментария к Правилам подготовленного ведущим научным сотрудником Научного Центра профсоюзов, кандидатом юридических наук, заслуженным юристом Российской Федерации Ю.Н. Коршуновым.

Так, в частности Ю.В. Коршунов полагает, что «В состав утраченного заработка (дохода) потерпевшего включаются все виды оплаты его труда по трудовым и гражданско-правовым договорам, как по месту основной работы, так и по совместительству, облагаемые подоходным налогом» [2, с. 56].

Ключевое значение в контексте нашего исследования имеет, то что «Все виды заработка (дохода) учитываются в суммах, начисленных до удержания налогов» [2, с. 56]. Добавим, что и буквальное толкование содержания и смысла статьи 13 Правил также не предусматривает требования о получении заработка пострадавшим.

Логическая взаимосвязь трудовых и пенсионных отношений находит своё закономерное отражение в том, что состав заработка, учитываемого для определения сумм пенсии по инвалидности в размере фактического ущерба и возмещения вреда должен быть одинаковый [2, с. 57].

Ведомственные инструкции, разъяснения и указания также подтверждают вышеприведенный тезис.

Например, в Инструкции о составе фонда заработной платы и выплат социального характера отмечалось, что «в состав фонда заработной платы включаются начисленные предприятием, учреждением, организацией суммы оплаты труда в денежной и натуральной формах».

Органам социальной защиты населения в свою очередь предписывалось, что лицам, получавшим до 2-го марта 1996 г. пенсии в размере возмещения вреда, следует произвести перерасчет этих пенсий по документам о заработке, имеющемуся в пенсионном деле, либо (по желанию пенсионера) из заработка за периоды, установленные Законом о государственных пенсиях в РСФСР от 20.11.1990 г. № 340-1.

В свою очередь пункт 4. Разъяснения Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 1 июня 1999 г. № 1 предусматривал, что «Исчисление сумм в возмещение вреда производится на основании справки о начисленной заработной плате, подлежащей налогообложению, выданной на основании лицевых счетов, подписанных руководителем и главным бухгалтером организации с расшифровкой состава заработка. Для лиц, командированных для выполнения работ по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы или военнообязанных, призванных на спецборьбу, в него включается зарплата, сохраненная по основному месту работы, а также доплаты за работу в зоне отчуждения».

Очевидно, что судебное толкование вышеизложенных фактов касающихся состава заработка для исчисления размера возмещения вреда вступает в прямое противоречие с ведомственными разъяснениями, изложенными ранее и не способствует восстановлению законности.

При таких обстоятельствах, описанная выше ситуация должна вызвать у правозащитников тревогу и озабоченность, так как инвалид-чернобылец при отстаивании своего пенсионного права фактически оказывается один на один против государственных органов, что ставит его в заведомо неравное положение.

Тем не менее, правоприменитель это ключевая фигура процесса применения права, если образно, то его «дирижёр» и «координатор». В силу данного статуса он должен обладать высокими профессиональными, нравственными и организаторскими личностными качествами.

В этой связи следует поддержать мнение отдельных исследователей проблем построения правового государства в России, считающих необходимым «усилить персональную ответственность за нарушения прав граждан, т. к. Основная проблема как раз не в закреплении прав, а в их обеспечении и защиты реализации» [3, с. 25].

Таким образом, «главной проблемой для России является не законодательное закрепление максимального числа прав и свобод, а обеспечение элементарного уровня их реализации» [1, с. 55].

1. Барбин, В.В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел: курс лекций / В.В. Барбин, В.Н. Бутылин, И.В. Гончаров – М.: ЦОКР МВД России, 2009.
2. Коршунов, Ю.Н. Законодательство Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного здоровью работника при исполнении трудовых обязанностей. Законодательные и нормативные правовые акты и комментарии к ним / Ю.Н. Коршунов // Научный центр профсоюзов. М. 1998 г. С. 106.
3. Рубанцова, Т.А. Проблемы построения правового государства в России / Т.А. Рубанцова, Н.А. Фомина // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — iv, 108 с.
4. Федотов, Д.Ю. Финансовые проблемы обеспечения пенсионной защиты населения России / Д.Ю. Федотов // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2010. - № 6. - С. 25-30.
5. Шомов, Е.М. Исчисление среднего заработка при определении сумм возмещения вреда, причиненного здоровью работника увечьем, профессиональным заболеванием при исполнении ими трудовых обязанностей / Е.М. Шомов // Пенсия. -1997. - № 9 (12). - С. 15.

Рецензируемый научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№116, Декабрь 2024**

Часть 9